

"Конституционное правосудие и реализация
решений Европейского суда по правам
человека: Научно-практическое пособие"
(Грачева (Перчаткина) С.А.)

("Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ",
"КОНТРАКТ", 2012)

**ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ
РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА <*>**

С.А. ГРАЧЕВА (ПЕРЧАТКИНА)

<*> Gracheva S.A. Constitutional Justice and implementation of decisions of the European Court of Human Rights: scientific-practical guide. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2012. 240 p.

Сведения об авторе:

Грачева С.А. - старший научный сотрудник ИЗиСП, канд. юрид. наук. Автор более двадцати научных и учебно-методических работ. В сфере научных интересов: конституционное правосудие в России и за рубежом, европейское правосудие по правам человека, взаимодействие национального (конституционного) и международного права, защита основных прав и свобод человека, развитие институтов конституционного права в условиях усиления интеграционных процессов.

Рецензенты:

Колосова Н.М. - ведущий научный сотрудник ИЗиСП, д-р юрид. наук.

Пилипенко А.Н. - ведущий научный сотрудник ИЗиСП, канд. юрид. наук.

ВВЕДЕНИЕ

Признание многими государствами обязательной юрисдикции Европейского суда по правам человека (Европейский суд, орган конвенционного контроля) и постепенное утверждение многоуровневой системы защиты основных прав и свобод на европейском континенте оказало существенное влияние на развитие взаимодействия и взаимопроникновения национального и международного права.

В связи с функционированием Европейского суда, обеспечивающего посредством своих решений <1> соблюдение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция) <2> в странах - членах Совета Европы и осуществляющего ее толкование, образовалась особая взаимосвязанная система европейских конвенционных стандартов в сфере защиты прав и свобод. Такие стандарты комплексно влияют на развитие и преобразование конституционно-правовых систем, обеспечивая жизнеспособность и действенность Конвенции на всей территории Совета Европы. Тем не менее на современном этапе весьма актуальны проблемы создания условий и механизмов выполнения обязательств по Конвенции, обеспечения согласования конвенционных стандартов с национальными конституционно-правовыми ценностями, прогнозирования и предупреждения новых нарушений Конвенции в будущем. Дискуссия сохраняется вокруг вопросов статуса и юридической силы решений Европейского суда, включая пределы и границы их действия, место и значение для развития иерархии национальных конституционно-правовых актов.

<1> Для целей настоящей работы под решениями Европейского суда по правам человека понимаются, прежде всего, постановления данного Суда, принятые в результате рассмотрения дела по существу, в порядке индивидуальной жалобы.

<2> Конвенция о защите прав человека и основных свобод принята и открыта для подписания и ратификации государствами 4 ноября 1950 г.; впоследствии в дополнение к Конвенции приняты 14 Протоколов, некоторыми из них были внесены изменения в текст Конвенции.

На внутригосударственном уровне важным каналом восприятия практики Европейского суда выступает конституционное правосудие <1>, которое получает все более широкое признание в качестве

института, имеющего исключительное значение одновременно для осуществления защиты основных прав и обеспечения конституционных основ интеграции национального права в международное правовое пространство.

<1> В целях данной книги термины "конституционное правосудие", "судебный конституционный контроль", "конституционно-судебная деятельность", "осуществление конституционной юрисдикции" рассматриваются как равнозначные понятия.

В процессе осуществления конституционной юрисдикции соответствующие органы по-разному могут влиять на имплементацию европейских конвенционных стандартов в национальные правовые порядки и обеспечивать оптимальные параметры взаимодействия национального права и права Конвенции. При этом конституционные суды одновременно проявляют себя как субъекты выполнения международных обязательств по Конвенции, инструменты контроля соответствия правотворческой и правоприменительной практики Конвенции, партнеры Европейского суда по оценке сложившейся правовой ситуации, механизмы гарантирования основных прав и свобод человека, схожим образом предусмотренных Конвенцией и национальными конституциями. Тем самым участие конституционных судов в воплощении конвенционных стандартов и реализации решений Европейского суда становится важным условием полной и последовательной имплементации Конвенции в правовые системы государств - членов Совета Европы и со всей очевидностью нуждается в специальном теоретическом осмыслении.

Можно констатировать, что современное понимание места и роли конституционных судов в государственно-правовом механизме невозможно без комплексного анализа международно-правового аспекта их деятельности в свете обеспечения международно-правовых гарантий защиты прав и свобод и выполнения обязательств по Конвенции. Такой анализ сопряжен, прежде всего, с потребностью глубокой исследовательской проработки существующих направлений и возможностей конституционного правосудия, обуславливающих способность конституционных судов эффективно и разнонаправленно реагировать на право Конвенции. При этом не менее важно обратить внимание на построение, развитие правовых связей и отношений судебных органов конституционного и конвенционного контроля, а также на влияние соответствующих процессов на современные представления о целях, задачах и иных параметрах организации конституционного правосудия.

Высока практическая значимость оценки обозначенных вопросов для взаимодействия Конституционного Суда РФ и Европейского суда с учетом все более частого пересечения их юрисдикции в последнее время. Европейское правосудие по правам человека проявляет признаки конституционной юрисдикции, когда проверяет соответствие Конвенции практики толкования национального закона, который сам по себе несовместим с требованиями права Конвенции. Между тем в рамках конституционно-судебной деятельности стали чаще появляться дела, когда Конституционный Суд РФ фактически оценивает конституционность не собственно положений национального закона, но их истолкование правоприменительными органами. Совпадение объектов конституционного и конвенционного контроля способно повлечь расхождение позиций этих органов по одному и тому же вопросу и вызвать серьезные последствия не только для реализации конкретного решения Европейского суда, но и для характера влияния конституционного правосудия на выполнение конвенционных обязательств в целом.

В целях проведения комплексного анализа выполнения обязательств по Конвенции в рамках конституционной юрисдикции, возникновения и развития правовых связей и отношений между конституционными судами и Европейским судом по правам человека в настоящей работе исследуется практика конституционных судов разных государств. При этом основное внимание уделяется опыту организации и осуществления судебного конституционного контроля государств "традиционной демократии", которые формировали практику общения с Европейским судом на протяжении многих десятилетий. В процессе взаимодействия органов конституционного правосудия соответствующих государств с Европейским судом неоднократно ставились задачи, актуальные для российской конституционной юрисдикции в настоящее время, в частности: определение линии взаимодействия с Европейским судом, контрольная деятельность которого имеет тенденцию к усилению; разрешение вопроса соотношения Конвенции и решений Европейского суда с национальными конституционно-правовыми актами; определение пределов влияния решений Европейского суда на конституционно-судебную деятельность; развитие возможностей непосредственной защиты основных прав при осуществлении конституционного контроля.

Источниковедческой основой исследования обозначенных вопросов послужили, прежде всего, труды

российских ученых по конституционному и международному праву: Н.С. Бондаря, А.Л. Буркова, Н.В. Витрука, А.С. Гавердовского, Г.А. Гаджиева, Д.В. Даниленко, В.В. Ершова, В.Д. Зорькина, Б.Л. Зимненко, Г.В. Игнатенко, А.Я. Капустина, А.И. Ковлера, В.В. Лазарева, Л.В. Лазарева, П.А. Лаптева, М.Б. Лобова, И.И. Лукашука, О.И. Лукашука, Т.Г. Морщаковой, С.В. Нарутто, Т.Н. Нешатаевой, Ж.И. Овсепян, Б.И. Осминина, О.И. Тиунова, Ю.А. Тихомирова, Б.Р. Тузмухамедова, В.А. Туманова, М.А. Филатовой, Т.Я. Хабриевой, С.В. Черниченко, В.Е. Чиркина, М.В. Шугурова, Б.С. Эбзеева, М.Л. Энтина и др. Также значительное внимание в работе уделяется теоретическим разработкам зарубежных исследователей: Р. Арнольда, Г. Арутюняна, Ф. Абдуллаева, Л. Адамовича, Е.А. Алкема, Л.Н. де Алмейда, С. Балика, Л. Вильдхабера, Л. Гарлицкого, Д. Гомьена, М. Джениса, Л. Зваака, Б. Зупанчича, В. Камелла, Г. Кельзена, Ж.-П. Кемби, Ж.-П. Коста, К. Куртуа, Г. Люббе-Вольфф, Я. Мазака, Э. Майера, Р.Ст.Дж. Макдональда, Ф. Матшера, Е. Мачкува, Ф. Меерсшо, Х.-Ю. Папира, А. Петере, Х. Петзоляда, О. Пферсмманна, Я. Омеича, В. Садурского, М. Сальвиа, А.Ст. Суита, А. Нуссбергер, Р. Рисдаль, Е. Танчева, А. Шайо, Л. Шольома, Р. Уитц, Д. Харриса, К. Экономидеса и др.

Итак, в центре внимания настоящей книги находятся, прежде всего, вопросы влияния конституционного правосудия на взаимодействие наднационального и национального уровней регулирования защиты основных прав и выполнения решений Европейского суда с учетом особенностей развития отдельных конституционно-правовых систем. В связи с этим анализируются: конституционно-судебное направление имплементации решений Европейского суда, вопросы взаимодействия конституционных судов и европейского правосудия по правам человека, механизм реализации решений Европейского суда в конституционно-судебной деятельности, проблемы соотношения конституционной и конвенционной юрисдикции. При этом дается оценка последствиям принятия судебных решений Европейского суда, их значению для развития конституционного правосудия; исследуются особенности реализации решений Европейского суда в практике конституционных судов конкретных государств; анализируются направления и возможности участия таких судов в выполнении конвенционных обязательств; выявляются оптимальные критерии выполнимости решений Европейского суда и достижения целей Конвенции.

Представляется, что на современном этапе развития конституционного правосудия под влиянием международного права и решений Европейского суда разработанные предложения послужат теоретической основой дальнейших исследований в соответствующей сфере, а также будут иметь практическое значение для правотворческих и правоприменительных органов.

Многоаспектность и сложность рассматриваемой проблематики, безусловно, потребует дальнейших усилий исследователей по ее развитию, особенно важным и перспективным видится поиск наиболее эффективных и оптимальных путей участия конституционных судов в обеспечении согласования национальных суверенных интересов и современных основ международного публичного порядка.

Глава 1. ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

§ 1. Теоретико-правовые основы влияния решений Европейского суда по правам человека на национальные правовые системы

За период своего существования Конвенция о защите прав человека и основных свобод приобрела значение одного из важнейших источников развития правового пространства европейского континента. Об этом свидетельствует постоянное увеличение круга государств - участников Конвенции, число которых достигло 47, а также наличие иных государств и даже надгосударственных образований, активно выражающих приверженность ценностям Конвенции.

Нередко Конвенция рассматривается в качестве конституционного акта, "второй конституции" или "конституционно признаваемого на национальном уровне инструмента европейского правопорядка" <1>, несмотря на то что договаривающиеся стороны Конвенции не обозначают ее таким образом. Этим выражается, прежде всего, идея признания за Конвенцией ее конституирующего характера как основного европейского правозащитного инструмента, закрепляющего общие для государств - членов Совета Европы правила поведения и ориентированного на создание общего публичного порядка в сфере защиты фундаментальных прав. Как отмечает Л.М. Энтин, применительно к Конвенции речь идет об ограниченном наборе юридически обязательных гарантий прав и свобод, но это такие права и свободы, которые занимают высшее место в иерархии основных прав и свобод и должны быть обеспечены

преимущественной защитой <2>.

<1> Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. N 12. С. 23; Заключительная декларация конференции министров юстиции государств - членов Совета Европы по случаю пятидесятилетия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 3 - 4 ноября 2000 г.) // <<http://www.codices.coe.int>>; Лобов М. Прямое действие постановлений Европейского суда по правам человека во внутреннем праве: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 88; Арнольд Р. Европейское конституционное право: некоторые размышления о концепции, возникшей во второй половине двадцатого века // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. N 4. С. 108.

<2> См.: Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. М., 2002. С. 18.

Важным обстоятельством, благодаря которому поддерживается конституирующий характер Конвенции, является наличие у нее собственного механизма защиты. Конвенция является правовой основой функционирования Европейского суда по правам человека, обеспечивающего соблюдение положений Конвенции в странах-участницах путем рассмотрения жалоб на нарушение гарантированных ею прав и свобод и осуществляющего толкование Конвенции.

В связи с деятельностью Европейского суда Конвенция нередко оценивается в качестве "живого, развивающегося договора" <1>. Закрепленные в ней права и свободы постоянно наполняются новым содержанием, уточняются, конкретизируются посредством принятия судебных решений. Р. Саква указывает, что право, создаваемое Европейским судом, позволяет приспособиться к меняющейся социально-политической действительности и отвечать на все новые возникающие вопросы, поскольку суд постоянно адаптирует правовые гарантии, сформулированные в Конвенции, к непрерывно развивающимся социальным отношениям, рассматривая Конвенцию как "живой инструмент", обладающий достаточной гибкостью для эффективной реализации незыблемых ценностей в условиях постоянных политических, социальных и идеологических изменений в государствах - членах Совета Европы <2>.

<1> Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы. М., 1997. С. 11; Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 300.

<2> См.: Саква Р. Совет Европы и Россия: конститутивный подход // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. Сборник докладов. М., 2001. С. 19.

По справедливому замечанию М. Хартвига, значение Европейского суда выражено в том, что, разрешая конкретный спор, суд фактически принимает участие в развитии самой европейской системы защиты прав человека. С одной стороны, общие для всех государств предписания становятся более четкими и учитывающими особенности современного общественно-государственного развития применительно к конкретным национальным правовым порядкам, а с другой стороны, происходит постоянное развитие Конвенции, которое все более охватывает стандарты, относящиеся к детальным аспектам защиты прав человека <1>.

<1> См.: Хартвиг М. Влияние международного права на внутригосударственное право на примере Европейской конвенции по правам человека // Имплементация норм международного права в национальное законодательство: теория и практика. Материалы 3-й Международной научно-практической конференции органов конституционного контроля (Минск, 31 мая - 1 июня 2001 г.). Минск, 2001. С. 19.

В исследованиях также подчеркивается, что Европейский суд при определении и закреплении европейских правозащитных стандартов выступает как орган, трактующий и определяющий содержание европейского публичного порядка. При этом европейская судебная практика в области прав человека, как по количественной, так и по своей качественной значимости, выполняет, по сути, структурообразующую функцию самой европейской системы защиты прав человека <1>.

<1> См.: Хасянов Р.Ш. Европейский публичный порядок, европейское правовое пространство и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 100.

В связи с этим благодаря решениям Европейского суда текст Конвенции перестал быть самодостаточным и превратился в важнейший элемент взаимосвязанной системы европейских стандартов, регулирующих защиту прав и свобод человека, именуемой правом Конвенции.

Договаривающиеся стороны, принявшие обязательства в рамках Конвенции, должны применять ее только так, как это делает единственный международный орган, специально созданный для применения и толкования Конвенции, - Европейский суд. Как отмечает Комитет министров Совета Европы в своих рекомендациях при разъяснении порядка применения Конвенции <1>, необходимое условие защиты прав человека в Европе с помощью Конвенции состоит в том, что государства применяют Конвенцию в своих правовых системах так, как она понимается в практике Европейского суда. Тем самым также выполняются требования ст. 31.3 ("b") Венской конвенции о праве международных договоров <2>, согласно которым при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора. Поэтому представляется обоснованным мнение Л. Гарлицкого о том, что для понимания сущности Конвенции анализа ее текста недостаточно - необходимо смотреть на нее через призму судебных решений <3>.

<1> См.: Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам-членам по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека от 12 мая 2004 г. // <http://www.coe.int/t/cm/WCD/basictexts_en.asp>.

<2> См.: Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. N 37. С. 772.

<3> См.: Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 43.

Таким образом, вопросы влияния Конвенции на национальные правопорядки в значительной степени трансформировались в вопросы влияния решений Европейского суда.

Важным аспектом "живого" характера Конвенции является то, что каждый обращающийся в Европейский суд заявитель, восстанавливая свои нарушенные права, потенциально может изменить как представления о содержании конкретного права и свободы, так и правовую действительность своей страны. Европейский суд предлагает ориентиры для трансформации законодательства и правоприменительной практики в направлении соответствия их Конвенции.

Между тем влияние решений Европейского суда на правовые системы государств неодинаково и в конечном счете обусловлено процессом восприятия права Конвенции, что принято связывать с явлением имплементации.

Понятие "имплементация" (от англ. implement - осуществлять, обеспечивать выполнение) определяется в юридической литературе по-разному. А.С. Гавердовский рассматривает ее как целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально или коллективно либо в рамках международных организаций в целях своевременной и полной реализации принятых ими международных обязательств <1>. В.Ю. Калугин понимает под ней деятельность государства по всестороннему своевременному полному воплощению в жизнь предписаний, содержащихся в нормах международного права, а также правовое и организационное обеспечение этой деятельности, предпринимаемое или на внутригосударственном уровне самостоятельно, или на международном уровне индивидуально, или совместно с другими участниками международных договоров, в том числе в рамках международных организаций <2>.

<1> См.: Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. С. 62.

<2> См.: Калугин В.Ю. Механизм имплементации международного гуманитарного права. Минск, 2003. С. 99.

О.И. Тиунов рассматривает имплементацию международных договоров в узком и широком смысле. В узком смысле имплементация связана с обязанностью государства по принятию внутригосударственных мер для создания и обеспечения правовых механизмов реализации норм международного права. В широком смысле реализация не только работа по совершенствованию законодательства государства,

созданию каких-либо новых норм, но и меры организационно-распорядительного характера, которые обязано предпринять государство <1>.

<1> См.: Тиунов О.И. Интерпретация норм европейского гуманитарного права в российской правовой системе // Российская и европейская правозащитные правовые системы: соотношение и проблемы гармонизации. Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003. С. 172.

В свете этого имплементация права Конвенции как процесс выполнения обязательств государства в рамках Конвенции включает в себя широкий спектр необходимых действий и мероприятий государства, сочетающих в себе элементы правотворческой и организационно-исполнительской деятельности. Среди основных направлений имплементации или осуществления права Конвенции следует выделить: определение правового положения Конвенции и решений Европейского суда, их места и значения для иерархической системы источников внутригосударственного права; установление механизма принятия мер для выполнения требований, вытекающих из решений Европейского суда, и собственно организационно-исполнительскую деятельность национальных органов публичной власти.

Принимая во внимание отсутствие в Конвенции какого-либо определенного регулирования указанных вопросов, характер, степень и особенности имплементации права Конвенции в национальных правовых системах различаются, на что оказывает воздействие совокупность взаимосвязанных факторов, благодаря сочетанию которых в каждом конкретном государстве образуется уникальная модель восприятия права Конвенции. Для этого случая справедлив выделенный Р.А. Мюллерсоном перечень следующих факторов: особенности правовой системы; специфика государственного устройства, системы и структуры государственных органов; степень активности государства в международном общении <1>.

<1> См.: Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 112.

При этом особое значение среди таких факторов имеет решение вопроса о признании Конвенции в качестве части национального права и установленное соотношение юридической силы ее положений с нормами национального законодательства в правовых системах государств - участников Конвенции.

В большинстве государств Конвенция имеет силу национального права, поскольку в них господствует теория монизма к соотношению национального и международного права, согласно которой различные правовые системы рассматриваются в качестве элементов всеобъемлющей международной системы, при которой властные органы государства связаны международным правом в своих взаимоотношениях с частными лицами. Исходя из данной теории права, и обязанности частных лиц порождаются непосредственно международным правом, что дает индивидам право напрямую ссылаться на нормы международного права в национальных судах государств. При этом, как правило, вопрос о том, были ли трансформированы нормы международного права во внутригосударственное право, не играет определяющей роли, а международный договор становится интегрированной частью национального права сразу после ратификации.

В свою очередь, известным исключением из указанного правила являются англосаксонские государства, которые традиционно разделяют теорию дуализма, в соответствии с которой международное публичное право и национальное право являются собой различные и независимые правовые системы. При этом в дуалистической системе имплементация международных норм происходит путем принятия специального закона или внесения изменений в существующее национальное законодательство, что принято также характеризовать как процесс трансформации международно-правовых норм в национальную правовую практику. Например, в Великобритании, несмотря на то что Конвенция была ратифицирована государством еще в 1951 году, до вступления в силу Акта о правах человека 1998 года, она не имела свойства прямого действия на территории Соединенного Королевства. При этом важно обратить внимание на тенденцию, при которой традиционно дуалистические государства, такие, как, например, Скандинавские страны (Дания, Швеция, Финляндия), включили Конвенцию в национальное право, которая приобрела юридическую силу закона в указанных правопорядках <1>. Примечательно, что единственным государством, не придавшим Конвенции прямого действия к настоящему времени, остается Ирландия, поэтому национальные суды не могут применять право Конвенции непосредственно, в результате чего Конвенция является обязательной для государства, но не внутри государства.

<1> См.: Обязательства государств - участников Европейской конвенции о защите прав человека и

основных свобод по исполнению постановлений Европейского суда по правам человека / Под ред. Л.М. Чуркиной. Серия "Международная защита прав человека". Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 34; Стандарты Совета Европы по правам человека и российская правоприменительная практика. Сборник аналитических статей / Под ред. М.Р. Воскобитовой. М., 2005. С. 20.

Конституционная практика государств - участников Конвенции монистической направленности имеет явно выраженную тенденцию закрепления подхода к соотношению международного и внутригосударственного права в конституциях (Италия, Испания, Австрия, Португалия) или нормах специального законодательства (Мальта, Норвегия, Исландия) государств. При этом соответствующие положения существенно отличаются друг от друга. В частности, Конституция Италии определяет, что правопорядок Италии согласуется с общепризнанными нормами международного права (ст. 10.1). Согласно Конституции Испании нормы, касающиеся основных прав и свобод, признаваемых Конституцией, должны рассматриваться в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека, ратифицированными международными договорами и соглашениями (ст. 10.2). Конституцией Португалии установлено, что нормы и принципы общего или обычного международного права являются составной частью португальского права (ст. 8) <1>.

<1> См.: Конституция Португалии от 2 апреля 1976 г.; Конституция Италии от 27 декабря 1947 г.; Конституция Испании от 27 декабря 1978 г. // Конституции государств Европы: В 3 т. / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001.

Во многом, исходя из соотношения международного и национального права, в каждом государстве по-своему установлен приоритет национальных норм или норм Конвенции в национальном праве. В этой связи государства - участники Конвенции классифицируются следующим образом:

- государства, в которых нормы Конвенции имеют приоритет над национальными (конституционными) нормами права (Нидерланды, Швейцария);
- государства, в которых нормы Конвенции имеют силу конституционных норм (Австрия);
- государства, в которых нормы Конвенции имеют приоритет над национальными законами, но находятся по юридической силе ниже конституционных норм (Франция, Бельгия, Испания), то есть приоритет Конвенции по отношению к не соответствующим ей положениям обычного законодательства устанавливается независимо от даты принятия национальных правовых актов. При этом в некоторых государствах (например, Испания) Конвенция является легальным критерием толкования национальной конституции;
- государства, в которых нормы Конвенции обладают статусом обычного закона (Германия, Италия, Португалия). В данном случае принципиальное значение имеет принцип "lex-posterior-regel", согласно которому в случае противоречия между положениями Конвенции и какого-либо закона, принятого после ее одобрения, по общему правилу преимущество должен иметь более поздний национальный закон; положения Конвенции имеют приоритет перед законодательством, введенным в действие до даты одобрения Конвенции <1>.

<1> См.: Стандарты Совета Европы по правам человека и российская правоприменительная практика. Сборник аналитических статей / Под ред. М.Р. Воскобитовой. С. 20; Нере М. Европейский суд по правам человека и национальное правосудие (Германия) // На пути в Европу. Сборник материалов 5-й Международной конференции судей (Стамбул, 2007 г.). Стамбул, 2007. С. 81; Economides C. *Projet d'etude comparative des solutions nationales sur la question des rapports entre le droit international et le droit interne et recommandations y relatives // Les rapports entre le droit international et le droit interne* <[http://www.venice.coe.int/docs/1993/CDL-STD\(1993\)006-f.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1993/CDL-STD(1993)006-f.asp)>.

Примечательно, что, инкорпорируя Конвенцию в национальное право, государства демонстрируют признание особой юридической силы Конвенции, при которой ее действие не ограничивается привычными рамками обыкновенного международного договора и приближается к значению конституционного акта, чем создаются благоприятные условия для активного влияния решений Европейского суда на правовые системы государств - членов Совета Европы. К тому же следует добавить, что в связи с преобладающим отсутствием принципиальных противоречий между Конвенцией и национальными конституциями нарушение конституционных норм во многих случаях воспринимается как синхронное отклонение от норм

данного международного договора.

В свою очередь, касаясь статуса решений Европейского суда, в праве большинства государств - участников Конвенции недостаточно регламентировано или не регламентировано вовсе место и значение соответствующих судебных актов. В частности, законодательно не определяются форма и степень обязательности указанных решений для национального права, не решается вопрос соотношения данных актов с источниками национального права <1>. Только в некоторых странах - участницах Конвенции наблюдается законодательное разрешение соответствующих вопросов. В частности, в Украине был принят Закон от 23 февраля 2006 г. N 3477-IV "Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека" <2>, согласно ст. 17 которого суды применяют при рассмотрении дел практику Европейского суда как источник права. В соответствии с Актом о правах человека Великобритании <3>, насколько это возможно, законодательство и подзаконные нормативные акты должны истолковываться и применяться таким способом, который совместим с правами, закрепленными в Конвенции (ст. 3.1); суд при разрешении вопроса, возникшего в связи с конвенционным правом, может учитывать акты Европейского суда (ст. 2).

<1> См.: Лазарев В.В., Мурашова Е.Н. Место решений Европейского суда по правам человека в национальной правовой системе // Журнал российского права. 2007. N 9. С. 115.

<2> <http://sutyajnik.ra/rus/echr/etc/2006_awukra_ne_rus.htm>.

<3> См.: Акт о правах человека Великобритании 1998 г. // Конституции зарубежных государств / Под ред. В.В. Маклакова. 6-е изд. М., 2009. С. 34 - 41.

Вследствие этого для каждой национальной правовой системы значение решений Европейского суда во многом предопределяется юридической силой Конвенции, однако, как правило, к ней не приравнивается. Статус Конвенции в национальном праве непосредственно влияет на обязывающий характер решений Европейского суда и, соответственно, имеет большое практическое значение, поскольку обуславливает цели и характер их применения национальными органами. Кроме того, специфика правового положения решений Европейского суда в ряде случаев значительно обусловлена особенностями национальной правовой системы, выраженными конституционно-правовыми традициями и культурно-ценностными факторами. Например, имеет значение господствующее отношение к судебной практике как возможному источнику правового регулирования. Нередко оказывают влияние причины, положенные в основу того или иного вывода суда, и готовность государства принять обозначенные им ориентиры, связанные с необходимостью институционально-правовых преобразований в национальной правовой системе.

Следует признать, что возможности влияния решений Европейского суда значительно ограничены свободой национального усмотрения по имплементации права Конвенции в национальную правовую практику, что обусловлено принадлежностью его к международно-правовой системе и субсидиарной природой системы защиты прав человека в рамках Конвенции.

Сущность субсидиарной природы механизма Конвенции заключается в первую очередь в ограничении международного вмешательства в осуществление государством своих функций по защите основных прав человека, в том числе гарантированных Конвенцией. В связи с этим Европейский суд по общему правилу должен проявлять определенную степень сдержанности при решении вопросов вмешательства в сферу национального регулирования, а именно суд не должен заменять внутригосударственные органы в вопросе исследования и оценки обстоятельств дела; не может исправлять своим решением фактические или юридические ошибки, совершенные национальными органами при осуществлении своих полномочий; не наделен правом отмены правовых норм и актов внутреннего законодательства, приговора или иного решения, вынесенного национальным судом или правом требовать такой отмены или осуществления каких-либо иных властных мер по обстоятельствам рассмотренного дела, если он придет к выводу, что этот акт нарушает Конвенцию. Это констатирует и Европейский суд: например, когда Социалистическая партия Турции оспорила в Европейском суде решение Конституционного Суда Турции о ее роспуске и потребовала аннулировать это решение, Европейский суд в своем Постановлении <1> указал, что он не правомочен согласно Конвенции принимать такие меры.

<1> См.: ECHR, "Социалистическая партия и другие против Турции", Постановление от 25 мая 1998 г.

В конечном счете субсидиарный характер механизма Конвенции находит выражение в действии "правила результата": какие бы способ и меры государство ни предприняло, они обязательно должны

привести к созданию правовой ситуации, совместимой с требованиями Конвенции. При этом конечным результатом соблюдения данных обязательств государством является обеспечение каждому, находящемуся под его юрисдикцией, прав и свобод, определенных в Конвенции, что требует от государства защищать данные права и устранять их нарушения с помощью эффективных внутригосударственных средств правовой защиты (ст. 1, 13 Конвенции). В связи с этим является важным действие следующего правила: поскольку юрисдикция Европейского суда дополнительна по объему, прежде чем подать в него жалобу, заявитель должен обратиться во все внутригосударственные органы, которые могут предоставить ему эффективную правовую защиту. Как справедливо отмечает О.И. Тиунов, несмотря на то что нормы Конвенции содержат лишь общие обязательства соблюдать права человека, эти обязательства предполагают "заботу государства о глубокой проработке содержания прав и свобод... и эффективным обеспечении этих прав непосредственно данным государством" <1>.

<1> Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации / Под ред. О.И. Тиунова. М., 2005. С. 552.

Тем самым государства несут ответственность за конечный результат соблюдения своих обязательств в рамках Конвенции, вследствие чего они сами вправе решать, каким образом им имплементировать право Конвенции в рамках собственных правовых систем: определять его юридическое значение, создавать иные правовые условия и принимать конкретные организационно-правовые меры для выполнения конвенционных обязательств. Как справедливо указывает Н.В. Витрук, конвенционально-правовые позиции Европейского суда - это катализатор свободных и самостоятельных действий всех государств - участников Конвенции в совершенствовании законодательства, судебной и иной правоприменительной практики, в формировании правовой политики, по содержанию и духу соответствующих Конвенции и Протоколам к ней в интерпретации Европейского суда <1>.

<1> См.: Витрук Н.В. Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. N 11. С. 42.

В связи с этим вряд ли возможно обеспечить единообразие в восприятии права Конвенции в государствах - членах Совета Европы, в том числе согласиться с возможностью утверждения безусловного практического приоритета Конвенции над национальными конституциями. Согласно такому подходу ряда зарубежных и отечественных исследователей современный суверенитет в Европе может означать, что государство признает взятые на себя ограничения и подчиняется правам человека, принципам правового государства и демократии и при этом даже полномочие по толкованию собственной национальной конституции не составляет исключительно вопрос национального суверенитета <1>.

<1> См.: Интервью Председателя Европейского суда по правам человека Л. Вильдхабера газете "Der Spiegel" от 15 ноября 2004 г. N 4 // <<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-36625709.html>>; Занина М.А. Коллизии норм международного права и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2005. N 11. С. 58, 59.

Следует констатировать, что руководящим является принцип добросовестного выполнения государством международных обязательств, которым провозглашается юридическая обязанность государства, взявшего на себя определенные международно-правовые обязательства, реализовать их (принцип "pacta sunt servanda"). Как замечает К. Экономидес, государствам необязательно, по крайней мере официально, признавать верховенство международного права над национальным правом, но они должны обеспечить полное соблюдение международного права теми способами, которые они сами определяют <1>. Б.И. Осминин считает, что международное право, обязывая государства соблюдать международные договоры, налагает обязательство, нацеленное на результат, а не на средства его достижения; государства в целом свободны в установлении порядка и выборе способов реализации международных договорных обязательств <2>.

<1> См.: Economides C. Projet d'etude comparative des solutions nationales sur la question des rapports entre le droit international et le droit interne et recommandations y relatives // Les rapports entre le droit

international et le droit interne: <[http://www.venice.coe.int/docs/1993/CDL-STD\(1993\)006-f.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1993/CDL-STD(1993)006-f.asp)>.

<2> См.: Осминин Б.И. Способы реализации международных договорных обязательств в национальных правовых системах // Юрист-международник. 2008. N 2. С. 6.

Важнейшим показателем добросовестного выполнения государствами обязательств в рамках Конвенции являются принятие необходимых мер и осуществление действий, вытекающих из решений Европейского суда, что представляет собой практическое направление имплементации права Конвенции. Всегда актуален вопрос о согласовании с указанными судебными актами национальных правовых стандартов в сфере защиты прав и свобод человека, осуществляемом, как правило, внутригосударственными правоприменительными (в особенности, судебными) органами. В связи с этим справедливо мнение Л. Вильдхабера: "Являясь, по сути, вспомогательным инструментом, Конвенция никак собой не представляет, если ее рассматривать в отрыве от деятельности национальных судов. Поскольку она призвана, прежде всего, обеспечивать соблюдение прав человека в каждой из стран-участниц, первостепенное значение имеет то, чтобы национальные органы государственной власти, в большей степени судебные органы, прилагали максимальные усилия для достижения этой цели" <1>.

<1> Вильдхабер Л. Отношения между Европейским судом по правам человека и национальными судебными органами. Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия // Сборник докладов. М., 2007. С. 9.

Имплементация права Конвенции фактически обеспечивается волевой организационно-правовой деятельностью национальных правоприменительных органов, связанной с реализацией требований, вытекающих из решений Европейского суда. С учетом того, что конвенционные обязательства порождают правоотношения только между субъектами международного права и обращены в первую очередь к государству в целом, а не к его конкретным органам, внутригосударственные органы опосредованно связаны данными обязательствами и имеют значительную свободу усмотрения в выборе способа своего поведения при отсутствии специального правового регулирования.

Участие национальных органов публичной власти в процессе реализации решений Европейского суда, без специальных на то указаний, происходит в связи с признанием государствами прямого действия Конвенции. Такое признание обусловлено, прежде всего, способностью Конвенции по причине ясности, конкретности и независимости от национальных имплементационных средств непосредственно создавать права и обязанности для субъектов национального права и вследствие этого быть непосредственно применимой. Закрепляя минимальные стандарты, нормы Конвенции оптимальны по своему характеру и близки по содержанию многим универсальным принципам и нормам международного права в сфере прав человека <1>. Следствием утверждения прямого действия Конвенции является тенденция признания аналогичного свойства за решениями Европейского суда и в связи с этим наделяние их возможностью быть примененными непосредственно внутригосударственными органами. Как отмечает М. Лобов, к настоящему времени в подавляющем большинстве государств Совета Европы принимается принцип прямого действия решений Европейского суда; имевшиеся некогда принципиальные и доктринальные возражения на этот счет почти полностью преодолены <2>.

<1> См.: Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. С. 150; Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 125 - 128; Тиунов О.И. О роли Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. N 3. С. 93.

<2> См.: Лобов М.Б. Решения Европейского суда по правам человека: правовые последствия для государств - членов Совета Европы // Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Избранные права. М., 2002. С. 25.

Примечательно, что при наличии юридической возможности непосредственного применения внутригосударственными органами решений Европейского суда разрешение вопроса об определении места права Конвенции или отсутствие его разрешения в национальном праве, как правило, не оказывает решающего влияния на реальное значение решений Европейского суда для национального правопорядка. Следует согласиться с мнением С.В. Черниченко: "Для практики важно не то, образуют ли международное и

внутригосударственное право единую правовую систему или же являются двумя самостоятельными правовыми системами, а то, может ли какой-либо государственный орган, включая суд, или должностное лицо при решении конкретного дела, относящегося к его компетенции, для обоснования своего решения сослаться непосредственно на международный договор" <1>.

<1> Международное право / Под ред. А.А. Ковалева и С.В. Черниченко. М., 2006. С. 97.

Отметим, что признание прямого действия решений Европейского суда на территории государств - участников Конвенции не гарантирует их активного непосредственного применения компетентными внутригосударственными органами и, соответственно, повсеместной, систематической и стабильной реализации, которая фактически является завершающим этапом действия права Конвенции. В этом свете важно охарактеризовать теоретические аспекты действия права Конвенции в соотношении с реализацией решений Европейского суда.

В юридическом контексте под действием права принято понимать его готовность оказывать фактическое влияние на общественные отношения, и, соответственно, действие нормы проявляется в характеристике возможностей ее реализации. Реализация начинается тогда, когда действием воспользовались соответствующие субъекты и ее регулятивное влияние находит свой объект. В реализации действие нормы продолжается, но это уже особое действие, нашедшее как бы свою материализацию <1>. Как отмечает Н.В. Витрук, фактическое действие решений Европейского суда обеспечивается реализацией указанных актов в национальных правовых порядках, что требует активных действий внутригосударственных органов <2>. Д.А. Керимов указывал на то, что действие права - это более широкое понятие, чем реализация правовых норм. В свою очередь, реализация правовых норм - это более высокая ступень действия права <3>. В этом смысле реализация права, как замечает В.О. Лучин, это воплощение предписаний права в фактической деятельности субъектов права, осуществление соответствующих требований в правомерном поведении, в общественной практике, которая заключается в совершении субъектом юридически значимой деятельности в форме соблюдения запретов, исполнения юридических обязанностей и использования субъективных прав <4>. Поэтому действие права Конвенции, прежде всего, связано с возможностью непосредственного регулирующего воздействия позитивного права, представленного нормами Конвенции и решениями Европейского суда, на общественные отношения в государстве, принявшем обязательства в рамках Конвенции. Отправным моментом механизма действия права Конвенции, как правило, выступают нормы Конвенции, получившие свое применение в конкретном решении Европейского суда.

<1> См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. М., 2002. С. 62.

<2> См.: Витрук Н.В. О некоторых особенностях использования решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации и иных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 85.

<3> См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 171.

<4> См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. С. 62.

В свою очередь, реализацией решений Европейского суда охватывается определенный процесс, связанный с принятием средств и мер национальными органами, направленных на претворение в жизнь права Конвенции. Именно реализация решений Европейского суда в форме их соблюдения, исполнения и использования означает реальное воздействие права Конвенции на национальную правовую практику для ее совершенствования, обновления и унификации в свете общеевропейских ценностей и принципов в сфере прав человека. При этом эффективность и качество реализации решений Европейского суда свидетельствуют о надлежащем или ненадлежащем действии права Конвенции в национальной правовой системе.

Рассматривая теорию реализации решений Европейского суда, особо следует обозначить такую форму реализации, как применение. Под применением права понимается деятельность властных компетентных субъектов, в том числе государственных органов, по обеспечению реализации права с целью организации, стимулирования поведения других участников реализации права <1>. В связи с этим, как справедливо замечает Н.В. Витрук, применение норм - это особый способ их реализации, который не совпадает ни с одной из основных форм реализации права: по отношению к применяющему применение норм есть их исполнение, соблюдение или использование <2>.

<1> См.: Лазарев В.В. Реализация права // Общая теория права. Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 358; Тиунов О.И. О роли Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. N 3. С. 93.

<2> См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. 2-е изд. М. С. 129 - 133.

Действие права в общетеоретическом смысле не исчерпывается только юридическим содержанием. Исследуя действие права Конвенции в широком понимании, важно обратить внимание на социальный механизм такого действия. Как отмечает В.В. Лапаева, под социальным механизмом действия права понимается механизм взаимодействия правовых и иных социальных факторов, принимающих участие в жизни права на всех этапах его функционирования. Речь идет о социальной среде действия права, ее структуре, связи ее элементов с правом <1>. Также следует согласиться с высказыванием С.Л. Явич: "Социальный аспект действия права предполагает исследование, прежде всего, социальных обстоятельств, находящихся вне самого механизма, но которые так или иначе его детерминируют и на которые этот механизм призван оказывать обратное воздействие, а также социальных факторов и процессов, включенных в сам механизм действия права, а также определяющих его юридическую и социальную действенность" <2>. Тем самым рассмотрение социального механизма действия права Конвенции позволяет исследовать его взаимоотношения с системой социальных связей и условий общественной жизни, включая его взаимодействие с национальным правом во всех проявлениях. При этом под взаимодействием национального права и права Конвенции следует понимать согласованное действие двух правовых систем, обусловленное существованием общих для них целей и сфер деятельности, а также взаимное влияние правовых систем на функционирование и развитие друг друга.

<1> См.: Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987. С. 93.

<2> Явич С.Л. Об исследовании механизма действия прав // Советское государство и право. 1973. N 8. С. 26.

В связи с этим анализ процесса реализации решений Европейского суда, в рамках которого получает завершение действие права Конвенции, со всей очевидностью предполагает исследование обратного воздействия результатов данного процесса и связей права Конвенции с национальным правом. В этом случае реализация решений Европейского суда, являясь важным направлением выполнения конвенционных обязательств, рассматривается как особое явление в системе взаимодействия национального и международного права.

Итак, реализация решений Европейского суда внутригосударственными органами представляет собой сложный многосторонний и противоречивый процесс, являющийся важнейшим показателем надлежащего или ненадлежащего действия права Конвенции в рамках конкретной национальной правовой системы и, соответственно, эффективности влияния решений Европейского суда на национальный правопорядок.

§ 2. Конституционно-судебное направление имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Для имплементации права Конвенции в национальную правовую систему особое значение имеет участие судебных органов в реализации решений Европейского суда, поскольку в их деятельности, связанной с рассмотрением и разрешением различных споров и вопросов, наилучшим образом выражается свойство прямого действия права Конвенции. В связи с этим следует привести слова М. Лобова: "В ходе исполнения решений Европейского суда национальные суды непосредственно интегрируют требования Конвенции во внутреннее право, не дожидаясь, когда это сделают другие ветви государственной власти.

Таким образом, национальные суды, являющиеся основным звеном, приводящим в действие механизм Конвенции в ходе исчерпания заявителем внутренних средств правовой защиты, продолжают играть ключевую роль в применении Конвенции также и на стадии исполнения решений Европейского суда. В результате Конвенция становится мощным инструментом усиления судебной власти в государствах-участниках" <1>. Кроме того, именно суды, как справедливо отметила Ж.И. Овсепян, преобразуются в "проводников" идей международного сообщества в национальных государствах, арбитров

во взаимодействии международного сообщества и национального государства <2>.

<1> Лобов М.Б. Решения Европейского суда по правам человека: правовые последствия для государств - членов Совета Европы // Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Избранные права. С. 25.

<2> См.: Овсепян Ж.И. К обсуждению концепции статуса конституционного правосудия в сфере защиты фундаментальных прав и свобод на основе принципов и норм международного права в период глобализации // Журнал конституционного правосудия. 2011. N 1. С. 6.

Среди судебных органов, участвующих в процессе реализации решений Европейского суда, выделяются органы конституционного правосудия. Конституционные суды представляют собой часть судебной системы или являются отдельными (высшими) органами, занимающими автономное положение в иерархии судебных органов и отправляющими правосудие в самостоятельной процессуальной форме, на которые возложена особая задача - обеспечение верховенства конституции и осуществление толкования этого основополагающего акта <1>.

<1> См.: Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 11.

Именно органы судебного конституционного контроля приобрели значение главных катализаторов проведения Конвенции в истолковании Европейского суда в национальные правовые порядки. Как отмечает Л. Гарлицкий, в применении Конвенции и прецедентов Европейского суда решающая роль принадлежит национальным органам конституционного правосудия <1>. По выражению Р. Арнольда, основное направление, в котором наиболее четко прослеживаются последствия прецедентной практики Европейского суда, - это конституционно-судебное, процессуальное направление развития европейского конституционализма в последнее время <2>.

<1> См.: Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 43.

<2> См.: Арнольд Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. N 3. С. 87.

Особое значение органов конституционного правосудия в числе других национальных судебных органов в процессе обеспечения реализации ими решений Европейского суда объясняется, прежде всего, их уникальной политико-правовой природой <1> и назначением как главных органов судебной защиты базовых конституционных ценностей и основополагающих приоритетов современного конституционализма (равенство, свобода, собственность и др.). Как отмечает Н.С. Бондарь, в силу особой, нормативно-доктринальной природы решения конституционного суда имеют возможность оказывать влияние на все компоненты системы конституционализма; они не только обеспечивают защиту конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, но и способствуют развитию, обогащению ценностей современного конституционализма в новых, усложняющихся условиях экономической, политической, правовой глобализации <2>.

<1> С одной стороны, это юрисдикционные органы, принимающие правовые решения в соответствии с формализованной процедурой, имеющей много общего с обычным судопроизводством; с другой - это политические органы, прежде всего, в части характера рассматриваемых дел, предметом которых являются конституционные вопросы и споры // Сравнительное конституционное право / Под ред. В.Е. Чиркина. М., 2002. С. 90.

<2> См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 19.

Тем самым конституционное правосудие ориентировано на охрану национальных интересов, в том числе государственного суверенитета как важнейшей основы конституционного строя, а также на

обеспечение верховенства конституционных ценностей (вытекающих из положений национальной конституции и концепции конституционализма), таких, как демократия, права и свободы человека, гарантии их защиты, в том числе с помощью наднациональных механизмов, международное право как часть права страны.

В силу сказанного конституционные суды в большей степени, чем другие национальные органы, предназначены для обеспечения согласования национального (конституционного) права и права Конвенции посредством достижения оптимальных параметров их взаимодействия и поддержания баланса национальных суверенных интересов и стандартов европейского права в сфере защиты прав и свобод человека. При этом целью достижения такого баланса должно быть функционирование национального права таким образом, чтобы оно не только не расходилось с требованиями Конвенции и решений Европейского суда, но и способствовало их достижению. Как отмечают исследователи, какова бы ни была концепция отношений между различными источниками права, утвержденная государством, необходимым условием их применения в рамках последнего является их взаимосоответствие для того, чтобы сохранить абсолютное превосходство Конституции и вытекающих из нее норм внутреннего правопорядка соблюдения обязательства, взятые на себя государством на международном уровне; конституционный контроль международных обязательств является в таком случае единственной возможностью, позволяющей исполнить международные обязательства государства и сохранить внутреннюю иерархию норм <1>. Содействие обеспечению баланса между национальными суверенными интересами и выполнением конвенционных обязательств постепенно становится важной функцией конституционного правосудия (осуществляемой даже в отсутствие специальных на то правовых указаний), вытекающей из существа судебного конституционного контроля, его назначения, роли и места в государственно-правовой системе.

<1> См., например: Даниленко Д.В. Конституционный контроль международных обязательств и пересмотр Конституции во Франции // *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 297.*

Поэтому в рамках конституционно-судебной деятельности видится важным определение юридической силы актов международного права для национальной правовой системы в случае недостаточного законодательного регулирования этих вопросов, включая установление параметров механизма реализации международно-правовых обязательств (формы, степени обязательности решений Европейского суда) во внутреннем праве и решение вопроса иерархичности национальных конституционно-правовых актов и права Конвенции.

Конституционные суды располагают необходимыми правовыми средствами и возможностями, благодаря которым они могут способствовать предупреждению нарушений конвенционных обязательств посредством защиты прав, гарантированных Конвенцией, а также реагировать на их нарушения, в частности путем обеспечения прямого действия постановлений Европейского суда вопреки действующему внутреннему законодательству или судебной практики. Органы конституционного правосудия реализуют свои возможности участия в выполнении конвенционных обязательств при рассмотрении конституционно-правовых споров, касающихся сферы защиты прав и свобод индивидов <1>, которые, как правило, значительно доминируют в числе дел, разрешаемых конституционными судами государств - участников Конвенции.

<1> Соответствующие конституционно-правовые споры обусловлены конкуренцией (столкновением, соперничеством) конституционных прав и свобод индивидов, конституционных ценностей. Такая конкуренция возможна как в рамках одного права, свободы (конституционной ценности), так и между равнозащищаемыми основными правами и иными конституционно значимыми ценностями, в частности между ценностями публичного характера, с одной стороны, и частными ценностями - с другой (см.: Нарутто С.В. *Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. М., 2011. С. 126 - 144.*)

Такая деятельность конституционных судов возможна в двух случаях <1>. Во-первых, конституционные суды применяют право Конвенции в рамках своей текущей деятельности при разрешении различных дел, учитывая (явно или неявно) практику Европейского суда, тем самым осуществляя защиту основных прав согласно праву Конвенции и во многом предупреждая возможность его нарушения. Во-вторых, конституционные суды действуют в "свободном пространстве", включающем сферу вопросов, на

которые Европейский суд еще не предоставил точный образец ответа или не выработал единого решения, принимая во внимание нормы и дух Конвенции при разрешении дел о гарантиях защиты прав человека.

<1> См.: Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 44, 45.

Первый случай является наиболее распространенным, поскольку практика Европейского суда является весьма широкой и охватывающей множество аспектов защиты основных прав, при том именно с ним, как правило, связывают участие судов в выполнении международных норм. В свою очередь, второй случай представляет большую ценность для Европейского суда, который не раз воспринимал и подтверждал национальные решения.

Таким образом, конституционные суды, в сравнении с другими национальными органами, обладают наибольшим потенциалом участия в процессе реализации решений Европейского суда и содействия достижению целей Конвенции. При этом, подводя итог, в числе основных целей и задач конституционного правосудия в сфере выполнения конвенционных обязательств обозначим:

- реагирование на нарушения Конвенции, установленные Европейским судом, в частности путем обеспечения прямого действия его решений вопреки законодательству или судебной практике;
- содействие предупреждению нарушений Конвенции, прежде всего, при осуществлении непосредственной защиты основных прав от неправомερных актов органов публичной власти;
- определение юридического значения права Конвенции в национальной правовой системе, включая форму и степень обязательности решений Европейского суда для внутригосударственной правовой системы, соотношения права Конвенции с источниками национального конституционно-правового регулирования;
- содействие достижению баланса между национальными суверенными интересами и выполнением конвенционных обязательств в целях обеспечения функционирования национального права таким образом, чтобы оно не только не расходилось с требованиями Конвенции и решений Европейского суда, но и содействовало их осуществлению.

Следует признать реализацию конституционными судами решений Европейского суда в рамках выполнения принятых государством международных обязательств в области прав человека в качестве самостоятельного направления имплементации права Конвенции в национальную правовую систему. Такая реализация является достаточно многогранным явлением, означая не только непосредственное выполнение конституционными судами требований, вытекающих из судебных актов Европейского суда, посредством их исполнения, использования и соблюдения (реализация в узком (собственном) смысле), но также оказание влияния на выполнение указанных требований в национальном правопорядке органами правотворчества и правоприменения (реализация в широком смысле).

При этом оказание влияния на осуществление права Конвенции во внутригосударственной деятельности в целом выражено в том, что конституционные суды: демонстрируют на собственном примере механизм реализации решений Европейского суда и интегрируют элементы его судебной практики в правопорядок государства; определяют юридическую силу Конвенции, решений Европейского суда и содержащихся в них правовых позиций внутри государства, решают общие вопросы соотношения международного и национального (конституционного) права.

Отметим, что характер участия органов конституционного правосудия в реализации решений Европейского суда и, соответственно, их реальное значение для выполнения принятых обязательств в рамках Конвенции в каждом государстве имеют свои особенности, которые предопределяются объективными факторами, оказывающими общее влияние на процесс имплементации права Конвенции в национальный правопорядок. К числу таких факторов относятся: принадлежность национальной правовой системы к конкретной правовой семье, господствующий в государстве подход к соотношению национальных и международных норм, характер интегрированности национального права в международную правовую систему, политико-правовые традиции, специфика конституционно-судебного устройства и другие особенности организации конституционно-правовой системы.

Важную роль среди таких факторов играет определенный законодательством круг правовых возможностей участия конституционных судов в имплементации права Конвенции в конституционно-правовые системы. При этом регулирование объема полномочий конституционных судов отличается от государства к государству, что обусловлено исторической, политической, экономической

спецификой развития конкретной страны, существующей формой правления, развитием системы "сдержек и противовесов" в политическом механизме государства, государственно-территориальным устройством, взаимным влиянием стран в данном регионе мира <1>.

<1> См.: Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Сборник нормативных актов / Под ред. М.А. Митюкова. М., 1998. С. 48.

Однако в конечном счете реализация конституционными судами решений Европейского суда основана на самостоятельном определении ими степени и характера собственной активности и меры своей ответственности в этом процессе. К тому же органы конституционного правосудия способны в известных пределах определять свои полномочия, влиять на количество рассматриваемых дел и характер выносимых решений, что предопределяется степенью их институциональной и функциональной автономности, а также независимостью судебной власти в целом. Из этого следует, что достаточно сильно влияние факторов субъективного характера, в числе которых преобладает отношение конституционного суда к отдельным решениям Европейского суда.

Обращает на себя внимание то, что, как правило, конституционные суды, осуществляя анализ и учет решений Европейского суда в своей деятельности при определении параметров содержания и пределов ограничения основных прав, последовательно демонстрируют стремление увязывать (согласовывать) собственные выводы с позициями Европейского суда по аналогичным вопросам в целях принятия решения, корреспондирующего с международными обязательствами государства как участника Конвенции. Такое согласование может иметь различные проявления при разрешении конституционно-правового спора - начиная от применения выводов Европейского суда в качестве существенного элемента аргументации итогового решения по делу и заканчивая привлечением позиции Европейского суда исключительно для поддержания, подстраховки собственного заключения и позиции. Примечательно, что столь широкая свобода усмотрения конституционных судов в применении права Конвенции нередко актуализирует дискуссию о том, какие цели преследуются ими в связи с участием в выполнении конвенционных обязательств: согласование национальных суверенных интересов, правовых традиций с требованиями международных обязательств или обеспечение общей видимости соответствия собственных выводов Конвенции для придания им дополнительной легитимности.

Деятельность органов конституционного правосудия, связанная с их активным участием в процессе реализации решений Европейского суда, во многом обусловлена исторически сложившейся взаимосвязью органов конституционного и конвенционного контроля. Следовательно, всестороннее исследование вопросов реализации решений Европейского суда конституционными судами предполагает не только изучение механизма такой реализации и соответствующей практики конкретных конституционных судов, но также и анализ становления и развития отношений между органами конституционного и конвенционного контроля, их взаимодействия.

В рамках такого взаимодействия наблюдается возникновение комплекса прямых и обратных связей между конституционными судами и Европейским судом. Прежде всего, речь идет о воздействии права Конвенции на правоотношения, складывающиеся в процессе деятельности конституционных судов, благодаря которым получают реализацию решения Европейского суда, о воплощении тем самым целей, требований права Конвенции в реальной общественной и государственной практике. Такое воздействие сказывается на механизмах функционирования самого судебного конституционного контроля. В свою очередь, обратные связи, обусловленные действием права Конвенции при участии в этом процессе конституционных судов, выражены влиянием результатов их деятельности на практику Европейского суда, включая привлечение им позиций конституционных судов при формулировании собственных выводов.

Глава 2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ: ПРИРОДА И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

§ 1. Развитие взаимодействия Европейского суда по правам человека и органов конституционного правосудия

Становление отношений между конституционными судами и Европейским судом неотъемлемо связано с развитием концептуальных, институционально-правовых основ их взаимодействия, что во многом

обусловлено социально-политическими причинами, возникающими в процессе исторического развития конституционализма на европейском континенте. Последнее явление связано с формированием особой системы взглядов на устройство нормативной системы и правовой реальности и институтов их судебно-правового гарантирования <1>. Обозначенные факторы содействовали появлению системы взаимных правовых связей органов конституционного и конвенционного контроля, определяющих высокую степень их заинтересованности в деятельности друг друга, и на этой основе способствовали поиску ими взаимоприемлемых решений для осуществления согласованной деятельности.

<1> Такая система взглядов в настоящее время, как правило, предполагает конституционное оформление ценностей, в большей мере выражающих идеи правового государства (как, например, приоритет прав и свобод человека, верховенство права, прямое действие конституционных норм), и сопровождается созданием средств судебного конституционного контроля в целях их гарантирования на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов. (См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011; Шайо А. Конституционализм и конституционный контроль в посткоммунистической Европе // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Сборник докладов / Отв. ред. И.Г. Шаблинский. М., 1999.)

В начале XX века, после Первой мировой войны, становление европейского конституционализма сопровождается осознанием необходимости существования специальных институтов гарантирования конституционных ценностей, выраженным в появлении европейской модели конституционного контроля, и созданием специальных судебных органов, содержанием деятельности которых является конституционный контроль.

Концептуальное обоснование значения института конституционного правосудия было разработано Г. Кельзенем, по теории которого право означает систему норм поведения, представляющую собой иерархическую структуру выше- и нижестоящих норм. Вся система норм в целом восходит к постулируемой основной (наивысшей) норме как общему источнику действительности всего многообразия норм. Конституция всегда является основой государства и основой правопорядка. Для достижения наибольшей стабильности правопорядка, обеспечения действительности (качества) нижестоящих норм, то есть их соответствия высшей норме (конституции), необходим институт, который определял бы действительность или недействительность норм права, обеспечивал соблюдение иерархии правовых норм. Этим органом должен стать специализированный орган конституционного контроля <1>.

<1> См.: Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция, часть 2) // Право и политика. 2006. № 9. С. 6, 7; Шмавонян Г.А. Конституционное правосудие в системе разделения властей. М., 2001. С. 41 - 43; Кемби Ж.-П. Конституционные суды Европы и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995. С. 147.

В рамках своих работ данным ученым обозначена проблема соотношения национального и международного права: "Из возможных отношений двух нормативных систем рассматривать следует лишь систему над- и подпорядков, с учетом отношения международного права к государственному правопорядку. Побочный порядок двух нормативных систем допустим лишь при помощи стоящего над обеими скоординированными системами разграничивающего и таким образом координирующего их порядка. Это отношение также представляется как отношение над- и подпорядка. Этот особый случай имеет непосредственное значение для отношений частно-государственных правопорядков между собой с учетом общего для них международного права" <1>.

<1> Восканов С.Г. Историко-правовой аспект проблемы соотношения международного и национального права // Право: теория и практика: <<http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0303/1.htm/>>.

Примечательно, что указанным исследователем также высказывались идеи о соотношении международного договора и конституции и возможности оценки норм международного права в качестве объекта и критерия конституционного контроля: "Международное право в случае, если мы предполагаем его превосходство, может служить измерителем правомерности всех государственных норм и даже самой высшей среди них - конституции" <1>.

<1> Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция, часть 1) // Право и политика. 2006. N 8. С. 10, 11.

В связи с этим основным назначением органов конституционного правосудия признавалась охрана незыблемости иерархии национальных актов, на вершине которых находится конституция, в частности посредством осуществления согласования национального и международного права. Примечательно, что принятая после распада Австро-Венгерской империи Конституция 1920 г. впервые в мире учредила специализированный орган конституционного контроля (Конституционный Суд) <1> и одновременно предусмотрела возможность его участия в рассмотрении дел о нарушении норм международного права, которое признавалось составной частью национальной правовой системы.

<1> До Второй мировой войны модель специализированного конституционного контроля возникла также в Чехословакии (1920 г.) и Испании (1931 г.).

Обращает на себя внимание то, что среди объектов конституционного контроля Г. Кельзен выделял законы, нарушающие права и свободы, в частности, указывая на возможность обратиться в конституционный суд с народной жалобой в случае нарушения прав и свобод граждан неконституционными законами, что современными исследователями оценивается как прообраз права на направление конституционной жалобы <1>. В свою очередь, в этот период фактические задачи института конституционного правосудия исчерпывались исключительно вопросами охраны стабильности иерархии национальных правовых актов, а такие категории, как "справедливость", "свобода", "нравственность", оценивались как "фразеология".

<1> См.: Куликов А.В., Герасимова Е.В. Развитие функции защиты прав и свобод человека в деятельности органов конституционной юстиции (сравнительно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. N 10. С. 27, 28.

В свете этого было типичным решение Конституционного Суда Австрии (от 13 декабря 1928 г.), в рамках которого заявитель оспаривал наличие предпосылки для экспроприации, утверждая, что ограничения, содержащиеся в законах об аренде, служат не общему благу, а только благу арендатора; при этом Конституционный Суд указал, что "общее благо или то, что лучше всего для всех, отнюдь не представляет собой юридически постижимое понятие, это исключительно дело законодателя... что же до Конституционной судебной палаты, то она должна решительно отказываться выражать мнение по такому вопросу" <1>.

<1> Цит. по: Адамович Л. Судебная практика Конституционной судебной палаты Австрийской Республики по вопросам прав человека // Конституционное правосудие на рубеже веков. Материалы Международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Москва, 1 - 2 ноября 2001 г.). М., 2002. С. 16.

Тем самым важные концептуальные и институционально-правовые предпосылки для будущего участия конституционных судов в процессе взаимодействия с наднациональными механизмами защиты основных прав стали появляться еще до образования соответствующих механизмов и оформления большинства органов конституционного правосудия в том виде, в котором они известны сегодня.

После окончания Второй мировой войны происходят процессы, обусловленные необходимостью закрепления демократических режимов и предотвращения возможности возвращения к авторитарным системам, что выражалось в пересмотре традиционной доктрины конституционализма, основными положениями которой являлись рассмотрение парламента как воплощения общей воли и гаранта свобод, а также представление о незыблемости законов <1>. Актуальной стала необходимость "связанности" актов органов публичной власти требованиями соблюдения основных прав и свобод и создания судебных механизмов, ограничивающих государственную власть и обеспечивающих защиту и действенность прав и свобод человека, что стало центральным направлением послевоенного развития конституционализма.

<1> См.: Медушевский А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение

конституций в странах Восточной Европы // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Сборник докладов. М., 1999. С. 19.

Прежде всего, в этот период происходило закрепление в конституциях перечня основных прав и свобод человека и осознание необходимости того, что все отрасли права должны подвергаться специальному контролю, чтобы вся нормативно-ценностная система находилась в соответствии с конституциями, гарантировавшими права и свободы. Как справедливо подчеркивает В.Д. Зорькин, судебная защита является одним из наиболее эффективных инструментов, обеспечивающих реальное действие прав и свобод, при этом одним из наиболее эффективных среди судебных механизмов является конституционное правосудие и его аналоги <1>.

<1> См.: Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. N 12. С. 16, 17.

В государствах Западной Европы получила распространение тенденция "конституционно-судебного направления развития европейского конституционализма, принявшего форму австро-чехословацкой модели конституционной юстиции, именуемой сейчас европейской (континентальной) моделью конституционного контроля" <1>. В условиях послевоенного восстановления демократических порядков в разных государствах обращение к институту специализированного конституционного контроля стали воспринимать как "единственный способ противодействия авторитарным тенденциям власти, зачастую склонной к бесцеремонному обращению с конституционной законностью" <2>.

<1> Арнольд Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. Сборник докладов. М., 2001. С. 64.

<2> Судебные системы западных государств / Под ред. В.А. Туманова. М., 1991. С. 38.

При этом концептуальная обоснованность создания механизма судебного контроля конституционности приобрела специфический оттенок: органы конституционного правосудия стали рассматриваться не только как субъекты обеспечения иерархии конституционно-правовых актов, но и в качестве одной из важнейших политико-правовых и институциональных гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина. В частности, в 1950-х гг. был создан орган конституционного правосудия в Германии, новелла которого заключалась в наделении его наряду с абстрактным конституционным контролем функцией защиты основных прав, которая выражена в процедуре конституционной жалобы <1>. Тем самым гражданам предоставлялось право обращения в Федеральный Конституционный Суд для пересмотра решений публичной власти, нарушающих их основные права, после того, как были исчерпаны все возможности общего судопроизводства. Впоследствии данный институт развивался в практике суда ФРГ, в конце концов став наиболее высоким уровнем разрешения споров в конституционной сфере для граждан. Многие из позднее созданных конституционных судов иных государств также наделялись функциями по осуществлению непосредственной защиты основных прав, что демонстрировало глобальное движение по защите прав человека второй половины XX в.

<1> Первым в Европе конституционным судом, призванным защищать от законодательных нарушений не конституцию вообще, а права и свободы индивида, был Суд конституционных гарантий Испании, созданный на основе Конституции 1931 г., который просуществовал менее двух лет.

Постепенно большое значение института прав и свобод человека при осуществлении конституционного контроля становится типичным даже для государств, где для соответствующих органов не предусмотрены специальные правовые возможности осуществления ими непосредственной защиты основных прав и свобод. Например, во Франции, где традиционная концепция верховенства закона и невозможность судебного контроля были наиболее сильными по историческим причинам, Конституционный Совет своими решениями активно способствовал развитию регулирования в области защиты прав и свобод человека. Так, в 1971 году одним из своих решений совет включил в Конституцию Декларацию прав человека и гражданина 1789 года и преамбулу Конституции 1946 года. При этом, определив конституционным соответствующий каталог прав, совет нередко проверял конституционность

правовых актов на предмет их соответствия основным правам <1>.

<1> См.: Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. М., 2001. С. 236, 237.

Тем самым в полной мере справедливы слова Л. Шольома о том, что защита индивидуальных прав и неограниченный доступ граждан к конституционному правосудию связали конституционный контроль с движением в области прав человека второй половины XX в. <1>.

<1> См.: Solyom L. The role of the constitutional courts in the transition to democracy (with special reference to Hungary) // International sociology (Eotvos Lorand University). Budapest. 2003. N 18(1). P. 136.

В свою очередь, одновременно с обозначенными процессами на национальном уровне, с начала второй половины XX в., происходит становление наднациональных общеевропейских судебных механизмов, среди которых особое место занимает институт судебной защиты основных прав, созданный в рамках межгосударственной организации Совет Европы. Данный судебный механизм призван заниматься исключительно вопросами защиты прав и свобод и со временем становится лидирующим межгосударственным институтом в части обращения в него граждан за защитой своих прав на территории европейского континента.

Появлению такого механизма содействовало признание государствами Западной Европы наличия общих публичных интересов, связанных с необходимостью утверждения "единого правового и гуманитарного пространства, в пределах которого все люди могли бы чувствовать себя в равной степени защищенными, а признаваемые за ними права и свободы реально соблюдались" <1>.

<1> Хасянов Р.Ш. Европейский публичный порядок, европейское правовое пространство и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: их соотношение и взаимодействие: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 17.

Системообразующим звеном формирования общего публичного порядка на территории Совета Европы выступила Конвенция, гарантирующая гражданские и политические права, и впоследствии принятые Протоколы к ней, определяющие также социально-экономические права. Принципиальная новизна Конвенции проявилась в создании наднациональной юрисдикции, призванной обеспечить реализацию ее положений, фактически поставив деятельность национальных властей под контроль международного судебного органа. При этом первоначально соответствующий механизм включал в себя как Европейскую комиссию по правам человека, так и собственно Европейский суд по правам человека, которые совместно осуществляют контроль за соблюдением конвенционных прав на всей европейской территории.

Таким образом, на послевоенном этапе происходило параллельное и самостоятельное развитие национальной и наднациональной систем судебной защиты основных прав и свобод человека, при этом концептуальная связь между ними была predetermined, прежде всего, тем, что национальные конституции и Конвенция, соблюдение которых контролировалось этими институтами, содержали во многом аналогичные перечни прав и свобод.

Однако, несмотря на то что деятельность органов, несомненно конституционного и европейского контроля не могла не пересекаться, поначалу их взаимодействие было неочевидным.

Последнее обстоятельство было связано в первую очередь с тем, что многие государства и, соответственно, их внутренние органы без особого желания восприняли идею обязательной юрисдикции международного судебного органа, согласно которой они должны были принять обязательство никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению права граждан на обращение в этот орган с индивидуальной жалобой. Государства, ратифицировавшие Конвенцию, были не готовы к признанию обязательной юрисдикции Европейского суда, и нередко требовалось их согласие на признание за своими гражданами права на обращение в Европейский суд <1>. В 1957 году Правительством Великобритании было отмечено: "Причина, по которой мы не приемлем идею обязательной юрисдикции Европейского суда, заключается в том, что это означало бы, что британское общее и статутное право станет объектом контроля со стороны международного суда" <2>. В этот период такая ситуация была характерна для большинства договаривающихся сторон Конвенции.

<1> См.: Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 4 - 15.

<2> Цит. по: Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Избранные права. М., 2002. С. 57.

Кроме того, собственно Европейский суд, обладая небольшим кругом правовых возможностей влияния на национальное право <1>, весьма сдержанно относился к решению внутренних вопросов, оставляя за государствами значительную свободу усмотрения в регулировании сферы правовых гарантий основных прав. Показательно, что на первых этапах не возникал вопрос о применимости требований Конвенции к конституционному судопроизводству и о распространении на него юрисдикции ее контрольных органов. Согласно первоначальной позиции Европейского суда применительно к данному вопросу сама природа прав, определяемых конституционным судом, делает ст. 6 Конвенции неприменимой к этому суду <2>. Однако со временем указанная позиция поменялась. К началу 1970-х гг. в связи с активной работой ряда европейских конституционных судов (прежде всего, имеющих полномочие рассмотрения индивидуальных жалоб) в контрольные органы Конвенции стало поступать все больше обращений, по которым на внутригосударственном уровне уже состоялись решения, принятые в порядке конституционного судопроизводства. Появление таких дел привело к постановке вопроса о том, как наднациональные контрольные органы должны относиться к этим решениям в свете требований Конвенции.

<1> Например, поначалу ст. 25 Конвенции в прежней редакции, предоставлявшая любому лицу право направлять индивидуальные жалобы в адрес Генерального секретаря Совета Европы, которые могли бы быть впоследствии предметом рассмотрения, не начинала действовать автоматически после ратификации Конвенции государством. В частности, требовалось специальное заявление о признании обязательной юрисдикции Европейского суда в отношении вопросов, относящихся к толкованию и применению Конвенции.

<2> См.: Туманов В.А. Конституционное правосудие в свете практики Европейского суда по правам человека (на примере России) // Европейское измерение национальных конституций. Значение Европейской конвенции о правах человека для законодательства, судебной практики и судебного конституционного контроля в Восточной и Западной Европе. Материалы Международной конференции (Регенсбург, 20 - 22 июня 2002 г.): <<http://www.concourt.am/armenian/almanakh/almanac2002/227.htm>>.

Со временем в связи с образованием значительного массива решений Европейского суда, постепенным распространением его обязательной юрисдикции на европейском континенте и увеличением количества индивидуальных обращений в суд первоначально эпизодическое, неглубокое воздействие права Конвенции на национальные правовые системы по вопросам прав человека постепенно сменялось более заметным и основательным влиянием. Благодаря своему контрольному механизму, Конвенция коренным образом изменила представления о допустимых пределах вмешательства во внутренние дела государств в области защиты прав человека посредством ограничения меры свободы национальных властей в обращении с лицами, находящимися под их юрисдикцией.

Как отметил Е.А. Алкема, Европейский суд построил целую процессуальную систему для Европы и создал в определенной степени европейское правовое пространство (espace judiciaire europeen), означающее географическую область, где к материальным и процессуальным нормам предъявляются единые европейские требования <1>. Ценности Конвенции были восприняты даже таким образованием, как Европейский союз (первоначально - Европейское сообщество); в частности, Суд Европейских сообществ более 40 лет добровольно ориентируется в своей деятельности на положения Конвенции <2>.

<1> См.: Алкема Е.А. Юридические последствия ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека // Российский ежегодник международного права. 1995. С. 118.

<2> См. подробнее: Арнольд Р. Значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и методические аспекты ее изучения в системе юридического образования // <<http://www.echr-base.ru/rainer.jsp>>; Этин М.Л. Выступление на научно-практической конференции по мониторингу законодательства и правоприменения // <<http://www.minjust.ru/common/img/uploaded/2010.06.25>>.

В свете того, что защита и обеспечение основных прав человека переставали быть предметом только национального регулирования, сфера совместной деятельности и взаимного воздействия органов конституционного и конвенционного контроля друг на друга значительно расширилась.

В этих условиях национальные конституционные суды были вынуждены все чаще соотносить свою деятельность с практикой контрольного механизма Конвенции в целях согласования ее с правом Конвенции и поддержания верховенства права на основе единых стандартов Совета Европы. Конституционные суды все более активно применяли практику контрольного механизма Конвенции при разрешении вопросов, связанных с различными аспектами защиты прав и свобод человека, благодаря чему решения Европейского суда получали прямое действие во внутреннем праве. При этом с конца 1980-х гг. некоторые конституционные суды фактически стали относиться к такой деятельности как к своей обязанности <1>. В свою очередь, в связи с увеличением количества рассматриваемых дел Европейский суд закономерно все более часто обращался к практике высших национальных судов и, прежде всего, органов судебного конституционного контроля, в частности для целей качественной оценки национального законодательства и практики правоприменения.

<1> См.: Goldstein L., Ban C. The Rule of Law and the European Human Rights Regime / JSP, Center for the Study of Law and Society Jurisprudence and Social Policy Program UC Berkeley: <<http://escholarship.org/uc/item/2q59x006>>.

Итак, со второй половины XX в. наблюдается процесс активного становления двух уровней судебной защиты основных прав, при этом по мере расширения сферы их совместной деятельности становится все более необходимым согласование ими своей практики с учетом практики друг друга.

В связи с социально-политическими преобразованиями 1980-х гг., обусловленными падением социалистических режимов в государствах Центральной и Восточной Европы (например, Венгрия, Болгария, Румыния, Чехия, Словакия, Польша, Украина) и формированием в них демократических порядков, за счет таких стран значительно расширяется круг государств - участников Конвенции. Вследствие этого происходят коренные изменения в сфере влияния права Конвенции на национальные правовые порядки, а характер и задачи взаимодействия органов конституционного и конвенционного контроля претерпевают серьезную эволюцию.

Процесс конституционного правотворчества в государствах новой демократии в значительной степени ориентировался на положения Конвенции как на один из наиболее значимых документов европейской культурной традиции, при этом многие конституции в части закрепления прав и свобод были "смоделированы" аналогично Конвенции <1>. Тем самым благодаря Конвенции для большинства европейских государств во многом идентичные конституционные формулировки прав и свобод человека превращаются в "аксиологическую основу соответствующей национальной системы права в частности и общеевропейской системы в целом" <2>. Получил актуальность тезис о том, что "сам принцип верховенства права в этих государствах стал возможен только как результат укрепления авторитета Конвенции и Европейского суда" <3>.

<1> См.: Глотов С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1999. С. 125, 126; Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 43, 44.

<2> Сафьян М. Роль конституционных судов в процессе создания конституционного права // Конституционное правосудие на рубеже веков. Материалы Международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Москва, 1 - 2 ноября 2001 г.). М., 2002. С. 127.

<3> Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 43, 44.

При этом усиление авторитета судебного механизма Конвенции в государствах "новой" демократии происходило благодаря активному участию конституционных судов. Конституционные суды соответствующих государств с момента своего появления содействовали повышению эффективности влияния права Конвенции, последовательно привлекая решения Европейского суда для определения

содержания основных прав, их параметров, разрешения коллизий при их защите, а также утверждая их в качестве источника национального права.

Во многом такая активность органов конституционного правосудия обусловлена тем, что на том этапе новым членам Совета Европы еще только предстояло выстраивать свои правовые системы в соответствии с положениями Конвенции, вводить ее принципы как руководящие идеи в свое правовое поле. При этом то, что характеризовало историю взаимодействия национальных правовых систем государств Западной Европы 30 - 40 лет назад, сформировавших значительный опыт общения с судебным механизмом Конвенции, во многом проявлялось в становлении и развитии демократий государств переходного периода. Поэтому, учитывая наличие большого количества проблем и вопросов, связанных с толкованием конституционных положений о правах человека (особенно в первые годы действия новых конституций), в то время как решение большинства из них уже содержалось в практике Европейского суда, конституционные суды активно использовали последнюю в своей деятельности. Благодаря интегрирующей практике Европейского суда, для указанных государств переходный период становится более коротким: за несколько лет они получают возможность пройти тот же путь развития, на который их предшественникам потребовались десятилетия.

При этом, как справедливо отмечает В. Садурский, процесс восприятия права Конвенции в государствах новой демократии имеет более благоприятные условия, нежели в странах традиционной демократии, поскольку они еще не внесли своего вклада в существующий вид системы Конвенции и у них нет "чувства собственности" в отношении первоначальной системы. При этом важным институциональным фактором было побуждение конституционных судов построить крепкий союз с Европейским судом не только для того, чтобы обеспечить прогрессивное развитие прав человека, но и для того, чтобы сформировать институциональный капитал для защиты от их собственных противоречий с мощными законодательными и исполнительными органами власти в государствах <1>.

<1> См.: Садурский В. Расширение Совета Европы в восточном направлении и конституционализация Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 96, 97.

В связи с процессами увеличения за последнее время числа государств, возложивших на себя обязательства по соблюдению Конвенции, расширения сферы влияния практики Европейского суда в области создания национальных правовых гарантий защиты прав и свобод человека, повышения его авторитета в национальных правовых порядках закономерно обозначилась тенденция конституционализации права Конвенции. При этом стало невозможно, как раньше, сохранять видение, при котором решения Европейского суда - отдельная правовая реальность, существующая за пределами национального права.

Важным проявлением указанной тенденции стало усложнение вопроса о соотношении национального конституционного права и права Конвенции, получившей статус конституционного акта на территории Совета Европы и все чаще оцениваемой на уровне конкретных правовых порядков как важнейший правовой акт в системе источников национального права. Учение о Конвенции приобретает очертания учения о конституционных нормах Г. Кельзена. В связи с этим А. Нуссбергер отмечает, что созданные этим ученым понятия основной нормы и иерархии правовых норм нашли свое отражение и в понимании Конвенции как стандарта и критерия для других (национальных) правовых норм, несмотря на то что иерархическая позиция Конвенции внутри национальных правовых систем является весьма спорной и регулируется по-разному в конституциях различных государств - членов Совета Европы <1>. Как указал В.Д. Зорькин, в свете европейской конституционализации прав и свобод вопрос о соотношении Конвенции как наднационального правового акта и национальной Конституции намного глубже, многограннее и сложнее, чем просто вопрос об их месте в формальной иерархии нормативных правовых актов. В целом в рамках Большой Европы Конвенция de facto превращается в общеевропейскую, договорную по своему происхождению, Конституцию основных прав и свобод человека <2>.

<1> См.: Нуссбергер А. Революционная философия Европейской конвенции о защите прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 88.

<2> См.: Зорькин В.Д. Заключительная речь на закрытии IX Ереванской Международной конференции "Принцип верховенства права в практике конституционного правосудия" // Альманах: Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2004. С. 215.

В практике как Европейского суда, так и конституционных судов все чаще встречаются случаи

соотнесения Конвенции и национальных конституционных актов. При этом в процессе решения вопросов соотношения конституционных и конвенционных норм наблюдается естественное стремление, с одной стороны, конституционных судов указать вторичный характер права Конвенции по отношению к национальному конституционному праву, а с другой стороны, Европейского суда подчинить национальное право, включая национальную конституцию, положениям Конвенции, указав на более высокую юридическую значимость последней <1>.

<1> См.: решение Федерального Конституционного Суда Германии от 14 октября 2004 г. // <<http://www.bverfg.de/entscheidungen.html>>; ЕСПЧ. "Зелински, и Прадаль, и Гонсалес, и другие против Франции", 28 октября 1999 г. "Чираклар против Турции", 28 октября 1998 г. // <<http://www.echr.coe.int/echr>>.

Другой тенденцией, имеющей значение для характера взаимодействия Европейского суда и органов конституционного правосудия, является усиление контрольной деятельности Европейского суда, сопровождающееся развитием соответствующего механизма в направлении сближения его характеристик с чертами конституционной юрисдикции.

В связи с этим особый интерес представляет появление и развитие в деятельности Европейского суда элементов абстрактного контроля <1>, наличие которых было предопределено его правовой природой, обусловленной необходимостью соотносить так или иначе с Конвенцией национальные правовые, включая законодательные, акты, которые предположительно нарушают основные права, и этим обеспечивать соответствие национальной публично-правовой практики положениям Конвенции. Как отмечает Н.С. Бондарь, Европейский суд, принимая решения по делу, неизбежно реализует и элементы конвенционно-надзорной функции в отношении национального законодательства, выявляя, в частности, нормативно-правовые условия, ставшие поводом для оценки конвенционного правонарушения <2>.

<1> См.: Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 57.

<2> См.: Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека и осуществление конституционного контроля // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 201.

Например, Европейский суд признал приемлемой жалобу Класса и ряда других заявителей из ФРГ <1>. В жалобе оспаривались положения ст. 10.2 Основного Закона Германии и Закона 1968 года; суд указал, что, "в принципе, для индивидуального заявителя недостаточно утверждать, будто само существование закона нарушает его право, установленное Конвенцией. Необходимо, чтобы закон был применен с причинением ему вреда. Тем не менее... закон может сам по себе нарушать права отдельных лиц, если они испытывают его действие даже в отсутствие каких-либо конкретных мер по его применению". В решении по делу "Маркс против Бельгии" <2> в связи обращением заявителя о нарушении его прав положениями Гражданского кодекса Европейский суд отметил, что Конвенция предоставляет лицу право утверждать, что закон нарушает его права, если он подвергается риску быть непосредственным объектом таких нарушений.

<1> ЕСПЧ. "Класс и другие против Германии", 6 сентября 1978 г.

<2> ЕСПЧ. "Маркс против Бельгии", 13 июля 1979 г.

Примечательно, что еще в 1978 году Европейский суд указал, что цель его решений не только разрешение конкретных дел, представленных перед судом, но и более общая - разъяснять, предохранять и развивать положения, установленные Конвенцией <1>. Впоследствии более явно Европейский суд обратил внимание на указанное обстоятельство в другом решении: "Хотя основной целью конвенционной системы является обеспечение индивидуальной защиты, ее миссия также заключается в том, чтобы рассматривать вопросы на публично-политических основаниях в общих интересах, таким образом, повышая общий стандарт защиты прав и расширяя судебную практику в области прав человека по всему сообществу государств - участников Конвенции" <2>.

<1> ЕСПЧ. "Ирландия против Соединенного Королевства", 18 января 1978 г.

<2> ЕСПЧ. "Карнер против Австрии", 24 июля 2003 г.

Однако именно с 1990-х гг. в связи с повышением влияния Конвенции и обозначения ее конституционной роли для правовых систем государств-участников, число которых постоянно росло, особо проявляется тенденция значительной трансформации контрольной деятельности судебного механизма Конвенции. Так, с появлением в 1994 году Протокола N 11 ("О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией") <1> больше не допускается непризнание участником Конвенции юрисдикции Европейского суда. При этом происходит реформирование контрольного механизма Конвенции: бывшие Европейский суд по правам человека и Европейская комиссия по правам человека, работавшие на непостоянной основе, были заменены единым, постоянно действующим судом.

<1> См.: Протокол N 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 11 мая 1994 г. // СЗ РФ. 1998. N 44. С. 5400.

В свою очередь, в 2004 году Комитет министров Совета Европы принял документ, призывающий Европейский суд отмечать в своих постановлениях, в случае повторяющихся нарушений, наличие структурной проблемы и источник этой проблемы. Тем самым суд фактически наделялся полномочием требовать от государств-нарушителей принятия мер общего характера, направленных на устранение системных недостатков в национальной правовой системе, установленных судом <1>. С этого периода, как справедливо отмечает Н.В. Витрук, Европейский суд начал применять инновационную процедуру вынесения пилотных постановлений, в которых наряду с констатацией нарушения выявляются системные проблемы, причины их возникновения, особенно если выявленные проблемы порождают однотипные жалобы, жалобы-клоны, поступающие в этот суд <2>.

<1> См.: Ковлер А.И. Новые тенденции в практике Европейского суда по правам человека: пилотные постановления о "структурных проблемах" // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2006. N 5. С. 6.

<2> См.: Витрук Н.В. Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. N 11. С. 40.

Так, по делу "Броневский против Польши" <1> Европейский суд заключил, что факты данного дела выявляют наличие в правовом порядке Польши функционального сбоя, в результате которого отдельная категория частных лиц была лишена в прошлом или продолжает быть лишеной права на уважение своей собственности, что является фактором, усугубляющим ответственность государства, и угрожает эффективности всего контрольного механизма Конвенции вследствие потенциального числа жалоб в Европейский суд, в основе которых лежит одно и то же нарушение системного характера. В связи с этим, как пояснил суд, для исполнения его постановления необходимо принятие общих мер на национальном уровне, которые должны учитывать интересы всех лиц, чьи права были нарушены, и разработка средств защиты против таких нарушений системного характера <2>.

<1> ЕСПЧ. "Брониовский против Польши", 22 июня 2004 г.

<2> Первым пилотным постановлением в отношении России было Постановление по делу "Бурдов против России", по которому Европейский суд констатировал нарушение ч. 1 ст. 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) и ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции (право на защиту собственности). При этом Комитет Министров, оценивая результаты исполнения этого Постановления, указал, что предпринимаемые Российской Федерацией положительные меры не отменяют неотложной необходимости в принятии закона, обеспечивающего доступность и эффективность правовой защиты против повторяющихся невыплат государством своих долгов по судебным решениям.

На практике получает распространение процедура пилотных постановлений, которые используются при разрешении повторяющихся дел, по которым сформулированы основные позиции и выводы Европейского суда. Данное явление также характеризуется как генерализация позиций самим судом в его решениях, означающее применение выводов и средств правовой защиты по конкретному делу ко всем потенциальным пострадавшим от данного или схожего нарушения со стороны государства-ответчика <1>. Л. Гарлицкий отмечает, что пилотное решение "возвысилось" над конкретным контекстом индивидуальной

жалобы и придало постановлению черты постановления конституционного свойства, близкого постановлению, принимаемому в порядке конкретного нормоконтроля, и процедуре конституционной жалобы <2>. Кроме того, усиление контрольно-надзорных начал европейского правосудия по правам человека связано с принятием Протокола N 14 к Конвенции <3>.

<1> См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 475.

<2> См.: Garlicki L. Cooperation of courts: The Role of supranational jurisdictions in Europe // International Journal of Constitutional Law. Oxford. 2008. N 6(3/4). P. 519.

<3> См.: Протокол N 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 2010. N 6. С. 567; Николаев А.М. Проблемы реформирования Европейского суда по правам человека на современном этапе // Конституционное и муниципальное право. 2008. N 15. С. 14 - 18; Голубок С.А. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года N 4-П: есть ли суд после Суда? // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. N 3. С. 160 - 162.

Поэтому актуальна дискуссия о том, является ли основной целью системы конвенционного контроля на современном этапе предоставление индивидуальной защиты или же ее функция имеет в большей степени конституционный характер и заключается в разрешении в общем интересе вопросов, вытекающих из публичной политики. В частности, Л. Вильдхабер отмечает, что место индивидуальной защиты, каким бы важным, особенно в случаях наиболее серьезных нарушений, оно ни было, является вторичным по отношению к основной цели повышения общего стандарта защиты прав и распространения судебной практики по вопросам прав человека на все сообщество государств - участников Конвенции <1>.

<1> См.: Вильдхабер Л. Место Европейского суда по правам человека в европейском конституционном ландшафте // Отношения между конституционными судами и иными национальными судами, включая вмешательство в эту область со стороны европейских судов // Основные доклады XII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.) // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. 2002. С. 64, 65.

Тем самым была обозначена новая тенденция в возможностях Европейского суда по абстрактному контролю национального права, обусловленная целями установления минимальных общих стандартов, обеспечивающих общеевропейские рамки национальной защиты прав человека. По справедливому замечанию В. Садурского, "Европейский суд в большей степени стал заниматься оценкой правовых систем, имеющих недостатки (что изначально не предполагалось), вместо разрешения дел индивидуального характера... все меньше выполняет функции вышестоящего апелляционного суда и все больше становится квазиконституционным судом Европы" <1>.

<1> Садурский В. Расширение Совета Европы в восточном направлении и конституционализация Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 95.

В настоящее время постепенно становится обычным соотнесение судебного механизма Конвенции с системой конституционного правосудия, а также определение права Европейского суда как вида еще не завершено конституционного права для Европы <1>. Так, Р. Арнольд отметил: "Идея обеспечения основных прав с помощью механизма специального конституционного суда получила большую поддержку в виде факта существования специального суда по правам человека в Страсбурге, представляющего собой, по сути, надгосударственный конституционный суд" <2>.

<1> См.: Sweet A.S. On the Constitutionalisation of the Convention: The European Court of Human Rights as a Constitutional Court. Yale Law School // <http://works.bepress.com/alec_stone_sweet/33/>.

<2> Арнольд Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. Сборник докладов. М., 2001. С. 64.

Таким образом, обозначенные процессы, связанные с тенденцией конституционализации права Конвенции, стимулируют потребность более активного и тесного взаимодействия органов национальной конституционной и европейской юрисдикции. В свою очередь, этим вызвано учащение конфликтных

ситуаций между соответствующими механизмами в процессе защиты основных прав.

Тем самым взаимодействие органов конституционного и конвенционного контроля становится на современном этапе все более сложным и многогранным явлением, его принято связывать с ориентацией на построение многоуровневой системы защиты основных прав. Как отмечает Е. Танчев, европейская интеграция трансформировала правовой плюрализм, основанный на сосуществовании национального и международного права, во взаимодействие различных уровней конституционной организации <1>. Л. Гарлицкий обозначил данное явление как многомерность конституционной защиты прав, требующую определенной степени координации и сотрудничества между национальными и наднациональными судами <2>.

<1> См.: Танчев Е. Возникающий наднациональный конституционализм и современные системы конституционного контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. N 4. С. 61.

<2> См.: Garlicki L. Cooperation of courts: The Role of supranational jurisdictions in Europe // International Journal of Constitutional Law. Oxford. 2008. 6(3/4). P. 510.

Достижение целей такого взаимодействия связано с повсеместным утверждением в качестве основной ценности прав и свобод человека и обеспечением их действенности на основе многоуровневой системы судебной защиты, в рамках которой соответствующие суды стремятся к обеспечению согласованного функционирования всех уровней системы при одновременном решении собственных задач, обусловленных особым статусом судов. Так, органы судебного конституционного контроля обеспечивают верховенство конституционных норм в национальных правовых порядках, а Европейский суд - верховенство принципов и норм Совета Европы.

При этом важной задачей конституционных судов является обеспечение сочетаемости, "гармонизации" европейских правовых стандартов с национальными конституционно-правовыми нормами и ценностями, что содействует адаптации права Конвенции к национальным историческим и правовым традициям. Тем самым органы конституционного правосудия могут способствовать выполнению конвенционных обязательств, обеспечивая влияние права Конвенции на национальное право с учетом всего комплекса факторов, отражающих национальные суверенные интересы.

Итак, социально-политические преобразования, связанные с историческим становлением конституционализма на территории Европы, обусловленное ими развитие институтов конвенционного и конституционного контроля, сближение концептуальных основ и институционально-правовых механизмов их деятельности стали важнейшими факторами развития взаимодействия судебного механизма Конвенции и органов конституционного правосудия.

Обращает на себя внимание то, что соответствующие процессы развития концептуальных и институционально-правовых основ функционирования органов конституционного и европейского правосудия сами испытывали на себе влияние их взаимодействия. Например, как справедливо отмечает А. Шайо, с самого начала принятая европейскими государствами Конвенция, на основе которой действовал Европейский суд, значительно способствовала продвижению идеи конституционной юстиции на европейском континенте <1>. Эта ситуация была обусловлена тем, что принятие государствами обязательств в рамках Конвенции влекло необходимость наличия внутригосударственного органа, который наиболее полно смог бы содействовать достижению баланса национальных суверенных интересов, определенных конституцией, и требований права Конвенции. В условиях современных процессов интеграции государства в европейское правовое пространство такая способность конституционных судов является движущим фактором постановки вопроса о расширении круга правовых возможностей их участия в процессе взаимодействия национального и международного права. Кроме того, становится все более актуальным вопрос об упрочении позиций конституционного правосудия в деле непосредственной защиты основных прав. Также является важным то, что унифицирующая практика Европейского суда, обобщающая национальную конституционно-судебную практику, во многом содействует принятию конституционными судами решений, аналогичных тем, которые являются образцами деятельности других конституционных судов, и, соответственно, постепенно ведет к сближению судебной практики конституционных судов. В свою очередь, в процессе развития конституционных начал своей деятельности Европейский суд заметно ориентируется на механизмы функционирования конституционных судов.

<1> См.: Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. М., 2001. С. 237; Арнольд Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на

§ 2. Основания и формы взаимодействия Европейского суда по правам человека и органов конституционного правосудия

Происходящие на современном этапе исторического развития процессы, связанные со все более активным обращением Европейского суда и органов конституционного правосудия к практике друг друга, свидетельствуют об их стремлении к обеспечению согласованных действий для построения эффективной многоуровневой системы защиты основных прав и свобод.

Между тем в каждом конкретном случае отношения между соответствующими органами, как правило, принято именовать более "мягкими" и во многом неюридическими терминами и категориями: "партнерство", "диалог", "взаимовлияние", "соприкосновение" <1>, поскольку с формальной точки зрения они чаще всего изначально не имеют процессуально-правовой природы.

<1> См.: Гладышева С.С. Правовой диалог между Федеральным Конституционным Судом ФРГ и Европейским судом по правам человека // Российский юридический журнал. 2005. N 4. С. 41, 42; Чернышев И.А. Правовые позиции Конституционного Суда России и Европейского суда по правам человека: генезис и взаимовлияние: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.

В этом смысле деятельность указанных органов обособлена друг от друга: Европейский суд "судит по Конвенции", а конституционный суд "судит по конституции". В числе полномочий Европейского суда не предусмотрено какое-либо специальное полномочие рассматривать решения конституционных судов. Кроме того, его решение не может непосредственно наложить обязанность пересмотра или отмены соответствующего решения национального органа. В свою очередь, хотя практика конституционных судов имеет определенную юридическую "привязанность" к решениям Европейского суда, обусловленную фактом принятия государством международных обязательств в рамках Конвенции и признанием Конвенции в большинстве государств-участников составной частью национальной правовой системы, данные органы не обязаны следовать этим решениям.

Последнее обстоятельство подтверждается тем, что международные обязательства обращены в первую очередь государству в целом, при этом принцип прямого действия предоставляет возможность национальным органам участвовать в выполнении данных обязательств, но не требует этого. Тем самым волевой характер деятельности органов конституционного правосудия по участию их в реализации решений Европейского суда связан с самостоятельным определением ими меры своей ответственности за выполнение требований, вытекающих из права Конвенции.

В данном случае эффективность взаимодействия во многом зависит от предрасположенности взаимодействующих систем к сближению и намерению установить тесные связи друг с другом. В связи с этим обращает на себя особое внимание то, что взаимодействие органов конституционного и европейского правосудия основано, прежде всего, на постоянной готовности их к сотрудничеству друг с другом, что наблюдается на протяжении долгой истории их функционирования. В частности, со времени появления европейского судебного механизма контроля в сфере прав человека в середине XX в. конституционные суды демонстрировали особую заинтересованность в проникновении права Конвенции в национальные правовые системы, активно используя стандарты Конвенции и позиции Европейского суда в собственных решениях, как правило, мотивируя ими свои выводы <1>.

<1> См.: Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия. М., 2006. С. 408; Нуссберггер А. Восстановление Вавилонской башни // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. N 2. С. 71 - 73.

При этом высокая степень готовности к взаимодействию органов конституционного правосудия и Европейского суда, предопределяющая фактическую природу влияния их на практику друг друга, во многом обусловлена общими (схожими) характеристиками в содержании и деятельности институтов конституционного и конвенционного контроля, сложившимися в процессе их исторического развития.

Во-первых, указанные органы отличает общая направленность (предназначение) их деятельности, связанная с защитой основных прав человека, признанных Конвенцией, и совпадающих по существу с теми

правами, которые гарантированы национальными конституциями.

В современных условиях принцип верховенства права заложен в национальные конституции, которые представляют собой критерий оценки национальных актов при проверке их органами конституционного правосудия. Поэтому конституционные суды наряду с функцией охраны конституции в процессе нормоконтроля осуществляют функцию охраны прав человека. Однако в случае, если речь идет об осуществлении функции конкретного контроля актов органов публичной власти в деятельности конституционного суда, непосредственная защита основных прав, как правило, выходит на первое место по отношению к собственно вопросам конституционного контроля национальных норм. Способствуя охране режима конституционности и законности в государстве, достижение непосредственной защиты прав выражается в активной работе конституционных судов европейских стран по рассмотрению индивидуальных жалоб. Соответственно, правозащитный потенциал конституционного правосудия в настоящее время оказывает значительное влияние на развитие системы гарантий основных прав в государствах.

В свою очередь, Европейский суд обеспечивает непосредственную защиту конвенционных прав на основе индивидуальных обращений и определяет минимальные стандарты в области прав человека, в связи с чем его место в конституционно-правовом пространстве Европы сравнимо с "нервным центром системы защиты прав человека, который посылает импульсы через внутренние правопорядки европейских государств" <1>.

<1> Вильдхабер Л. Место Европейского суда по правам человека в европейском конституционном ландшафте // Основные доклады XII конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.) // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 2002. С. 69.

Как отмечает Г. Арутюнян, право Конвенции определило реализацию и защиту принципа верховенства права предметом не только национальных конституций, но и всей правовой Европы. При этом нет большой разницы в оценке и понимании общеевропейских правовых принципов в области защиты прав человека между Европейским судом и конституционными судами, в связи с чем их роль заключается именно в том, чтобы гарантировать верховенство конституции на основе реального обеспечения верховенства права и формирования той основополагающей ценностной системы, которая заложена в основу единой правовой системы Европы <1>. Как Европейский суд, так и конституционные суды руководствуются, прежде всего, "не классической позитивистской аргументацией, а общими надпозитивными категориями" <2>.

<1> См.: Арутюнян Г. Принцип верховенства права как гарант конституционной демократии // Альманах: Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2004. С. 28; Он же. Роль конституционных судов в формировании единого правового пространства Европы // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. Сборник докладов. М., С. 125.

<2> Морщакова Т.Г. Применение международно-правовых норм о правах человека в конституционном правосудии // Материалы Международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Москва, 1 - 2 ноября 2001 г.). М., 2002. С. 186; Шугуров М.В. Международное право прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации (ценностные и нормативные аспекты) // Журнал конституционного правосудия. 2008. N 6. С. 30.

В связи с этим, по замечанию Н.Н. Харитоновой, органы судебного конституционного контроля и Европейский суд решают общую глобальную задачу формирования конституционного мировоззрения, общей конституционной культуры, не ограниченной национальными рамками и политическими программами <1>.

<1> См.: Харитонова Н.Н. Перспективы эволюции конституционного контроля: зарубежная и отечественная практика // Право и политика. 2005. N 11. С. 34 - 44.

Во-вторых, в деятельности Европейского суда и органов конституционного правосудия выделяют схожие функциональные особенности.

Прежде всего, идет речь об использовании формы конкретного контроля в отношении актов органов

публичной власти (в первую очередь судебных и административных) на основании обращений конкретных лиц и их объединений для целей защиты их основных прав и свобод, с предполагаемым нарушением которых связано инициирование судопроизводства и его развитие. Использование аналогичной формы контроля может быть характерно для деятельности органов конституционного правосудия, когда осуществляется защита основных прав в процессе рассмотрения судом дел в порядке конституционной жалобы, основанием подачи которой служит предполагаемое нарушение законом или иными актами органов публичной власти прав и свобод, гарантированных национальной конституцией.

Кроме того, важно обратить внимание на то, что в рамках своей деятельности конституционные суды также осуществляют абстрактный контроль правовых актов, что исторически выражало их основную направленность, поскольку соответствующий институт преимущественно создавался для целей охраны иерархического порядка национальных актов, на вершине которых находится конституция.

Для деятельности Европейского суда в определенной степени также свойственны данные функциональные особенности конституционной юрисдикции в силу того, что, разрешая конфликты, он переводит эмпирическую реальность этих конфликтов в правовую реальность интерпретации их соответственно Конвенции, тем самым фактически осуществляя обеспечение соответствия национальной правовой практики положениям Конвенции. К тому же в последнее время Европейский суд не только формулирует собственный вывод в отношении национальной практики в данном конкретном случае для целей защиты основных прав заявителей, но и распространяет его на аналогичные признанные не соответствующими Конвенции нормы и случаи.

В результате проблема, поднятая заявителями (частными лицами), приобретает более универсальный, абстрактный характер. Для этого случая справедливо мнение Г.А. Гаджиева относительно конституционно-судебной деятельности в форме конкретного нормоконтроля: "Жалоба заявителей - это повод для того, чтобы суд вышел на более высокую орбиту в своих выводах, что характерно для абстрактного контроля" <1>. К тому же, как отмечает Ж.И. Овсепян, концепция Европейского суда в сфере его взаимоотношений с национальными судами периода утверждения (необратимости) глобализации связана с перспективой его все большей трансформации в орган по толкованию Конвенции, а также с перспективой самоограничения в своей правоприменительной деятельности, сосредоточения Страсбургского суда на разрешении дел, не охватываемых сформулированным ранее прецедентным правом Европейского суда, либо на разрешении дел, связанных с преодолением ранее сформулированного прецедента, либо осуществлением "показательных процессов" либо процессов, констатирующих системное нарушение государством тех или иных фундаментальных прав <2>.

<1> Гаджиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000 - 2002 гг.) // Журнал российского права. 2003. N 1. С. 10.

<2> См.: Овсепян Ж.И. К обсуждению концепции статуса конституционного правосудия в сфере защиты фундаментальных прав и свобод на основе принципов и норм международного права в период глобализации // Журнал конституционного правосудия. 2011. N 1. С. 5.

В-третьих, имеются схожие характеристики в решениях Европейского суда и органов конституционного правосудия.

Исследователями отмечается двуединая природа как решений органов конституционного правосудия, так и решений Европейского суда, поскольку важным структурным элементом данных решений выступают правовые позиции, представляющие собой результат толкования соответственно Конвенции или национальной конституции. Вследствие этого как решение Европейского суда, так и решение органа конституционного правосудия по своему характеру относятся к правовым явлениям особого рода. В.В. Лазарев сравнил такие решения со своего рода "кентавром в конюшне" источников права, который обладает комплексом признаков, относящихся к двум правовым явлениям различной природы, проявляющих себя в процессе принятия решения один после другого, но в статике, после того как решение принято, происходит их совмещение в одном и том же акте. Двуединая природа судебных актов проявляется в том, что в них содержатся как казуальные решения конкретных дел, так и правовые позиции, которые имеют обязательное значение для разрешения последующих аналогичных споров <1>.

<1> См.: Лазарев В.В. Учет решений Конституционного Суда в законодательной деятельности // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной

власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001 г.) / Под ред. С.Е. Андреева, В.К. Бобровой, С.В. Кабышева и др. М., 2001. С. 91.

Категория "правовые позиции" появилась и по традиции используется применительно к деятельности конституционных судов, что, в частности, следует из отечественной правовой доктрины. Так, по мнению Н.В. Витрука, правовые позиции конституционного суда представляют собой правовые выводы общего характера как результат толкования, интерпретации конституционных норм в соотношении с конституционно-правовым смыслом проверяемых на конституционность объектов на основе логики сопоставления (соотнесения) в пределах компетенции конституционного суда, которые снимают конституционно-правовую неопределенность и служат правовым основанием итоговых решений суда <1>. В.А. Кряжков и Л.В. Лазарев отмечают, что правовые позиции конституционного суда представляют собой его отношение к определенным конституционно-правовым проблемам, закрепленное в его решениях. Это результат, итог процесса анализа аргументов и выводов суда. Правовые позиции образуют именно интеллектуально-юридическое содержание судебного решения <2>.

<1> См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие. 2-е изд. М., 2005. С 122.

<2> См.: Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., 1998. С. 246.

О.Н. Кряжкова выделяет следующие признаки правовых позиций: подконституционность (отражение действительного смысла национальной конституции); интерпретационный характер (результат толкования конституции или поиска конституционного смысла нормативных правовых актов, исследуемых в процессе конституционного судопроизводства); юридическая обязательность (акты толкования для всех субъектов права); устойчивость (они воспроизводятся в последующих решениях) <1>. К этой группе можно добавить выделяемые Н.С. Бондарем в качестве признаков правовых позиций их итогово-обобщающий и концептуальный характер, выраженный в том, что наряду с оценкой конституционности правовой нормы в них даются доктринальные по уровню конституционно-правовые решения рассматриваемых проблем <2>.

<1> См.: Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 37 - 39.

<2> См.: Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М., 2008. С. 137, 138.

В свою очередь, во многом аналогичными свойствами обладают и правовые позиции Европейского суда, которые представляют собой выводы данного суда, являющиеся общими концептуальными установлениями, вытекающими из толкования Конвенции и содержащимися в его решениях. При этом, отражая официальное толкование Конвенции, правовые позиции Европейского суда раскрывают содержание ее норм и служат основой для вынесения судом решений.

Правовые позиции Европейского суда также отличаются высокой степенью устойчивости и стабильности: хотя формально суд не связан своими постановлениями, им подчеркивается, что "в интересах правовой определенности, равенства всех перед законом без разумных оснований он не должен отступать от ранее вынесенных прецедентов" <1>. Кроме того, за решениями Европейского суда признается их юридическая обязательность для государств - участников Конвенции, однако в большинстве соответствующих государств, в отличие от решений конституционных судов, они не обеспечены необходимой правовой охраной и гарантиями их исполнения на законодательном уровне <2>. В этом смысле положение Европейского суда во многом отличается от положения национальных конституционных судов, правовой статус которых в национальных правовых порядках четко определен и которые имеют юридические механизмы влияния на решения внутригосударственных органов.

<1> ЕСПЧ. "Чепмен против Соединенного Королевства", 18 января 2001 г.; "Стаффорд против Соединенного Королевства", 28 мая 2002 г.

<2> См.: Heifer L., Slaughter A.-M., Towards a Theory of Effective International Adjudication // Yale Law

Journal 107(2). 1997. P. 323 - 326; Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004 - 2005 годах: Монография. СПб., 2006. С. 405; Абдрашитова В.З. Прецедентный характер решений Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. N 9. С. 125.

Кроме того, во многом является схожей полемика о соотношении правовых позиций данных органов с источниками правового регулирования. Исследователи подчеркивают, что юридическая природа правовых позиций органов конституционного правосудия и Европейского суда является одной из важнейших проблем в общем ряду дискуссионных вопросов о судебной практике как особом виде источников права. Так, Г.А. Гаджиев относит правовые позиции данных органов к новым источникам права с особой нормативностью благодаря наличию в них особых атрибутивных признаков, отличающих их от традиционных источников права. По его мнению, качество нормативности не может быть сведено к кругу норм, обладающих качеством формальной определенности, а также должно распространяться на акты, которые реально участвуют в процессе правового регулирования, но при этом не обладают формально-юридическими признаками, необходимыми для отнесения их к числу традиционных источников права <1>. Также Н.В. Витрук относит указанные правовые позиции, занимающие самостоятельное место в правовой системе, к источникам национального права. При оценке решений Европейского суда им подчеркивается, что именно правовые позиции входят в национальную правовую систему и именно в этом смысле можно говорить о решениях Европейского суда как об источнике национального права <2>.

<1> См.: Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как новый источник российского гражданского права // Закон. 2006. N 11. С. 22, 23.

<2> См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. 2-е изд. М., 2005. С. 128; Он же. О некоторых вопросах использования решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации и иных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 84.

Отдельно следует отметить, что как Европейский суд, так и национальные органы конституционного правосудия выводят в рамках своей деятельности общие принципы права, выраженные в правовых позициях. Как отмечает Г.А. Гаджиев, заслуга Европейского суда состоит в том, что он умело обобщает богатую судебную практику всех высших судов Европы и, образно выражаясь, извлекает общие правовые корни <1>. Также конституционные суды позволяют себе выводить из конституций общие конституционные принципы, используя их в качестве критерия оценки конституционности. В целом все указанные принципы во многом вытекают из идей демократического правового государства. В частности, речь идет о принципах правовой определенности, справедливости, правовой безопасности, защиты доверия, пропорциональности, судебной защиты прав, достоинства человеческой личности, соразмерности ограничения права и свобод конституционно значимым целям <2>.

<1> Гаджиев Г.А. Влияние юриспруденции Европейского суда по правам человека на судебную практику Конституционного Суда Российской Федерации. Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры Германии и России. Материалы 5-й встречи (Баден-Баден, 14 - 17 января 2003 г.). М., 2003. С. 26.

<2> См.: Алмейда Л.Н. де. Развитие идеи демократического правового государства и применение вытекающих из нее принципов Конституционным судом Португалии // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. N 3. С. 88; Шуберт Т.Э. Вопросы национальной безопасности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001 г.) / Под ред. С.Е. Андреева, В.К. Бобровой, С.В. Кабышева и др. М., 2001. С. 77.

Таким образом, обозначенные характеристики в содержании и деятельности органов конституционного и конвенционного контроля, свидетельствующие о сближении концептуальных и институционально-правовых основ их функционирования, содействуют развитию высокого уровня понимания ими сущности работы друг друга и, соответственно, заинтересованности в осуществлении взаимодействия, основанного на сотрудничестве.

Конституционные суды более чем другие государственные органы наиболее адекватно могут реагировать на решения Европейского суда и ценности, представленные в его практике. Как отметил Г. Арутюнян, из всех государственных структур конституционные суды отличаются, прежде всего, тем, что у них больше всего выработан потенциал адекватного понимания сущности и соответственного применения на практике основополагающих принципов европейского права <1>. В этом смысле являются справедливыми слова Р. Арнольда: "Хотя конституции и Конвенция, несмотря на связи между ними, представляют собой два различных уровня гарантий основных прав, существует вполне естественное стремление конституционных судов не принимать решений, которые могут противоречить воззрениями Страсбурга. Для конституционного суда означало бы потерю авторитета, если бы его решение по какому-либо делу не получило одобрения со стороны Европейского суда по правам человека в Страсбурге" <2>.

<1> См.: Арутюнян Г. Роль конституционных судов в формировании единого правового пространства Европы // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. Сборник докладов. С. 123.

<2> Арнольд Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. N 3. С. 87.

В свою очередь, Европейский суд рассматривает органы конституционного контроля в качестве важнеего партнера для развития отношений с национальными правовыми системами. По справедливому замечанию Л. Вильдхабера, как бы ни эволюционировала система европейского судебного контроля, заставлять ее работать будут национальные суды конституционной юрисдикции, поэтому Европейский суд придает первостепенное значение своим отношениям с такими судами <1>.

<1> См.: Вильдхабер Л. Место Европейского суда по правам человека в европейском конституционном ландшафте. Отношения между конституционными судами и иными национальными судами, включая вмешательство в этой области со стороны европейских судов // Основные доклады XII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.). Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 2002. С. 69.

Между тем собственно процесс взаимодействия Европейского суда и органов судебного конституционного правосудия происходит через принятие системы мер, связанных с обеспечением реализации одной судебной практики с помощью другой, выражающих собой формы взаимодействия. С одной стороны, меры принимаются конституционными судами в целях согласования своей деятельности с обязательствами по Конвенции и обеспечения проникновения в национально-правовую систему ценностей и норм, определенных Конвенцией в истолковании Европейского суда, и, соответственно, интегрирования национального права в европейское правовое пространство. С другой стороны, меры принимаются Европейским судом в целях наиболее полного отражения национальных особенностей и интересов в процессе формирования практики защиты основных прав и свобод человека.

Исследуя конкретные формы взаимодействия институтов конституционного и конвенционного контроля, отметим, что наиболее типичной является ситуация, когда национальные органы конституционной юрисдикции принимают обеспечительные меры, связанные с реализацией в сфере внутригосударственных отношений решений Европейского суда, для чего органы конституционного правосудия обладают необходимыми правовыми средствами и возможностями. В свою очередь, другой важной формой взаимодействия конституционного и европейского правосудия является учет Европейским судом практики конституционных судов в своей деятельности, что обусловлено различными факторами, в том числе связанными с прямой необходимостью обращения к решениям органов конституционного контроля для разрешения конкретного дела или в целях аргументации своих выводов.

Европейский суд на протяжении всей истории развития отношений с конституционными судами стремился обращаться к их решениям. В целом, обращение Европейского суда к практике соответствующих органов происходит следующим образом <1>.

<1> При рассмотрении данного вопроса использованы обзор практики Европейского суда и обобщения по ней, изложенные в материалах, предоставленных Управлением международных связей,

изучения и обобщения зарубежной практики конституционного контроля Конституционного Суда РФ: Российское конституционное судопроизводство как предмет европейской жалобы (2003 - 2007 гг.) / Подготовил Е.Г. Пыриков // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 120. Конституционный Суд РФ. М., 2007; Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в постановлениях Европейского суда по правам человека (2004 - 2007 гг.) / Подготовил Е.Г. Пыриков // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 121. М., 2007.

Во-первых, Европейский суд ссылается на решения конституционных судов как на источник национального права, имеющий значение для разрешения поданной в Европейский суд жалобы. Например, решения конституционных судов нередко цитируются как один из источников национального права при изложении относящегося к делу законодательства (например, дело "Энглерт против Германии" <1>). Кроме того, речь идет о решениях конституционных судов, когда они были вынесены в делах заявителей, впоследствии обратившихся в Европейский суд, использование которых позволяет суду принимать решения, учитывающие национальные культурные особенности и суверенные интересы. Так, по делу "Фогт против Германии" <2> заявителем обжаловался факт увольнения по причине решения о недопустимости пребывания на государственной службе лиц, участвующих в деятельности экстремистских партий и организаций. Европейский суд использовал позицию Федерального Конституционного Суда ФРГ, согласно которой любое активное участие государственного служащего в деятельности политической партии, преследующей антиконституционные цели, является несовместимой с исполнением этого долга.

<1> ЕСПЧ. "Энглерт против Германии", 25 августа 1987 г.

<2> ЕСПЧ. "Фогт против Германии", 26 сентября 1995 г.

Тем самым в определенной степени национальные правовые системы через решения и, прежде всего, правовые позиции конституционных судов оказывают влияние на право Конвенции. Очевидно, что в процессе толкования Европейским судом Конвенции в рамках европейской правовой традиции происходит избирательное восприятие отдельных элементов национальной правовой культуры, в то время как воздействие Конвенции на правовые системы ее участников имеет несравненно более масштабный характер.

Во-вторых, Европейский суд учитывает решения органа конституционной юрисдикции, когда прохождение стадии национального конституционного судопроизводства является одним из фактических обстоятельств в деле заявителя и только сам этот факт отмечается Европейским судом в его решении. При описании предшествующей процедуры Европейский суд констатирует только сами факты обращений заявителя в конституционные суды, кратко излагая существо решения конституционного суда, например, когда заявитель обращался в конституционный суд, но его обращение было признано неприемлемым. Речь идет преимущественно о тех делах, где решения или процедура конституционного судопроизводства прямо не связаны с существом последующего обращения заявителя в Европейский суд (например, решения по делам "Экле против Германии", "Эркнер и Хофауэр против Австрии" <1>).

<1> ЕСПЧ. "Экле против Германии", 15 июля 1982 г.; "Эркнер и Хофауэр против Австрии", 29 сентября 1987 г.

В-третьих, Европейский суд приводит и анализирует решения конституционного суда, когда национальное конституционное судопроизводство является в конечном счете предметом жалобы, подаваемой в Европейский суд.

В первую очередь следует отметить, что в целом ряде решений Европейский суд дал, по существу, оценку конвенционности собственно процедуре конституционного судопроизводства.

В этом свете был поставлен вопрос о том, является ли конституционный суд "судом" в смысле требований ст. 6.1 Конвенции, право на который имеет каждый при предъявлении ему любого уголовного обвинения и в случае спора о его гражданских правах и обязанностях. При этом если является, то надлежит ли требовать от него соблюдения условий этой статьи (например, справедливого и публичного разбирательства дела в разумный срок).

Европейский суд не раз подчеркивал, что в полной мере осознает роль и статус конституционного суда, задача которого состоит в обеспечении соблюдения конституции законодательной, исполнительной и судебной властями и который предоставляет гражданам на национальном уровне дополнительную

правовую защиту их основных прав, гарантированных конституцией, в тех странах, где в законодательстве предусмотрено право индивидуальной жалобы. Исходя из этого, Европейский суд долгое время придерживался позиции, согласно которой сама природа прав, определяемых конституционным судом, делает ст. 6.1 Конвенции неприменимой к этому суду.

Однако впоследствии позиция суда радикально изменилась. Для этих целей Европейский суд использовал следующую юридическую конструкцию: если при разбирательстве дела в национальном суде, которое в свете ст. 6.1 Конвенции является спором о гражданских правах или рассмотрением предъявленного уголовного обвинения, лицо как сторона процесса или сам суд обратились в конституционный суд с запросом о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в деле, то решение конституционного суда становится тем самым определяющим для исхода дела в судах общей юрисдикции и поэтому процедуру проверки закона в конституционном суде можно считать как бы продолжением гражданского (или уголовного) процесса в судах общей юрисдикции <1>.

<1> См.: Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. N 3. С. 82.

Кроме того, применительно к конституционному судопроизводству Европейский суд сформулировал следующие позиции: "Согласно сложившейся практике разбирательство в конституционном суде подлежит учету... если результат может влиять на исход спора в обычных судах. Правительство также ссылалось на "политическую природу" конституционного суда, который не является частью судебной системы. Этот аргумент неубедителен: Европейский суд неоднократно касался промежуточного производства в политических институтах или административных судах. В настоящем деле гражданское и конституционное судопроизводство представлялись настолько взаимосвязанными, что рассмотрение их по отдельности значительно ослабило бы защиту прав заявителей. Суд отмечает, что путем постановки вопросов о конституционности заявители использовали единственный доступный им способ обжалования вмешательства в их право собственности, вследствие чего ст. 6 Конвенции применима к разбирательству" <1>; "Европейский суд в полной мере осознает особую роль и статус Конституционного Суда, задача которого - в обеспечении соблюдения конституции всеми ветвями власти и который в государствах, предусматривающих в законодательстве право индивидуальной жалобы, предоставляет на национальном уровне дополнительную правовую защиту их основных прав, гарантированных конституцией. При этом, принимая во внимание то, что разбирательство в Конституционном Суде по данному делу было определяющим для спора о гражданском праве заявителя... статья 6 Конвенции применима в отношении конституционного судопроизводства" <2>.

<1> ЕСПЧ. "Руис-Матеос против Испании", 23 июня 1993 г.

<2> ЕСПЧ. "Зюсманн против Германии", 16 сентября 1996 г.

Примечательно, что Европейский суд применяет ст. 6.1 Конвенции в отношении конституционного судопроизводства даже тогда, когда речь идет об оценке конституционным судом запроса о конституционности закона, а не о рассмотрении индивидуальной жалобы ("Паммель против Германии", "Пробстмайер против Германии" <1>).

<1> ЕСПЧ. "Паммель против Германии", 1 июля 1997 г., "Пробстмайер против Германии", 1 июля 1997 г.

Таким образом, признавая особую роль и статус конституционной юрисдикции, Европейский суд при разрешении дел допускает применение ст. 6.1 Конвенции в отношении конституционного судопроизводства при учете следующих факторов: каждый раз Европейский суд исходит из конкретных обстоятельств дела; судом всегда учитываются обстоятельства, касающиеся того, могло ли конституционное судопроизводство по делу заявителя влиять на исход разбирательства по его же делу в обычных судах, а также касалось ли судопроизводство "гражданских прав и обязанностей" заявителя или предъявляемого ему "уголовного обвинения" <1>.

<1> См.: Туманов В.А. Конституционное правосудие в свете практики Европейского суда по правам человека (на примере России) // Европейское измерение национальных конституций. Значение

Европейской конвенции о правах человека для законодательства, судебной практики и судебного конституционного контроля в Восточной и Западной Европе. Материалы Международной конференции (Регенсбург, 20 - 22 июня 2002 г.) // <<http://www.concourt.am/armenian/almanakh/almanac2002/227.htm>>.

При решении вопроса о применении ст. 6.1 Конвенции к конституционному судопроизводству Европейский суд оценивал соблюдение в конституционном судопроизводстве требований этой статьи: о разбирательстве дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона ("Эттле и другие против Австрии"); об общей справедливости судебного разбирательства ("Руис-Матеос против Испании"); о разумном сроке разбирательства ("Доймеланд против ФРГ"; "Паммель против Германии" и "Пробстмайер против Германии"). Также в рамках ст. 6.1 Конвенции Европейский суд рассматривал вопрос о нарушении права на судебную защиту конституционным судом ("Цумтобель против Австрии") <1>.

<1> ЕСПЧ. "Эттле и другие против Австрии", 23 апреля 1987 г.; "Руис-Матеос против Испании", 23 июня 1993 г.; "Доймеланд против Германии", 29 мая 1986 г.; "Паммель против Германии", 1 июля 1997 г.; "Пробстмайер против Германии", 1 июля 1997 г.; "Цумтобель против Австрии", 21 сентября 1993 г.

Так, по делу "Эттле и другие против Австрии" Конституционный Суд Австрии отказался рассматривать жалобы заявителей на процедуру разбирательства их дел комитетами по земельной реформе и направил их в Административный суд для решения вопроса, были ли нарушены их права. В обращении в Европейский суд обжаловалось нарушение права на независимый и беспристрастный суд.

В соответствии с делом "Доймеланд против Германии" заявитель, ходатайствуя о назначении дополнительной пенсии по вдовству, последовательно обращался во многие суды ФРГ, на решения которых впоследствии подал жалобу в Федеральный Конституционный Суд, который через месяц отказался рассматривать жалобу. В обращении в Европейский суд заявитель обжаловал нарушение разумного срока всего разбирательства, включая срок решения вопроса о приемлемости жалобы в Конституционном Суде. При этом Европейский суд отметил: "Срок, разумность которого подлежит оценке, покрывает в принципе всю продолжительность тяжбы, включая разбирательство по жалобам. В этом отношении следует учесть и Федеральный Конституционный Суд в том плане, что, хотя он не обладал юрисдикцией для разрешения дела по существу, его решение могло влиять на исход спора".

В делах "Паммель против Германии" и "Пробстмайер против Германии" было признано нарушение разумного срока рассмотрения соответствующих дел в Федеральном Конституционном Суде, несмотря на предупреждение последнего о том, что в силу загруженности важными делами (связанными с воссоединением двух германских государств) сроки рассмотрения этих запросов могут оказаться длительными. Европейский суд не принял во внимание указанное обстоятельство. При этом он рассматривал вопрос о разумном сроке применительно лишь к тому периоду, когда дела находились в Федеральном Конституционном Суде, а не ко всему сроку их рассмотрения в немецких судах.

Также в деле "Цумтобель против Австрии" Конституционный Суд отказался рассматривать и разрешать жалобы по существу, что было обжаловано заявителями в Европейском суде как нарушение их права на судебную защиту.

В.А. Туманов, критически оценивая соответствующую практику Европейского суда, хотя и обусловленную обращениями о длительности (многолетней) рассмотрения дел в некоторых европейских конституционных судах, отмечал, что распространение всего п. 1 ст. 6 Конвенции на конституционное судопроизводство не соответствует ни самой этой статье Конвенции, ни юридической природе и особенностям конституционного правосудия. В то же время В.А. Туманов не исключает возможности рассмотрения Европейским судом вопроса о "разумном сроке" применительно к Конституционному Суду, но только в ситуации, когда рассмотрение дела в общем суде было приостановлено в связи с его запросом в Конституционный Суд. В этом случае Европейский суд, конечно, не может исключить из общей длительности рассмотрения дела в национальной судебной системе период, когда дело находилось в Конституционном Суде <1>.

<1> См.: Туманов В.А. Конституционное правосудие в свете практики Европейского суда по правам человека (на примере России) // Международный альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2002. С. 239 - 242.

Обращение Европейского суда к национальному конституционному судопроизводству, оцениваемому

в качестве предмета жалобы в Европейский суд, также возможно в случае проверки последним конвенционности содержания решения национального конституционного суда, касающегося толкования того или иного права, гарантированного Конвенцией. В практике Европейского суда имеются дела, где предметом обращения в суд являются собственно решения органа конституционного правосудия, разрешившие обращения по существу.

В деле "Класс и другие против ФРГ" <1> Европейский суд впервые фактически рассмотрел жалобу на закон в том виде, как его толкует Федеральный Конституционный Суд, то есть по существу на содержание решения последнего. Суд ФРГ рассмотрел жалобу на Закон 1968 г., изданный в развитие ст. 10.2 Основного Закона, разрешавшего, при определенных условиях, тайный перехват почтовых, телеграфных и иных сообщений. Заявители утверждали, что положения Закона не обязывают власти уведомлять о принятых мерах заинтересованных лиц и не предусматривают судебного порядка обжалования. В итоге, суд ФРГ признал оспариваемые законы противоречащими Основному Закону в той мере, в какой они исключают уведомление в тех случаях, когда оно могло бы быть произведено без ущерба для целей разрешенного ограничения прав и свобод.

<1> ЕСПЧ. "Класс и другие против Германии", 6 сентября 1978 г.

При этом в обращении в Европейский суд заявители утверждали, что положения Закона, в том виде как их толкует суд ФРГ, противоречат ст. 8 Конвенции (право на уважение частной жизни и неприкосновенность тайны коммуникации). Европейский суд по существу подтвердил позицию суда ФРГ в отношении названного права и не признал нарушения Конвенции законодательством ФРГ.

По обстоятельствам дела "Объединенная Коммунистическая партия Турции против Турции" <1> Конституционный Суд принял решение о роспуске Коммунистической партии, что впоследствии стало фактическим предметом обжалования в Европейский суд в связи с предполагаемым нарушением ст. 11 Конвенции (право на объединение). В результате Европейский суд решил вопрос о соблюдении Конвенции, рассмотрев не само решение Конституционного Суда, а роспуск как таковой и констатировав в этом случае нарушение Конвенции.

<1> ЕСПЧ. "Объединенная Коммунистическая партия против Турции", 30 января 1998 г.

В целом, следует указать, что до начала 1990-х гг. количество всех подобных решений Европейского суда, имеющих целью оценку деятельности национального органа конституционного правосудия, не превысило двух десятков. Однако впоследствии в связи с активной работой "старых" конституционных судов и учреждением органов конституционного правосудия почти во всех государствах Центральной и Восточной Европы и с вступлением этих стран в Совет Европы количество жалоб на деятельность конституционных судов, поступающих в Европейский суд, с каждым годом стало значительно возрастать. Соответственно, росло и число выносимых Европейским судом решений <1>.

<1> См.: Российское конституционное судопроизводство как предмет европейской жалобы (2003 - 2007 гг.) // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 2007. С. 4.

Важным фактором взаимодействия органов конституционного и европейского контроля является осуществление ими информационного "общения", используя различные организационные формы международного сотрудничества. В этом контексте важно упомянуть Конференцию европейских конституционных судов, созданную в 1972 г., и Комиссию Совета Европы "За демократию через право" (Венецианскую комиссию), образованную в 1990 г. Данные платформы сотрудничества служат важным организационным и техническим инструментом глобализации конституционного правосудия и его взаимодействия с Европейским судом <1>. По справедливому замечанию Л. Шольома, совместная деятельность различных конституционных судов и европейских органов правосудия в рамках указанных организационных форм общения во многом развивает общую европейскую конституционную культуру, общий "язык" методов и средств, образуют "европейский консенсус" <2>.

<1> Деятельность Венецианской комиссии не ограничивается только кругом государств - членов Совета Европы; по своим уставным задачам комиссия является консультативным органом по

конституционным вопросам, служит углублению изучения правовых систем европейских государств, прежде всего, в целях их сближения, претворения в жизнь принципов правового государства и демократии. Соответствующими вопросами также занимается Конференция европейских конституционных судов.

<2> Шольом Л. О сотрудничестве конституционных судов // Сотрудничество конституционных судов. Материалы X Конференции европейских конституционных судов // Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 3. Конституционный Суд РФ. М., 2000. С. 26.

Итак, построение эффективной многоуровневой системы защиты основных прав предполагает, прежде всего, постоянное взаимодействие между органами конституционного правосудия и Европейским судом, в основе которого лежит стремление их к сотрудничеству. При этом известной гарантией такого сотрудничества в каждом конкретном случае является согласие с тем или иным решением или выводом соответствующего судебного органа.

Однако взаимодействие между судами европейской и конституционной юрисдикции при решении конкретных споров не исчерпывается только сотрудничеством, поскольку в отношениях между ними постоянно существует определенный конфликтный потенциал, обусловленный противоречиями между национальным правом и правом Конвенции, различным правопониманием, притязаниями и действиями по изменению существующего правопорядка. Обращает на себя внимание то, что предпосылки обострения противоречий и трансформации их в реальные конфликты связаны с разрешением Европейским судом вопроса определения границ его вмешательства в сферу национального регулирования и пределов свободы национального усмотрения, что влияет на отношение конституционных судов к конкретному решению или выводу Европейского суда.

При этом возникновение конфликтных ситуаций в конечном счете зависит от деятельности конституционных судов, выражающих согласие или несогласие с соответствующим решением или конкретными выводами Европейского суда.

При первом приближении представляется, что Европейский суд и конституционные суды в рамках своей деятельности тесно соприкасаются при исследовании схожих вопросов, но фактически не пересекаются, поскольку их задачи изначально различаются. Так, конституционное правосудие существует для целей определения в конечном счете конституционности актов органов публичной власти, а деятельность Европейского суда имеет в качестве основной цели непосредственную защиту основных прав. Поэтому возможность прямого открытого столкновения соответствующих органов между собой, влекущая какие-либо правовые последствия, маловероятна. Однако известно, что в последнее время все чаще Европейский суд напоминает наднациональное конституционное правосудие, в то время как конституционное правосудие уже не представляется возможным оценивать без рассмотрения в числе его возможностей института непосредственной защиты основных прав при оценке конституционности различных актов органов публичной власти.

Тем самым в практике взаимодействия соответствующих судов возможны случаи несогласия конституционных судов с решениями и выводами Европейского суда как при рассмотрении ими схожих дел, так и в ситуациях прямых столкновений между ними, обусловленных пересечением юрисдикции этих органов. При этом такие конфликтные ситуации фактически складываются либо при явном (открытом) выражении органом конституционного правосудия несогласия с актом Европейского суда, либо при отсутствии обращения к нему, когда соответствующее обращение должно было иметь место.

Представляется оправданным подробно описать типы ситуаций, возникающих в отношениях между органами конституционной и европейской юрисдикции, имеющие высокий конфликтный потенциал и способные провоцировать конституционные суды на выражение своего несогласия с решением Европейского суда.

В первую очередь идет речь о случаях, когда из решения Европейского суда следует отрицательная оценка конституционно-судебной деятельности, предполагающая необходимость ее корректировки.

В ситуации, когда один и тот же вопрос стал предметом рассмотрения сначала национального органа, а потом Европейского суда, происходит пересечение юрисдикции указанных органов по одним и тем же вопросам. Такая ситуация возможна, поскольку Конвенция и национальные конституции устанавливают во многом схожий перечень основных прав, при этом условием ее возникновения является наличие общего объекта конституционного и конвенционного контроля, например судебной практики. Кроме того, возникновение данной ситуации может быть связано с тем, что из решения Европейского суда будет следовать: причиной нарушения Конвенции является правовая практика, сложившаяся на основе закона, не соответствующего Конвенции, при этом конституционность такого закона была ранее подтверждена

решением конституционного суда.

В связи с этим в практике взаимодействия между конституционными судами и Европейским судом может возникнуть вопрос об иерархии полномочий соответствующих органов в условиях многоуровневой организации судебной власти. Поэтому становится важным поиск ответа на вопрос о том, кто из судебных органов должен быть основным средством защиты прав, гарантированных Конвенцией, в том числе совпадающих по содержанию с конституционными правами.

При этом обращает на себя внимание подход Европейского суда к своему значению в данном процессе (из заявления Ж.-П. Коста): "Европейский суд не связан решением национального конституционного суда, поскольку - несмотря на всю важность принципа субсидиарности - на суд возложена функция "европейского контроля", вытекающая из ст. 19 Конвенции. В соответствии с данной статьей суд был учрежден, и на него возложена задача обеспечения соблюдения обязательств высоких договаривающихся сторон по Конвенции и Протоколам к ней. Другими словами, в силу фундаментального принципа *acta sunt servanda* существует иерархия норм, которую указывает Страсбургский суд в качестве последней инстанции по применению Конвенции. И, таким образом, мы не всегда соглашаемся с точкой зрения национального конституционного суда" <1>.

<1> Доклад Жан-Поля Коста (визит делегации Европейского суда по правам человека) // Российская юстиция. 2007. N 6. С. 75.

Этим обстоятельством время от времени провоцируются ситуации, связанные с непризнанием выводов национальных конституционных судов. Поэтому нередко по делу, в рамках которого состоялось решение конституционного суда, Европейский суд выносит решение, содержащее выводы, противоположные выводам национального суда, тем самым фактически давая негативную оценку решениям конституционного суда.

В связи с делом "Шрамак против Австрии" Конституционный Суд Австрии пришел к выводу, что орган, на который была возложена функция контроля земельных сделок (юрисдикционный административный орган), должен рассматриваться как независимый суд по смыслу ст. 6 Конвенции <1>. Однако позиция Европейского суда была иной, и он не признал, что этот орган являлся независимым судом, соответствующим требованиям статьи 6 Конвенции <2>.

<1> См.: решение Конституционного Суда Австрии от 3 марта 1979 г. // <<http://www.codices.coe.int/>>.
<2> ЕСПЧ. "Шрамак против Австрии", 22 октября 1984 г.

По известному делу "Каролина фон Ганновер против Германии" заявительница безуспешно обращалась в судебные органы Германии с требованием о запрете публикации серии снимков, появившихся в немецких журналах, ссылаясь на нарушение такой публикацией ее права на защиту частной жизни. Федеральный Конституционный Суд принял решение, ссылаясь на свободу прессы, что заявительница, являясь публичной фигурой, должна разрешить публикацию снимков, на которых она появлялась в общественных местах (решение от 15 декабря 1999 г.). Однако Европейский суд при оценке вопросов соотношения права на защиту личной и семейной жизни и свободы печати не принял указанную позицию и исходил из приоритета каждого на уважение его частной жизни, включая право "на образ". В частности, суд отметил: "Решающим фактором при установлении баланса между защитой частной жизни и свободой выражения мнения должен являться вклад, который опубликованные фотографии и статьи вносят в обсуждение, представляющее интерес для общественности. В настоящем деле они не внесли такой вклад, так как заявитель не исполняет официальных функций... Национальные суды не смогли установить справедливый баланс между конкурирующими интересами" <1>.

<1> ЕСПЧ. "Каролина фон Ганновер против Германии", 24 июня 2004 г.; Rudolf B. Council of Europe: *Von Hannover v. Germany* // *International Journal of Constitutional Law*. Oxford. 2006. N 4(3). P. 533 - 536.

Интересным примером является дело "М. против Германии". По обстоятельствам этого дела заявитель был подвергнут заключению в тюрьму в связи с совершением им уголовных преступлений. При этом данная мера наказания, ограниченная первоначально 10 годами лишения свободы, была ретроспективно продлена на неограниченный период после внесения изменений в соответствующий закон. Европейский суд установил нарушение в этом деле ст. 7 Конвенции, согласно которой не может налагаться

наказание более тяжкое, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления, несмотря на существующее решение Федерального Конституционного Суда ФРГ о соответствии таких изменений в закон Основному Закону (решение от 5 февраля 2004 г.) <1>.

<1> ЕСПЧ. "М. против Германии", 17 декабря 2009 г.

В деле "Зелински, и Прадаль, и Гонсалес, и другие против Франции" <1> заявители ссылались на то, что вмешательство государства в судебный процесс с их участием с использованием закона, имевшего обратную силу, нарушило принцип равенства процессуальных возможностей и явилось посягательством на их право на справедливое судебное разбирательство. Конституционный Совет Франции пришел к выводу о соответствии оспариваемых положений закона Конституции. Несмотря на это, Европейский суд констатировал нарушение ст. 6 Конвенции, посчитав, что соответствие Конституции оспариваемого закона не являлось достаточным основанием для признания соответствия его положений требованиям Конвенции <2>.

<1> ЕСПЧ. "Зелински, и Прадаль, и Гонсалес, и другие против Франции", 28 октября 1999 г.

<2> См.: Коротеев К. Исполнение решений Европейского суда по правам человека во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 1. С. 91.

Принимая во внимание высокий конфликтный потенциал соответствующих решений Европейского суда, практике конституционных судов известно несколько вариантов реагирования на них. С одной стороны, такая ситуация может повлечь изменение последующей практики органа конституционного правосудия. Например, решение Европейского суда по делу "Рингайзен против Австрии" <1> стало поводом для изменения впоследствии Конституционным Судом Австрии своего толкования понятия "гражданские права и обязанности" и применения толкования, даваемого Европейским судом в данном деле, в котором рассматривалось нарушение ст. 6.1 Конвенции. В результате решения Европейского суда по делу "Зелински, и Прадаль, и Гонсалес и другие против Франции" Конституционный Совет Франции изменил свою практику в отношении применения некоторых нормативных актов, сформулировав конституционно значимую цель доступности и ясности законов <2>.

<1> ЕСПЧ. "Рингайзен против Австрии", 16 июля 1971 г.

<2> См.: Коротеев К. Указ. соч.

С другой стороны, решения Европейского суда, содержащие выводы, расходящиеся с позициями конституционных судов, провоцируют возникновение конфликтных ситуаций, выраженных в несогласии конституционных судов следовать или даже учитывать решения наднационального органа.

Так, национальные суды могут проигнорировать решение Европейского суда, продолжая следовать "старому" подходу к проблеме, что выражается в отсутствие обращения указанных судов к Конвенции и решениям Европейского суда при рассмотрении аналогичных дел. Такое неявное выражение конституционным судом своего отношения к решению Европейского суда по форме не напоминает конфликты и, как правило, не провоцирует появления негативной оценки со стороны Европейского суда, который может обратить внимание на данное решение только в случае, если возникнет необходимость принятия его во внимание при рассмотрении другого дела.

Однако в данном случае весьма вероятны ситуации открытого конфликта между судами, которые, как правило, связаны с явным выражением несогласия конституционного суда с решением Европейского суда. Так, во многом из-за неучтенной Европейским судом позиции Федерального Конституционного Суда ФРГ в деле "Каролина фон Ганновер против Германии" соответствующий суд ФРГ впервые подробно определил роль и значение решений Европейского суда для национального правопорядка, выступив в качестве последней инстанции в конфликте между Европейским судом и судами Германии (дело Гергюлю). Данное дело касалось возможности опеки и доступа биологического отца к ребенку, усыновленному чужой семьей, на что немецкие суды наложили запрет, однако Европейский суд установил в действиях национальных властей нарушение ст. 8 Конвенции. При рассмотрении этого дела Федеральным Конституционным Судом ФРГ было отмечено: "Положения Конвенции могут и не учитываться, если нет другой возможности предотвратить нарушение основных принципов Основного Закона... немецкие суды должны отдавать предпочтение толкованию в соответствии с Конвенцией, за исключением случаев его противоречия

Основному Закону, в том числе основным правам третьих лиц" <1>. Соответствующее решение национального конституционного суда вызвало серьезный общественный резонанс; судьи Европейского суда расценили действия германских властей как нежелание выполнять решение Европейского суда, вызвавшее их разочарование, в то время как судьи судов Германии ссылаются на необходимость уважения национальных особенностей <2>. Вместе с тем Федеральный Конституционный Суд по обозначенным "конфликтным" делам также демонстрирует поиск компромисса между выполнением требований Конвенции и суверенными интересами ФРГ, в том числе корректируя национальную судебную практику с учетом выводов Европейского суда <3>.

<1> Решение Федерального Конституционного Суда ФРГ (Bundesverfassungsgericht) от 14 октября 2004 г. // <<http://www.bverfg.de/entscheidungen.html>>.

<2> См.: Hartwig M. Much ado about human rights: the Federal Constitutional Court confronts the European Court of Human Rights. German Law Journal. N 5 // <<http://www.germanlawjournal.com>>.

<3> По обстоятельствам дела Гергюлю Верховный Земельный Суд Наумбурга сформулировал выводы, которыми фактически отрицалась необходимость участия национальных судебных органов в проведении стандартов Конвенции в национальный правовой порядок, однако Федеральный Конституционный Суд ФРГ отклонил многие его аргументы и привел собственные доводы, в целом определяющие механизм реализации решений Европейского суда. При этом данный суд счел необходимым пересмотр решения национального суда в связи с решением Европейского суда с учетом всех фактических обстоятельств. К тому же, в итоге, Федеральный Конституционный Суд ФРГ содействовал исполнению указанного решения Европейского суда, конфликтующего с национальной судебной практикой (в 2009 г. Комитет Министров констатировал его исполнение). Дело Каролины фон Ганновер имеет свое продолжение, в частности, в 2008 г. состоялось новое решение суда ФРГ по поводу публикации серии снимков, в рамках которого он предпринял попытку обратить внимание Европейского суда на функции свободной прессы в связи с формированием общественного мнения по вопросам, прежде всего, представляющим высокий общественный интерес; решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 14 октября 2004 г.; решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 26 февраля 2008 г.; Непе М. Европейский суд по правам человека и национальное правосудие (Германия) // На пути в Европу. Сборник материалов 5-й Международной конференции судей (Стамбул, 2007 г.). Стамбул. 2007. С. 80 - 88; Tomuschat C. The Effects of the Judgments of the European Court of Human Rights According to the German Constitutional Court // German Law Journal. 2010. N 5 // <<http://www.germanlawjournal.com>>.

Такие возникающие конфликтные ситуации со всей очевидностью демонстрируют оценку конституционного суда вопроса соотношения конституционного и международного права с позиции национальной правовой системы и показывают, что Конвенция как непосредственно действующий договор, даже превалируя над рядовыми национально-правовыми правилами, не может вступать в противоречие с конституционными ценностями и нормами. При обосновании приоритетности своего толкования по отношению к толкованию, данному Европейским судом, конституционные суды, как правило, прибегают к обоснованию преимущества национальной конституции над Конвенцией, несмотря на отсутствие в большинстве случаев в текстах данных учредительных актов несогласующихся или взаимоисключающих положений.

В определенном смысле конфликтный потенциал содержат решения Европейского суда, которыми негативно оценивается процессуальный аспект конституционно-судебной деятельности, поскольку в практике Европейского суда (как указано выше) с определенного времени положительно решается вопрос о применимости к процедуре рассмотрения дел в конституционных судах гарантий справедливого судебного разбирательства, определенных ст. 6.1 Конвенции.

В свою очередь, решения Европейского суда, констатирующие нарушения Конвенции какими-либо аспектами конституционного судопроизводства, как правило, не приводят к прямому конфликтному столкновению с конституционными судами, которые стремятся предпринять меры, вытекающие из решений Европейского суда, связанные с корректировкой процедуры разрешения конституционно-правового спора. Так, чешский Конституционный Суд своим решением прояснил правила приемлемости конституционных жалоб спустя несколько месяцев после Постановления Европейского суда по делу "Белеш против Чехии", в котором было констатировано нарушение права на доступ к конституционному суду <1>.

<1> См.: ЕСПЧ. "Белеш против Чехии", 12 ноября 2002 г.; решение Конституционного Суда Чехии

Несмотря на всю спорность и неоднозначность случаев вынесения Европейским судом решений, которыми оцениваются материальные и процессуальные аспекты конституционно-судебной деятельности, все же следует констатировать, что такое влияние права Конвенции во многом стимулирует развитие конституционного правосудия государств - участников Конвенции в сторону наиболее прогрессивной организации судебного конституционного контроля и повышения эффективности его функционирования. Прежде всего, речь идет о повышении значения конституционного правосудия для защиты основных прав и свобод в соответствии с европейскими стандартами. Не менее важно развитие процессуальной стороны судебного конституционного контроля в части обеспечения разумности срока судебного разбирательства, составительности сторон в процессе и т.д.

Примечательно, что в связи с указанной практикой Европейского суда становится логичной постановка вопроса о возможности принятия конституционным судом мер реагирования, связанных с пересмотром собственных решений. Справедливо приобретает значение дискуссия о том, что право личности на обращение в Европейский суд вносит определенные изменения в положение об окончательном характере решений органов конституционного правосудия. Однако известно, что решения соответствующих органов имеют окончательный характер и не подлежат обжалованию в связи с особенностями конституционного судопроизводства и места данных органов в национальной судебной системе. Соответственно, конституционные суды по общему правилу обоснованно не относят возможность возобновления процедуры судопроизводства в связи с решением международного суда применительно к своей деятельности. Между тем встречаются редкие исключения, что иллюстрирует конституционное судопроизводство в Чехии.

Закон о Конституционном Суде Чехии <1> позволяет при выполнении определенных условий подать заявление о возобновлении судопроизводства в связи с решением Конституционного Суда, из-за которого международный суд констатировал нарушение действиями государственных органов международных соглашений и прав и свобод человека. При этом заявление может быть подано в течение шести месяцев со дня вступления в силу решения международного суда. В связи с этим в Конституционный Суд Чехии было подано заявление о возобновлении делопроизводства в связи с решением Европейского суда по делу "Градецкий против Чехии" <2>, которым обозначено нарушение права на справедливое разбирательство дела, предусмотренное ст. 6.1 Конвенции, и права на эффективное средство правовой защиты, установленного ст. 13 Конвенции. Между тем Конституционный Суд отказал в жалобе по причине того, что заявление о возобновлении рассмотрения дела Конституционным Судом может внести лишь участник первоначального рассмотрения дела в суде, в пользу которого принял решение международный суд (решение от 24 февраля 2005 г.) <3>.

<1> См.: Закон о Конституционном Суде Чехии от 16 июня 1993 г. // <http://www.concourt.cz/view/const_court_act>.

<2> ЕСПЧ. "Градецкий против Чехии", 4 октября 2004 г.

<3> См.: Балик С. Опыт Конституционного Суда Чешской Республики по приведению в исполнение решений Европейского суда по правам человека // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 236, 237.

Кроме того, конфликтный потенциал для взаимодействия органов конституционного и европейского правосудия имеют иные решения Европейского суда, не затрагивающие конституционно-судебную практику, однако не учитывающие культурно-исторические и иные особенности национального правового регулирования при толковании Конвенции. Как указывает Ж.-П. Коста, интерпретация демократии, воспринятая Европейским судом, выходит за грубые рамки одной лишь воли большинства, а потому суд готов противостоять ему, если того требуют плюрализм, толерантность и права меньшинств <1>. Например, в решении по делу "Лаутси против Италии" <2> Европейский суд постановил, что размещение в классах государственных школ символики - распятия креста, которая ассоциируется с католицизмом, нарушает право родителей воспитывать детей согласно собственным убеждениям, равно как и право детей, проходящих процесс обучения, не придерживаться определенных религиозных убеждений. Было констатировано нарушение ст. 2 Протокола N 1 и ст. 9 Конвенции. Однако, по мнению органов публичной власти Италии, существование такой традиции является частью национальной культурной идентичности, что в результате привело к пересмотру данного решения Большой Палатой Суда <3>.

<1> См.: Лукашевич В. Европейский консенсус в практике Европейского суда по правам человека: институциональные и интерпретативные аспекты // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 4. С. 56.

<2> ЕСПЧ. "Лаутси против Италии", 27 июля 2006 г.

<3> См.: Апелляция правительства Италии в Большую Палату Европейского суда по правам человека в связи с решением Европейского суда по правам человека от 3 ноября 2009 г. по делу N 30814/06 "Лаутси против Италии" // Вся Европа. 2010. N 6; <http://alleuropa.org/index.php?option=com_content&task=view&id=1640>.

В случае своего несогласия с соответствующими решениями Европейского суда органы конституционного правосудия при схожих обстоятельствах дела, как правило, не обращаются к этим решениям, игнорируя их и не порождая тем самым открытых конфликтных столкновений с Европейским судом. Например, в одном из своих решений Европейский суд относительно свободы слова дал следующее объяснение: "...право распространять информацию применимо не только к "информации" или "идеям", которые принимаются благосклонно или рассматриваются как неоскорбительные или воспринимаемые безразлично, но также и к тем, которые оскорбляют, возмущают или причиняют беспокойство. Таковыми являются требования плюрализма, терпимости и либерализма, без которых нет "демократического общества". В свою очередь, обоснование Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о допустимости создания региональных политических партий заключалось в следующем: "В современных условиях, когда российское общество еще не приобрело прочный опыт демократического существования, при том что имеют место серьезные вызовы со стороны сепаратистских, националистических, террористических сил, создание региональных политических партий - поскольку они стремились бы к отстаиванию преимущественно своих, сугубо региональных и местных, интересов - могло бы привести к нарушению государственной целостности и единства системы государственной власти как основ федеративного устройства России" <1>.

<1> См.: ЕСПЧ. "Лингенс против Австрии", 8 июля 1986 г.; Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. N 1-П "По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона "О политических партиях" в связи с жалобой общественно-политической организации "Балтийская республиканская партия"; Арутюнян Г. Роль конституционных судов в формировании единого правового пространства Европы // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. Сборник докладов. М., 2007. С. 125.

В то же время и в этом случае не исключена возможность возникновения открытого конфликта между органами конституционного и конвенционного контроля. Примером отказа следовать решению Европейского суда является дело, связанное с британскими военными трибуналами. В деле "Финдли против Соединенного Королевства" <1> Европейский суд обозначил нарушение принципов справедливого судебного разбирательства, предусмотренных Конвенцией, в традиционной работе британских военных трибуналов. Однако в аналогичном деле Палата лордов <2> отказалась признать требования решений Европейского суда, мотивировав это как отказ рассматривать данное решение в качестве общего прецедента <3>.

<1> ЕСПЧ. "Финдли против Великобритании", 25 февраля 1997 г.

<2> Палата лордов - высший суд Великобритании по любым делам, в том числе по решению вопросов, относящихся в странах континентальной Европы к компетенции конституционных судов (с 2009 г. его судебные функции перешли к Верховному Суду).

<3> Решение Палаты лордов Великобритании от 18 июля 2002 г. (R. v. Boyd) // <<http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200102/ldjudgmt/jd020718/boyd-1.htm>>.

Следует признать, что возникновение конфликтных ситуаций в практике взаимодействия судов нередко связано с тем, что Европейский суд неосновательно расширяет пределы вмешательства в вопросы национального регулирования, обусловленные субсидиарным значением европейского судебного механизма, главной целью которого является обеспечение вспомогательного характера европейского правосудия по отношению к национальным системам защиты прав. При этом вспомогательный характер

европейского судебного контроля предполагает, что защита прав и свобод, а также итоговое толкование их содержания прежде всего задача самих государств-участников и, соответственно, их национальных органов, в том числе самих конституционных судов. Поэтому, как замечает Л. Гарлицкий, Европейский суд, являясь наднациональным органом, не должен забывать об ограничениях, присущих международному праву; сферу действия Конвенции и полномочия суда нельзя трактовать слишком широко <1>.

<1> См.: Гарлицкий Л. Судебные совещания в страсбургской перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 4. С. 49.

В то же время такое вмешательство Европейского суда во внутренние дела может быть и оправданно тем, что достигнут консенсус (согласие) в определении содержания основных прав и параметров их ограничения, отражающий тенденции правового развития в большинстве государств - участников Конвенции. В связи с этим является важным взаимное обращение органов конституционного и европейского правосудия к позициям друг друга в целях достижения ими согласованных решений. Одновременно с этим в основе их отношений должна лежать "концепция принципа субсидиарности" европейского механизма защиты прав как основы "разграничения международного (европейского) и внутригосударственных предметов ведения в сфере осуществления судебной защиты основных прав и свобод" <1>.

<1> Овсепян Ж.И. К обсуждению концепции статуса конституционного правосудия в сфере защиты фундаментальных прав и свобод на основе принципов и норм международного права в период глобализации // Журнал конституционного правосудия. 2011. N 1. С. 3.

Конституционное правосудие может служить как адекватным средством предупреждения появления выводов Европейского суда, не согласующихся с историко-культурными особенностями национальной правовой практики, так и надлежащим средством реагирования на такие выводы и примирения их с национальными правовыми традициями. При этом, как отметил Х.-Ю. Папир, важной задачей конституционных судов является сопротивление искушению Европейского суда чересчур сильно вмешиваться в решения по конкретным делам, выступая тем самым в роли вышестоящей судебной инстанции по отношению к национальным специализированным судам <1>.

<1> См.: Папир Х.-Ю. Соотношение между национальным конституционным правом и Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод с точки зрения Федерального Конституционного Суда ФРГ // Конституционное правосудие. Вестник конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2006. N 4. С. 34, 35.

Соответствующая роль конституционного правосудия в первую очередь должна быть связана с корректным восприятием практики Европейского суда и воплощением целей Конвенции в рамках повседневной конституционно-судебной деятельности. Важно заметить, что достаточно часто предупреждение обострения противоречий между европейским и конституционным правосудием зависит от эффективности решения процессуальных проблем приемлемости обращения Европейским судом. В частности, зачастую поднимается вопрос о том, следует ли характеризовать конституционное правосудие как одно из условий приемлемости жалобы в Европейский суд в рамках правила исчерпания внутренних средств защиты прав, определенного ст. 35.1 Конвенции.

Как правило, разрешение данного вопроса Европейским судом происходит, исходя из конкретных особенностей организации процедуры конституционной жалобы, предоставляющей необходимые возможности для индивидуальной защиты основных прав, в частности связанные с проверкой соответствия конституции окончательных судебных решений. При этом представляется оправданным учитывать подход конституционного суда к вопросу о необходимости своего участия на этапе исчерпания лицом национальных средств защиты основных прав.

Не менее важным является использование Европейским судом правила предварительного обращения в национальный конституционный суд для целей ст. 35.1 Конвенции, когда в порядке индивидуальной жалобы фактически оспариваются положения национального законодательства, а не его применение. Обозначенные действия важны с учетом того, что механизм Европейского суда не является альтернативной мерой, существующей наряду с иными национальными средствами защиты основных прав,

а служит дополняющим средством в случае, если национальных средств защиты недостаточно.

Итак, обозначенные проблемы свидетельствуют о поиске оптимальных форм сотрудничества и, соответственно, эффективного взаимодействия органов конституционного и конвенционного контроля, совместно развивающих таким образом общую европейскую конституционную культуру. Как отметил В.Д. Зорькин, конституционные суды как хранители и интерпретаторы национальных конституций, а Европейский суд как хранитель и интерпретатор Конвенции - каждый в рамках своих полномочий и во взаимодействии и во взаимовлиянии - призваны на практике очертить общее правовое поле, "отыскать", "сказать" и утвердить, что же есть то или иное право и свобода в отдельности и права и свободы в целом с точки зрения принципа верховенства (господства) права, соблюдены ли пределы возможных ограничений этих прав, с тем чтобы не исчезло само существо, то есть глубинное содержание, права. В единстве трех направлений: индивидуальной национальной практики конституционного контроля, практики Европейского суда и иных наднациональных органов конституционного правосудия, коллективного взаимодействия всех конституционных судов в единстве с Европейским судом, мы имеем благоприятный шанс утвердить принцип верховенства права во всей Европе <1>.

<1> См.: Зорькин В.Д. Заключительная речь на закрытии IX Ереванской международной конференции "Принцип верховенства права в практике конституционного правосудия" // Альманах: Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2004. С. 218.

В связи с этим, несмотря на высокий конфликтный потенциал отношений между Европейским судом и конституционными судами, характерный для современного этапа развития, их взаимоотношения выражены в поиске взаимоприемлемых вариантов решения вопросов защиты основных прав, основанных на доброй воле и стремлении к конструктивному сотрудничеству. Только в этом случае конвенционная система защиты основных прав может эффективно работать и учитывать интересы всех ее участников на каждом из уровней функционирования.

Глава 3. МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮРИСДИКЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

§ 1. Понятие и содержание механизма реализации решений Европейского суда по правам человека органами конституционного правосудия

Согласно ст. 46.1 Конвенции договаривающиеся стороны обязуются исполнять окончательные решения Европейского суда, в которых они являются сторонами. В связи с этим на государство-ответчика возлагается правовое обязательство помимо выплаты заинтересованным лицам справедливой компенсации за признанное Европейским судом нарушение также осуществить позитивные действия по принятию определенных мер. Данные меры направлены на прекращение нарушений Конвенции, устранение их последствий и предупреждение аналогичных нарушений.

В связи с увеличением контрольных возможностей судебного механизма Конвенции, в том числе обусловленных введением практики пилотных решений, раздвигаются границы распространения обязательной юрисдикции Европейского суда. Вследствие этого требования, вытекающие из решений суда, ориентированы на выполнение не только в отношении заявителей, обратившихся в него, но также в отношении других лиц, оказавшихся в положении заявителя. Кроме того, значение решений Европейского суда выходит за национальные пределы, воздействуя на законодательство и судебную практику других государств - участников Конвенции.

Как отмечено в главе 1 настоящего исследования, органы конституционного правосудия способны эффективно обеспечивать реализацию решений Европейского суда во внутреннем праве, проявляя высокую степень готовности и реальной активности в этом процессе, что имеет большое значение для добросовестного выполнения соотвествующими государствами международных обязательств. Тем самым деятельность конституционных судов по участию в процессе выполнения обязательств в рамках Конвенции представляет собой самостоятельное направление имплементации права Конвенции в национальную правовую систему.

Однако реализация конституционными судами решений Европейского суда не может осуществляться

"автоматически" или "сама собой" и, соответственно, нуждается в наличии действенного механизма, характеризующего последовательное воплощение указанными национальными органами права Конвенции в общественно-государственную жизнь и тем самым демонстрирующего их способность к участию в данном процессе. Благодаря анализу такого механизма можно охватить весь процесс соответствующей реализации, представить его в системно-динамическом виде, в частности: раскрыть структуру, взаимосвязи и взаимодействие элементов данного механизма; выявить роль социальной среды при осуществлении той или иной формы реализации права. Отметим, что изучение механизма важно как для структурного описания системы, так и для уяснения функциональной специфики различных частей и элементов системы.

Как отмечает В.О. Лучин, механизм реализации норм указывает на упорядоченность, структуру и включает в себя разнообразные общесоциальные и юридические факторы, формы, способы, условия и гарантии осуществления права <1>. По мнению В.В. Лазарева, многоаспектный анализ реализации права позволяет представить ее в качестве определенного механизма, в котором наибольший интерес вызывают методы обеспечения данного процесса и те формы, в которых он протекает <2>. В.А. Сапун рассматривает механизм реализации права в качестве определенной подсистемы механизма правового регулирования, блока регулятивных и охранительных правовых средств различного уровня, при помощи которых объективное и субъективное право претворяются в жизнь, воплощаются в фактическом поведении субъектов <3>.

<1> См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. М., 2002. С. 63.

<2> См.: Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 8, 9.

<3> См.: Сапун В.А. Механизм реализации советского права // Правоведение. 1988. N 1. С. 6.

Т.Ю. Фалькина под механизмом реализации права понимает необходимый и достаточный для достижения конкретной юридической цели (или системы целей) комплекс юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно по определенной, нормативно заданной схеме (процедуре). При этом, по мнению автора, механизм составляет система средств как нормативного, так и правореализационного характера, включающая следующие элементы: 1) связанные с деятельностью самого субъекта права; 2) связанные с государственно-властной деятельностью; 3) определяющие юридический порядок реализации субъективного права и юридической обязанности; 4) характеризующие уровень правосознания и правовой культуры субъекта права. Согласованность данных компонентов механизма реализации права позволяет представить их в работающем системном виде, что в конечном счете выражает результативность осуществления права в обществе <1>.

<1> См.: Фалькина Т.Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 7.

Также различными исследователями описываются стадии механизма реализации права. Например, А.В. Осипов отмечает, что первоначальным этапом будет юридический факт, который может быть событием или действием. С его наступления осуществление нормы переходит в следующую стадию: у субъектов возникают права и обязанности в рамках правоотношений. Заключительной стадией будет фактическое поведение субъектов, реализующих правоотношения, то есть права и обязанности <1>. По мнению Н.В. Витрука, реализацию норм права можно представить в качестве процесса, состоящего из последовательно сменяющих друг друга стадий: восприятие информации о нормах закона; борьба мотивов субъектов права относительно реализации требований норм; реализация индивидуальных (субъективных) прав и обязанностей субъектами правоотношений; наступление конкретного результата реализации требований норм <2>.

<1> См.: Осипов А.В. Структура норм социалистического права и их реализация // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1986. N 7. С. 78.

<2> См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. 2-е изд. М., 2005. С. 130.

В связи с этим под механизмом реализации конституционными судами решений Европейского суда оправданно понимать систему последовательно взаимодействующих элементов и стадий выполнения требований, вытекающих из права Конвенции, в рамках деятельности органов конституционного

правосудия. При этом механизм реализации решений Европейского суда позволяет исследовать как процесс соответствующей деятельности, так и его результат, отражая все особенности и противоречия, существующие в рамках такого механизма.

Такой механизм реализации имеет определенные особенности, влияющие на основания, элементы и стадии его функционирования, а также характер их взаимодействия между собой, условия и последствия его работы.

Во-первых, эта специфика обусловлена осложнением данного механизма международно-правовым аспектом, присутствие которого позволяет конституционным судам совершать акты и действия по реализации решений Европейского суда по своему усмотрению; в частности, органы конституционного контроля самостоятельно определяют формы и способы участия в выполнении требований, вытекающих из права Конвенции. В связи с этим важную роль в рамках рассматриваемого механизма играет институт саморегулирования данными внутригосударственными органами своей активности.

Во-вторых, поскольку субъектом реализации является орган конституционного правосудия, всегда идет речь о государственно-властной деятельности, в связи с чем акты реализации решений Европейского суда непосредственно порождают юридические права и обязанности для участников внутригосударственных правоотношений и обеспечиваются государственным контролем и юридической ответственностью.

Механизм реализации решений Европейского суда конституционными судами имеет юридическое и фактическое основание своего действия. Юридическое основание механизма реализации составляют требования, вытекающие из права Конвенции, включающего нормы Конвенции и решение Европейского суда, которым установлено нарушение конкретной нормы Конвенции. При этом фактическое основание механизма состоит из предусмотренных решениями Европейского суда обстоятельств, с наступлением которых связано возникновение правовых последствий. Также фактическое основание механизма включает в себя собственно акты реализации национальных органов, являющиеся средством перевода правовых возможностей в реальную общественную практику.

В свою очередь, процесс реализации решений Европейского суда, направленный на достижение определенных целей, вытекающих из права Конвенции, состоит из сменяющих друг друга стадий, разграничение которых имеет условный характер, поскольку некоторые из них можно объединить или придать им более конкретное выражение.

1. Восприятие Конвенции и практики Европейского суда, выражающее целостное отношение конституционного суда к праву Конвенции, определяемое историей их взаимоотношений, особенностями конституционно-правовой системы, что может быть выражено при формулировании судами позиций, определяющих значение права Конвенции для национальной правовой системы.

2. Восприятие конституционным судом информации о решениях Европейского суда в рамках рассмотрения и разрешения конкретного дела. При этом речь идет как о делах, когда обращение к праву Конвенции прямо вызвано обстоятельствами рассматриваемого дела (например, в отношении заявителя имеется решение Европейского суда; заявитель указывает на нарушение своих прав, гарантированных Конвенцией), так и о делах, из которых прямо не вытекает необходимость обращения к праву Конвенции, в связи с чем требуется правовая квалификация обстоятельств дела, то есть установление того, подпадают ли они под действие права Конвенции (если да, то каких именно ее нормативных элементов). На данном этапе орган конституционного правосудия решает вопрос о привлечении решений Европейского суда для разрешения дела и, соответственно, определяет потребность, интерес и цель выбора варианта поведения для своего участия в процессе выполнения обязательств в рамках Конвенции. Как правило, в свете обозначенных процессов протекает борьба мотивов и решается вопрос о целесообразности обращения к праву Конвенции, например при противоречии вывода Европейского суда сложившейся внутригосударственной правовой практике.

3. Определение всего набора как правовых, так и неправовых средств, которые целесообразно использовать в процессе реализации решений Европейского суда для целей конкретного дела. В рамках данной стадии происходит точное уяснение и определение конституционным судом правовых оснований, объема и конкретного содержания использования тех или иных нормативных элементов права Конвенции при разрешении дела, пределов их использования, а также выявление конкретного результата, к которому суд должен стремиться. Тем самым осуществляется непосредственное совершение действий, связанных с реализацией решений Европейского суда.

4. Наступление результата реализации решений Европейского суда, благодаря чему можно судить о последовательной или непоследовательной, надлежащей или ненадлежащей реализации решений суда,

практическом достижении поставленной цели и социальной полезности полученных результатов. Соответствующие характеристики претворения требований, вытекающих из права Конвенции, в жизнь в конечном счете определяют эффективность данного процесса и при этом свидетельствуют о действенности механизма реализации решений Европейского суда в рамках конституционно-судебной деятельности.

Вместе с тем представляется, что эффективная реализация решений Европейского суда связана, прежде всего, с разрешением спора на основе согласования собственных выводов с этими решениями в целях достижения совместимости или по крайней мере разумного компромисса и является важным качественным параметром их надлежащей реализации. Надлежащая реализация решений Европейского суда может исчерпываться только их корректным применением, т.е. комплексным учетом всех элементов его судебной практики применительно к конкретному делу, что, соответственно, не гарантирует эффективного выполнения требований права Конвенции в рамках конституционно-судебной деятельности. Одновременно ненадлежащая реализация решений Европейского суда имеет место в случае их некорректного применения: при обращении к правовой позиции Европейского суда, не подлежащей применению; игнорирования его правовой позиции, имеющей значение для конкретного дела; искажения смысла положений Конвенции, выявленного Европейским судом.

Тем самым для надлежащей реализации решений Европейского суда может быть вполне достаточно оценки конституционным судом возникшего конституционно-правового вопроса и спора на основе комплексного развернутого аргументированного анализа всех элементов практики Европейского суда, относящихся к рассматриваемому делу. При этом итоговый вывод конституционного суда вполне может не согласовываться с позициями Европейского суда, сформированными им при разрешении аналогичных вопросов, однако в этом случае в решении конституционного суда следует указывать на мотивы непринятия таких позиций.

В дополнение к сказанному обозначим выводы Н.В. Витрука, в которых справедливо дается характеристика надлежащей реализации решений Европейского суда: "Органы публичной власти, должностные лица, разрешая дела в рамках своей компетенции, могут и должны учитывать конвенционально-правовые позиции Европейского суда в интересах сохранения престижа и авторитета Российской Федерации как демократического правового государства, уважающего и соблюдающего общепризнанные принципы и нормы международного права. Однако следует исключить автоматическое бездумное и формальное исполнение решений Европейского суда по конкретным делам. Дела, рассмотренные Европейским судом в координатах национально-правовых систем, являются индивидуальными с точки зрения фактических обстоятельств дела, в условиях действия иерархии конституции и иных источников (форм) национального права, места и роли принципов и норм международного права в национальной правовой системе. К сожалению, Европейский суд не всегда может учесть особенности рассматриваемых дел в полном объеме. В этих случаях требуется большая аналитическая работа в целях исправления национальной правовой ситуации, признанной Европейским судом как нарушение Конвенции. Реальный учет национальными судами конвенционально-правовых позиций Европейского суда при пересмотре ранее вынесенных решений - ответственная и сложная задача, которую необходимо решать, прежде всего, с позиций допустимости использования конвенционально-правовых позиций в целях наиболее эффективного исполнения решений Европейского суда. При учете и непосредственном применении конвенционально-правовых позиций Европейского суда следует учитывать время принятия решений, возможность развития, конкретизации, наполнения их новым смыслом и даже изменения. Как бы ни был высок авторитет Европейского суда, может встать вопрос о качестве его решений по конкретному делу. Конституционные суды государств - участников Конвенции в разрешении конкретных дел в рамках своей компетенции должны учитывать решения и содержащиеся в них конвенционально-правовые позиции Европейского суда" <1>.

<1> См.: Витрук Н.В. Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. N 11. С. 41 - 45.

Таким образом, приведенные качественные параметры обращения к актам Европейского суда, связанные с комплексным учетом и оценкой всех элементов права Конвенции применительно к обстоятельствам конкретного дела, которое может приводить к выводам, как совместимым, так и несовместимым с выводами Европейского суда, представляются наиболее компромиссным способом

реализации его решений в рамках конституционно-судебной деятельности.

Также важно отметить, что механизм реализации решений Европейского суда конституционными судами состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих на каждой стадии элементов, которые следует классифицировать на две группы.

Первую группу составляют элементы, отражающие субъективную, внутреннюю сторону механизма реализации решений Европейского суда, что показывает отношение правореализующего субъекта к своим действиям, при этом фактическим итогом которого является поведение указанного субъекта. К таким элементам относится характер и степень восприятия и заинтересованности конституционных судов в выполнении требований права Конвенции в целом, а также их согласие с решением или отдельным выводом Европейского суда в каждом конкретном случае. Кроме того, речь идет о факторах, оказывающих влияние на отношение конституционных судов к праву Конвенции и готовность участвовать в реализации решений Европейского суда, благодаря которым происходит фактический выбор судами объема и содержания нормативных установок, определенных правом Конвенции, форм и способов реализации решений Европейского суда.

Вторая группа элементов выражает объективную, внешнюю сторону механизма реализации решений Европейского суда, что демонстрирует участие конституционных судов в воплощении требований права Конвенции. В связи с этим первостепенное значение имеет практика конституционных судов, складывающаяся в конкретных государствах - участниках Конвенции, связанная с реализацией решений Европейского суда. Кроме того, в данном случае не менее важным элементом является порядок реализации решений Европейского суда в деятельности органов конституционного правосудия, включающий следующие составляющие:

- решения Европейского суда как объекты конституционно-судебной деятельности в рамках выполнения требований права Конвенции, выражающие собой то, ради чего существует и функционирует данный механизм;

- процессуально-процедурные аспекты реализации решений Европейского суда, включая формы, способы и правовые возможности участия органов конституционного контроля в процессе реализации указанных решений.

Представляется важным подробное исследование обозначенных элементов механизма реализации решений Европейского суда, выражающих объективированные действия конституционных судов, направленные на выполнение требований права Конвенции, чтобы определить реальное значение конституционного правосудия для этого процесса в государствах - участниках Конвенции.

I. Решения Европейского суда по правам человека как объекты деятельности органов конституционного правосудия.

При участии органов конституционного правосудия в выполнении обязательств в рамках Конвенции в качестве важнейшего объекта их деятельности выступают решения Европейского суда. При этом, исходя из практики конституционных судов, фактическим (непосредственным) объектом соответствующей деятельности, как правило, является не решение Европейского суда в целом, а его отдельные части (элементы), имеющие самостоятельное значение для разрешения дела.

Как следует из ст. 32 Конвенции, судебный акт Европейского суда не только констатирует наличие или отсутствие факта нарушения государством прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней, и назначает денежную компенсацию, но и определяет посредством толкования смысл и содержание Конвенции. Тем самым Европейский суд реализует "двуединую функцию по контролю за соблюдением положений Конвенции посредством установления наличия или отсутствия их нарушения государствами-участниками (правоприменительная функция), с одной стороны, и по толкованию положений Конвенции в рамках каждого конкретного дела (функция толкования) - с другой" <1>.

<1> Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека и осуществление конституционного контроля (в свете практики Конституционного Суда РФ) // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 198.

Поскольку посредством толкования положений Конвенции Европейский суд определяет адекватный и правильный с точки зрения Конвенции вариант понимания ее смысла и содержания, а также обеспечивается ее единообразное и эффективное применение, данная функция представляет особый интерес для настоящего исследования.

Толкование имеет значение для процесса функционирования права, поскольку с его помощью уточняются конкретные элементы и обстоятельства, необходимые для правоприменительной деятельности, в частности основная цель принятия нормативного правового акта, последствия его применения, место в системе законодательства, характер его взаимосвязей с другими актами. И.И. Лукашук указывает, что толкование имеет определяющее значение для понимания смысла и содержания любого международного договора, особенно в процессе глобализации. При помощи толкования осуществляется универсализация правовых стандартов в области прав человека, обеспечивается единообразие в определении содержания и объема общепризнанных прав и свобод человека <1>. При этом в литературе принято выделять термин "конвенционное истолкование", которое во многом выводится по аналогии с выработанным в теории национального конституционного правосудия понятием "конституционное истолкование", однако данные понятия не являются полностью тождественными понятию "толкование права" <2>.

<1> См.: Лукашук И.И., Лукашук О.И. Толкование норм международного права. М., 2002. С. 15, 16.

<2> См.: Бондарь Н.С. Указ. соч.

По мнению В.А. Туманова, аксиомой стало правило, согласно которому нормы Конвенции действуют в том виде, как они истолкованы Европейским судом. При этом именно толкование Конвенции представляет собой единственный и эффективный инструмент правотворческой деятельности суда, позволяющий этому документу оставаться одним из наиболее эффективных механизмов защиты прав человека, несмотря на то что Конвенция была разработана и принята более полувека назад <1>.

<1> См.: Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 89; Он же. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. N 3. С. 78.

При этом результатом толкования Европейским судом Конвенции выступают позиции суда по правовым вопросам, имеющие определяющее значение для применения общих, абстрактных норм Конвенции применительно к конкретным ситуациям. Как отмечает Н.В. Витрук, решения Европейского суда следует рассматривать не только как правоприменительный акт, констатирующий факт нарушения Конвенции, но и как содержащиеся в них правовые позиции, на основе которых были вынесены соответствующие решения <1>.

<1> См.: Витрук Н.В. О юридической силе решений Европейского суда по правам человека // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 237.

Правовые позиции, именуемые в некоторых исследованиях правовыми стандартами <1>, являются важнейшим элементом решения Европейского суда. В одном решении суда могут содержаться как одна, так и несколько правовых позиций. При этом они формулируются только в мотивировочной части решения суда, именуемой "Вопросы права", поскольку резолютивная часть решения содержит исключительно выводы о наличии либо отсутствии нарушения Конвенции и присуждении справедливой компенсации.

<1> См., например: Алисиевич Е.А. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Собственно категория "правовые позиции" используется отечественными и многими зарубежными исследователями применительно к деятельности Европейского суда по аналогии с правовыми позициями, характеризующими структурную часть решений конституционных судов <1>. При этом существенные характеристики правовых позиций этих судов имеют схожий характер (см. § третий главы 1). В свою очередь, указанная категория практически не встречается в практике Европейского суда, вместо этого можно встретить такие формулировки, как "суд напоминает, что он всегда..." или "в своей сложившейся практике суд...".

<1> См.: Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. N 3. С. 95 - 101; Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. N 3. С. 81; Маунц Т. Государственное право Германии (ФРГ и ГДР). М., 1959. С. 377; Исаев М.А. Основы конституционного строя Норвегии. М., 2001. С. 156.

Значение правовых позиций Европейского суда как результата толкования Конвенции применительно к обстоятельствам конкретного дела обусловлено тем, что они позволяют раскрыть смысл и содержание Конвенции в целом, а также отдельных прав и свобод человека, гарантированных Конвенцией, тем самым являясь основанием формулирования итогового вывода для данного конкретного дела. В связи с этим ими выражается отношение Европейского суда к определенной правовой проблеме, возникшей в связи с рассмотрением фактических обстоятельств поданной жалобы.

За более чем полвека функционирования в рамках судебного механизма защиты прав человека, основанного на Конвенции, был сформирован огромный массив соответствующих правовых позиций, что способствовало повышению осознания того, как следует понимать то или иное положение Конвенции в целях ориентации на европейские конституционные ценности.

Правовые позиции Европейского суда находятся в состоянии постоянной трансформации и уточнения под воздействием меняющихся условий развития и приоритетов современного общества. Нередко в процессе толкования Конвенции Европейский суд "придает по необходимости сжатым формулировкам Конвенции развернутый характер, предлагает их последовательно эволюционирующую расширительную трактовку, учитывающую новые потребности общества и тенденции государственно-правового строительства, превалирующие в большинстве государств - членов Совета Европы" <1>.

<1> Метлова И.С. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 60.

Одновременно процесс развития правовых позиций суда характеризуется определенной устойчивостью и повторяемостью в случае, если речь идет об аналогичных делах. В этом смысле, как отмечает Г.А. Гаджиев, правовая позиция Европейского суда представляет собой однажды обнаруженное универсальное правовое решение, которое оказывается применимым для разрешения группы однородных дел <1>. Тем самым важным свойством правовых позиций Европейского суда является многократность повторения Европейским судом однажды высказанной позиции применительно к пониманию и толкованию Конвенции в процессе рассмотрения жалоб на нарушение конвенционных прав и свобод.

<1> См.: Гаджиев Г.А. Влияние юриспруденции Европейского суда по правам человека на судебную практику Конституционного Суда Российской Федерации // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры Германии и России. Материалы 5-й встречи (Баден-Баден, 14 - 17 января 2003 г.). М., 2003. С. 28, 29.

Таким образом, под правовыми позициями Европейского суда понимаются общие концептуальные выводы, содержащиеся в мотивировочной части решения суда, являющиеся результатом толкования Конвенции в процессе рассмотрения жалоб на нарушение гарантированных ею прав и свобод, направленные на определение смысла и содержания положений Конвенции, при этом ориентированные на многократное применение и имеющие устойчивый характер.

Обращает на себя внимание вопрос о юридической обязательности решений Европейского суда в части толкования Конвенции и дискуссия об уравнивании решений Европейского суда с прецедентами, а права, создаваемого судом, - с прецедентным правом. Так, П.А. Лаптев говорит не о решениях, а "о прецедентах Европейского суда по правам человека" <1>. Как отмечает В.А. Туманов, давний доктринальный спор о том, является ли судебная практика источником права в отношении судебной практики Европейского суда, решается однозначно позитивно, ее правотворческая роль не отрицается <2>.

<1> Лаптев П.А. Прецеденты Европейского суда по правам человека и российская судебная практика // Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции

Российской Федерации. Избранные права. М., 2002. С. 43, 44.

<2> См.: Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 48.

Как указывает Л. Вильдхабер, категория "судебный прецедент" происходит из англосаксонской правовой доктрины, согласно которой каждый суд обязан применять к обстоятельствам рассматриваемого дела часть судебного решения ("ratio decidendi") вышестоящего суда, который, в свою очередь, связан собственными предыдущими решениями <1>. А.Б. Венгеров отмечает, что в некоторых правовых системах существует механизм, который может превращать решения судебных органов высокого уровня в судебный прецедент, то есть в соответствующую норму права, которой надо следовать так же, как закону. Возникает прецедентное право наряду с правом статутным <2>. Соответственно, под судебным прецедентом понимается решения определенных судебных органов, в содержании которых предусмотрены нормативные установки, то есть общеобязательные правила поведения, обеспечиваемые принудительной силой государства, которые не подлежат изменению при формировании выводов в процессе рассмотрения аналогичных дел. В связи с этим судебный прецедент рассматривается в качестве важного источника национального правового регулирования.

<1> См.: Вильдхабер Л. Роль и значение прецедента в деятельности Европейского суда по правам человека // Право и политика. 2001. N 8. С. 102 - 109.

<2> См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998. С. 418.

В свою очередь, отождествление решений Европейского суда с судебным прецедентом во многом связано с указанием на нормативно-обязывающий характер правовых позиций, содержащихся в решениях суда, хотя требования ст. 46 Конвенции об обязательности решений Европейского суда в части толкования Конвенции распространяются только на государства - ответчиков по делу. Так, Н.С. Бондарь, подчеркивая обязывающее значение решений Европейского суда, отмечает, что оно как бы раздваивается: по конкретным спорам оно распространяется по общему правилу на государства - участников Конвенции, которые являлись стороной в споре; для иных государств (не участвовавших в деле) решения Европейского суда обязательны лишь в части содержащегося в них официального (нормативного) толкования положений Конвенции, приобретающих значение правовых позиций Европейского суда <1>.

<1> См.: Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. N 6. С. 113, 114.

При этом И.С. Метлова отмечает, что, применяя и толкуя Конвенцию в рамках конкретного дела, по конкретным обстоятельствам и по конкретной индивидуальной жалобе, Суд создает некие нормативные установки в виде своих правовых позиций (правоположений, правовых принципов, правовых стандартов). Следовательно, нормативный характер этих установок подразумевает их распространение не только на конкретный, ставший предметом рассмотрения в Европейском суде случай, но и на все аналогичные случаи, имеющие место в правовой практике <1>.

<1> См.: Метлова И.С. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 45.

Полагаем оправданным, оценивая нормативно обязывающее значение решений Европейского суда, исходить, прежде всего, из того, что они представляют собой акты международного судебного органа, и, соответственно, принимать во внимание восприятие и оценку прецедентно обязывающей природы решений Европейского суда, как на уровне самого суда, так и на уровне государств - участников Конвенции.

В своих решениях Европейский суд, ссылаясь на ранее принятые им судебные акты, использует словосочетание "the case law", что в переводе означает "прецедентное право", а также понятие "jurisprudence", которое переводится как "судебная практика".

Практика Европейского суда свидетельствует о его неоднозначном отношении к нормативно обязывающей силе собственных решений. В частности, в результате рассмотрения жалоб по аналогичным делам Европейский суд в решениях многократно воспроизводит выраженные им ранее позиции и

руководствуется ими, тем самым оценивая свою практику как прецедентную в интересах законной определенности, прогнозируемости и равенства перед законом <1>. Однако в некоторых случаях Европейский суд не исключает возможность пересмотра ранее сформулированной им позиции при существенном изменении юридически значимых для понимания и оценки сути конкретного дела политических, экономических, социальных и культурных обстоятельств <2>. В связи с этим применительно к юрисдикции Европейского суда В.А. Туманов говорит об относительной (в отличие от английского правила прецедента) связанности суда при рассмотрении дел его предшествующими решениями и сложившимися правовыми позициями <3>.

<1> См., например: ЕСПЧ. "Уэйт и Кеннеди против Германии", 18 февраля 1999 г.; "Колоцца против Италии", 12 февраля 1985 г.

<2> ЕСПЧ. "Чепмен против Соединенного Королевства", 18 января 2001 г.; "Мюррей против Соединенного Королевства", 8 февраля 1996 г.

<3> См.: Ершов В.В. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации. М., 2006. С. 149, 150.

Поэтому на наднациональном уровне нет единого, господствующего подхода к тому, что представляет собой решение Европейского суда как источник прецедентного права. Л. Вильдхабер, в целом характеризуя подход к категории "прецедент" внутри суда, отмечает, что расходятся мнения о том, что же собственно является прецедентом: можно ли опираться на одно дело в качестве прецедента; либо это должна быть серия дел; либо - прецедентное право в целом, являющееся обычным правом? Как можно выделить и найти *ratio decidendi*? Являются ли сущностью прецедента явные обобщения либо упор должен быть сделан на конкретные факты по каждому делу? Мнения также расходятся по вопросу о том, должен ли прецедент иметь приоритет всегда, или регулярно, или обычно, или в исключительных случаях <1>.

<1> См.: Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском суде по правам человека // Государство и право. 2001. N 12. С. 7.

Из изложенного следует однозначный вывод о том, что решения Европейского суда благодаря наличию в содержании правовых позиций воспринимаются как акты, имеющие относительно обязывающий характер для последующей практики суда, что гармонично выражает собой ее обязательный и в то же время гибкий характер, допускающий возможность ее изменения.

Прецедентно обязывающая природа решений Европейского суда по-разному воспринимается и оценивается собственно основными субъектами реализации этих решений - государствами. Для государства - участника Конвенции характерно два варианта восприятия обязывающего значения решений Европейского суда.

С одной стороны, государствам может быть свойственно отношение к решению Европейского суда как к источникам правового регулирования, имеющим прецедентно обязывающее значение и подлежащим обязательному исполнению.

С другой стороны, наиболее распространенным вариантом является отношение к решениям Европейского суда и содержащимся в них правовым позициям как к актам, подлежащим учету в национальной правовой системе: судебные акты воспринимаются как ориентир развития для национальных институтов, призванных защищать и гарантировать права человека. При этом государства самостоятельно решают вопрос относительно механизмов обеспечения реализации решений суда, и в ряде случаев надлежащие правовые гарантии могут отсутствовать. Как правило, они демонстрируют готовность корректировать свою правовую практику с учетом решений Европейского суда для прекращения нарушений Конвенции и предупреждения повторных нарушений.

Кроме того, обращает на себя внимание то, что Европейский суд не создает новых норм, а применяет нормы Конвенции и толкует их, преодолевая пробелы и нередко снимая неопределенность в вопросах, которые касаются сути конвенционного права, но которые в Конвенции не получили прямого разрешения. Поэтому решения Европейского суда в большей степени напоминают "нормативно-интерпретационные установления" <1>.

<1> Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации / Под ред. О.И. Тиунова. М., 2005. С. 463.

Тем самым, учитывая, что решение Европейского суда не является судебным прецедентом в его классическом понимании, однако принимая во внимание изложенные характеристики данных решений, полагаем оправданным ассоциировать их с прецедентами толкования, известными современной доктрине <1>.

<1> См.: Спектор Е.И. Судебный прецедент как источник права // Журнал российского права. 2003. N 5. С. 95; Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998. С. 421; Пацация М.Ш. Европейский суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам // Законодательство и экономика. 2006. N 3. С. 70; Марченко М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Государство и право. 2006. N 8. С. 22, 23; Он же. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразии форм проявления // Журнал российского права. 2006. N 6. С. 14; Он же. Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. 2006. N 2. С. 19.

Представляется важным указать, что наряду с правовыми позициями результатом реализации Европейским судом своей функции по толкованию Конвенции, выраженной в мотивировочной части, является созданная им система автономных правовых понятий <1>.

<1> См.: Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. N 3. С. 78 - 81; Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 93 - 95.

Несмотря на то что автономные понятия соответствуют характеристикам правовых позиций и, как правило, оцениваются в качестве составной части последних, их принято рассматривать обособленно от правовых позиций. Такое обособление указанных понятий обусловлено их особым назначением, которое сводится к наделению автономным содержанием ряда понятий и категорий, используемых в практике Европейского суда, для целей разрешения группы дел с учетом подходов к пониманию тех или иных явлений, прежде всего, принятых в европейско-правовой доктрине. При этом определение содержания и объема соответствующих понятий в соответствии с целями Конвенции происходит независимо от национального юридического контекста государств - участников Конвенции, с тем чтобы придать им действительно "европейский" характер и подчеркнуть тем самым их применимость в отношении всех договаривающихся государств.

В целом автономные понятия являются результатом многолетней практики толкования Европейским судом терминов, содержащихся в Конвенции. В частности, Европейский суд сформулировал свое понимание понятия "суд" в контексте ст. 6.1 Конвенции, которое включает в себя суд в традиционном понимании как особый государственный орган, призванный вершить правосудие, который при этом отвечает следующим требованиям: независимость по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе; продолжительность мандата членов суда; гарантии судебной процедуры <1>. Под обвинением в смысле ст. 6 Конвенции Суд понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого <2>. Обладают собственным "европейским" содержанием другие понятия, в частности: "лишение собственности", "лишение свободы", "семейные отношения", "личная неприкосновенность".

<1> ЕСПЧ. "Гаутрин и другие против Франции", 20 мая 1998 г.

<2> ЕСПЧ. "Девеер против Бельгии", 27 февраля 1980 г.

Кроме того, немаловажный интерес представляют выводимые Европейским судом общие принципы права. Европейский суд применяет такие общие принципы права, как соразмерность и пропорциональность возможного ограничения основных прав, правовая определенность и другие, причем в такой интерпретации нормативного содержания этих принципов правового государства, которая является обычным для Европы.

Также следует обратить внимание на принципы толкования и применения Конвенции, разрабатываемые Европейским судом в своей практике, например принцип соблюдения баланса частных и

публичных интересов, принцип широких рамок свободы усмотрения государства. Выработка и уточнение содержания указанных принципов во многом позволяют совершенствовать организационные основы взаимоотношений между Европейским судом и национальными механизмами защиты прав человека.

Таким образом, проведенный анализ правовой природы решений Европейского суда, составляющих их правовых элементов позволяет заключить, что фактическим объектом деятельности органов конституционного правосудия при участии их в выполнении обязательств в рамках Конвенции являются анализируемые и применяемые данными судами правовые позиции Европейского суда. В качестве самостоятельных объектов указанной деятельности конституционных судов могут также рассматриваться автономные понятия, общие принципы права, принципы толкования и применения Конвенции, выводимые Европейским судом.

II. Формы и способы участия органов конституционного правосудия в процессе реализации решений Европейского суда по правам человека.

Для анализа рассматриваемого международно-правового аспекта деятельности конституционного правосудия, прежде всего, важно исследовать возможные правовые последствия судебных актов европейского правосудия для национальных правовых порядков, обуславливающие конкретные формы реагирования государств на нарушение Конвенции.

Как уже отмечалось, в соответствии со ст. 46.1 Конвенции и установленной практикой ее толкования Европейским судом является общепризнанным, что констатация Европейским судом одного или нескольких нарушений Конвенции налагает на государство - ответчика по делу обязательство положить конец нарушению и устранить его последствия в целях восстановления, насколько это возможно, ситуации, существовавшей до нарушения, а также влечет необходимость принятия действенных мер для предотвращения новых нарушений Конвенции, подобных нарушениям, выявленным решениями суда.

В связи с этим важной формой реализации решений Европейского суда в национальном праве является их исполнение, требующее обязательного осуществления субъектами правоотношений активных действий по воплощению в жизнь определенных требований, которые следуют из решений Европейского суда. Данная форма реализации решений суда характеризует реагирование государства на констатацию судом нарушения Конвенции.

Прежде всего государство-ответчик исполняет решения суда, принимая меры индивидуального характера, что предполагает обращение к национальным правовым механизмам, при помощи которых можно восстановить права и свободы, нарушение которых было зафиксировано Европейским судом. Например, в случае если решением Европейского суда будет признана не соответствующей Конвенции высылка того или иного лица с территории государства-ответчика, то исполнение его решения предполагает в том числе устранение допущенного нарушения, то есть обеспечение возвращения заявителя. Также принятие мер индивидуального характера может быть связано со снятием наложенной в нарушение Конвенции судимости и восстановлением неправомерно изъятых прав. Нередко исполнение решений Европейского суда в части принятия мер индивидуального характера предполагает необходимость пересмотра национальными судами окончательных решений по конкретным делам в связи с констатацией Европейским судом наличия определенных нарушений Конвенции. При этом в настоящее время наметилась тенденция к обеспечению во внутреннем праве необходимых юридических оснований для принятия эффективных мер по исправлению нарушений Конвенции, указанных в решениях Европейского суда. Например, во многих государствах - участниках Конвенции предусмотрена возможность пересмотра решений национальных судов, вступивших в законную силу, в целях устранения последствий нарушений, установленных Европейским судом <1>.

<1> См.: Лобов М. Решения Европейского суда по правам человека: правовые последствия для государств - членов Совета Европы // Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации: Избранные права. М., 2002. С. 24.

Другой формой исполнения решений Европейского суда является принятие государственными органами мер общего характера, которые преследуют цель предотвращения в будущем нарушений, подобных тем, которые были рассмотрены в конкретном деле. Именно их осуществление позволяет Конвенции выполнить свое важнейшее назначение - поддержание в государствах - участниках Конвенции единых минимальных стандартов в области основных прав и свобод человека, что обеспечивает восприятие Конвенции в качестве "конституционного инструмента европейского правового порядка, от которого зависит демократическая стабильность континента" <1>. Принятие указанных мер нередко связано с

необходимостью проведения законодательных реформ. Также принятие мер может потребовать изменения национальной правоприменительной и, в частности, судебной практики. Соответственно, важность мер общего характера состоит в том, что они, по определению, выходят за пределы данного конкретного дела и затрагивают широкий круг лиц, а их осуществление требует анализа причин, приведших к нарушению Конвенции, и поиска путей устранения этих причин.

<1> Заключительная декларация конференции министров юстиции государств - членов Совета Европы по случаю пятидесятилетия Конвенции (Рим, 3 - 4 ноября 2000 г.) // <<http://www.codices.coe.int>>.

Приведенные меры, как правило, следуют из мотивировочной части решения Европейского суда, которая содержит в себе правовую позицию о том, что явилось причиной нарушения Конвенции. В свою очередь, в этих решениях, как правило, прямо не уточняются те меры индивидуального или общего характера, которые государство-ответчик должно принять с тем, чтобы исполнить данное решение.

Обозначенные формы реализации решений Европейского суда в национальной практике характерны, прежде всего, для государств - участников Конвенции, которые явились стороной в деле.

В свою очередь, для иных государств, не участвовавших в деле, решения Европейского суда обязательны лишь в части приобретающих большое значение правовых позиций Европейского суда. В основе применения соответствующих правовых позиций лежит понимание того, что Конвенция в истолковании Европейского суда должна применяться единообразно во всех государствах-участниках и невозможно избирательно учитывать лишь часть решений из всего корпуса решений Европейского суда, а также желание исправить нарушения Конвенции, признанные таковыми в других государствах-участниках.

Так, относительно рассматриваемой проблемы Н.В. Витрук, справедливо задаваясь вопросом, должны ли учитывать практику Европейского суда по конкретным делам иные государства - участники Конвенции, в отношении которых Европейский суд по конкретным жалобам не фиксирует факт нарушения Конвенции, замечает следующее. Действие *ergo omnes* решений Европейского суда обращено не только к государству-ответчику, но и к иным государствам - участникам Конвенции, допускающим аналогичные нарушения Конвенции. Иные государства - участники Конвенции, самостоятельно обнаружившие аналогичные (одинаковые) нарушения Конвенции, в силу добросовестности исполнения принятых на себя международных обязательств могут и должны исправить законодательство, судебную и иную правоприменительную практику, не соответствующую Конвенции, творчески осмысливая и применяя конвенционально-правовые позиции Европейского суда <1>.

<1> См.: Витрук Н.В. Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. N 11. С. 41 - 45.

Тем самым в данном случае реализация решений Европейского суда может происходить посредством применения правовых позиций, содержащихся в мотивировочной части решения суда, в повседневной деятельности национальных органов.

В этой ситуации реализация решений Европейского суда происходит в форме соблюдения и использования правовых позиций, выработанных Европейским судом. При этом под соблюдением правовых позиций следует понимать деятельность, соответствующую и не противоречащую Конвенции и практике ее толкования. В свою очередь, использование правовых позиций представляет собой форму реализации решений Европейского суда, когда субъекты правоотношений совершают дозволенные действия в рамках реализации конвенционных обязательств, например ссылаются на позиции Европейского суда для аргументации итоговых выводов.

В рамках перечисленных форм реализации решений Европейского суда органы конституционного правосудия принимают участие в выполнении конвенционных обязательств, чему способствует принцип прямого действия права Конвенции.

С учетом изложенного формы участия конституционных судов в реализации решений Европейского суда, связанной с непосредственным выполнением вытекающих из них требований, полагаем возможным классифицировать следующим образом:

- 1) исполнение конкретного решения Европейского суда посредством участия в принятии мер индивидуального характера, например путем влияния на пересмотр решений национальных судов;
 - 2) исполнение конкретного решения Европейского суда посредством принятия мер общего характера,
-

например путем признания неконституционными положений национального акта при их несоответствии праву Конвенции;

3) соблюдение решений Европейского суда в части содержащихся в них правовых позиций, в частности путем истолкования национальных актов с учетом правовых позиций Европейского суда в целях избежания расхождения собственных выводов с правом Конвенции, не обращаясь прямо к указанным актам суда;

4) использование решений Европейского суда в части содержащихся в них правовых позиций путем обращения к ним:

- для непосредственного определения конституционности или неконституционности национальных актов;

- для выявления конституционно-правового смысла национального акта при его истолковании;

- для разъяснения смысла и значения конституционного текста в процессе толкования Конституции.

При этом для последних двух случаев характерно использование национальными судами права Конвенции в качестве дополнительной аргументации собственных выводов или для подстраховки своих правовых позиций, вырабатываемых на основе национальной конституции.

Практические действия конституционных судов не сводятся к одной из форм, чаще наблюдается их взаимодействие, однако каждая из них имеет самостоятельное значение.

Одновременно с этим конституционные суды оказывают влияние на выполнение требований, вытекающих из права Конвенции в целом, в национальном правопорядке. Так, указанные органы:

- определяют правовое значение Конвенции и решений (правовых позиций) Европейского суда для национального правопорядка; решают вопросы соотношения международных и национальных, в том числе конституционных, норм;

- интегрируют правовые позиции Европейского суда в национальное правовое поле и, соответственно, ориентируют иные органы на необходимость их непосредственного применения в рамках своей деятельности;

- имплементирует принципы и автономные понятия, выявленные решениями Европейского суда, в национальное право;

- содействуют созданию национального механизма соблюдения стандартов в области прав человека, выраженных в Конвенции и актах ее толкования Европейским судом, органами публичной власти, в частности при разрешении дел в процессе непосредственной защиты основных прав, а также путем определения ориентиров законодательного регулирования сферы защиты конвенционных прав при установлении их нарушения органами публичной власти.

Кроме того, как следует из практики, участвуя в выполнении обязательств по Конвенции, конституционные суды используют различные способы реализации решений Европейского суда.

Прежде всего, по критерию формального обращения к этим решениям такие способы можно классифицировать следующим образом.

1. Явное применение - обращение к нормам Конвенции в истолковании Европейского суда, но без ссылок на решения Европейского суда или учет Конвенции и решений Европейского суда в тексте своего решения. При этом, если право Конвенции используется в качестве критерия оценки конституционности национальных актов, ссылки на него могут содержаться не только в мотивировочной, но и в резолютивной части решения органа конституционного контроля.

2. Неявное применение - восприятие смысла толкования конкретных норм, принципов и институтов, заложенных в Конвенции и решениях Европейского суда, и аргументация с их помощью своих выводов без приведения конкретных ссылок на Конвенцию и (или) решения Европейского суда. В данном случае влияние права Конвенции на принятие решений конституционными судами происходит на уровне убеждений.

Также способы реализации следует классифицировать с учетом применения Конвенции и решений Европейского суда во взаимосвязи с конституционно-правовыми актами следующим образом: применение Конвенции в истолковании Европейского суда совместно с такими актами при их взаимосоответствии; приоритетное применение Конвенции и решений Европейского суда при их расхождении с конституционно-правовыми актами. Иногда возможно автономное применение права Конвенции, в частности, когда осуществление конституционного контроля происходит только через оценку соответствия национальных правовых актов Конвенции, а не конституции.

Обращает на себя особое внимание значение обозначенных форм и способов для механизма реализации решений Европейского суда органами конституционного правосудия. Во многом по выбранным

конституционными судами формам и способам реализации решений Европейского суда и их сочетанию можно судить о качественных характеристиках данного процесса в целом. В частности, речь идет о целях и задачах, преследуемых конституционными судами при привлечении права Конвенции для разрешения конкретного дела. Кроме того, их применение предопределяет эффективность участия судов в процессе выполнения обязательств в рамках Конвенции.

Рассмотрев возможные формы и способы участия конституционных судов в процессе принятия мер по выполнению требований судебных актов Европейского суда, важно обозначить формы конституционно-судебной деятельности и правовые возможности, с помощью которых конституционные суды осуществляют реализацию соответствующих решений.

Как правило, под влиянием конституционного правосудия практика Европейского суда оказывает значительное воздействие на национальные правовые порядки благодаря тому, что деятельность указанных органов направлена на решение двух задач, имеющих определяющее значение для их участия в процессе реализации решений Европейского суда в национальных правовых системах. Во-первых, речь идет об их способности обеспечивать иерархию правовых актов в национальном праве для поддержания верховенства конституции во всех его аспектах, в том числе при определении соотношения национального и международного права. Во-вторых, конституционные суды способны непосредственно осуществлять защиту основных прав, в том числе прав, гарантированных Конвенцией.

Сочетание данных направлений в конституционно-судебной деятельности обусловлено восприятием в большинстве государств - участников Конвенции европейской модели конституционного контроля, исторически основанной на строгом разграничении абстрактного контроля конституционности законов и других нормативных актов (нормоконтроль) и конкретного контроля конституционности индивидуальных актов компетентных органов в целях непосредственной защиты основных прав и свобод человека.

Специфика соответствующих форм конституционно-судебной деятельности проявляется, прежде всего, в содержании возможностей, свойственных каждой из этих форм. В частности, конституционный контроль, связанный с оценкой соответствия конституции нормативных правовых актов, решающий задачи обеспечения иерархического правового порядка, защиты нормативного единства системы права и обеспечения структурных и функциональных взаимосвязей в системе управления, принято характеризовать как абстрактный <1>. Так, Б. Зупанчич отмечает: "В традиционной кельзеновской системе нормативных актов в центре внимания находится конституция, которая воспринимается как вершина абстрактной и дедуктивной логической пирамиды, которой должны соответствовать все расположенные ниже нормативные правовые акты... имеет значение только абстрактное логическое соответствие нормативному акту более высокой юридической силы нормативного акта, более низкого по иерархии" <2>. При этом полномочие по проверке конституционности нормативных правовых актов, выражающее суть абстрактного контроля, тесно связано с другими возможностями конституционных судов по обеспечению верховенства конституции в системе источников национального права (толкование национальной конституции; выявление конституционно-правового смысла проверяемого нормативного акта; определение соотношения национального и международного права) <3>.

<1> См.: Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 11.

<2> Zupancic B. Constitutional law and the Jurisprudence of the European Court of Human Rights: An attempt at a Synthesis // German Law Journal. 2001. N 10; <www.germanlawjournal.com>.

<3> Сравнительное конституционное право / Под ред. В.Е. Чиркина. М., 2002. С. 107.

В связи с этим абстрактным контролем во многом обусловлено двойственное назначение органа конституционного правосудия как основного субъекта нормоконтроля в национальных правовых системах. Во-первых, как "негативный законодатель" конституционный суд, реализуя свое предназначение по обеспечению конституционного правосудия и гарантированию верховенства конституции в правовой системе, осуществляет специальные функции: признает законы и подзаконные правовые акты противоречащими конституции и тем самым исполняет свою обязанность по исключению неправомерных положений из правовой системы. Во-вторых, конституционный суд, выявляя содержание конституционного регулирования и конституционно-правовой смысл национальных правовых актов, формулирует специфические указания для субъектов правотворчества и ориентирует будущее развитие всей правовой системы в обозначенном направлении. В этом случае конституционные суды в определенном смысле вводят новое правовое регулирование, вследствие чего их именуют позитивными законодателями <1>.

<1> См.: Бирмонтене Т., Ярашюнас Э., Спруогис Э. Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2008. N 2-3. С. 105; Молотов А.В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 66; Solyom L. The Role of Constitutional Courts in the transition to Democracy // International sociology (Eotvos Lorand University). Budapest, 2003. N 18(1). P. 147.

В свою очередь, важнейшим полномочием, которое органы конституционного правосудия осуществляют в порядке конкретного контроля, традиционно принято считать проверку по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан конституционности действия (либо бездействия или отказа осуществить соответствующее действие) должностных лиц местного, регионального и федерального уровня. Тем самым конституционные суды осуществляют непосредственную защиту основных прав человека. Как отмечается исследователями, при конкретном контроле права и свободы человека являются доминирующим критерием, в соответствии с которым органы конституционного правосудия выносят свой вердикт <1>.

<1> См.: Николаева Т.А. Обращения граждан в органы конституционной юстиции Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 34.

С учетом разного функционального назначения обозначенных форм конституционно-судебной деятельности каждая из них позволяет конституционному суду решать различные задачи при участии в выполнении конвенционных обязательств. В частности, абстрактный контроль содействует решению вопросов соотношения национального права и права Конвенции, обеспечению сбалансированности национальных суверенных интересов и выполнения международных обязательств посредством толкования положений конституционно-правовых актов. В рамках абстрактного контроля правовое регулирование, содержащее пробелы в праве, подвергается критике в направлении соответствия обязательствам в области прав человека, давая рекомендацию субъекту правотворчества по его изменению. При этом институт конкретного контроля в практике конституционного суда позволяет говорить о функционировании в национальной правовой системе субсидиарного (дополнительного) механизма защиты основных прав, во многом аналогичного по характеру своей деятельности Европейскому суду, что нередко способствует предупреждению обращения в этот суд. Соответственно, несмотря на различие решаемых задач, обе формы конституционно-судебной деятельности одинаково важны для участия в выполнении конвенционных обязательств.

В свою очередь, принятое конституционно-правовой доктриной различие конкретного и абстрактного конституционного контроля имеет во многом условное значение в конкретных национальных практиках, имеющих собственные особенности организации конституционного правосудия, выраженные в присутствии элементов обеих форм конституционно-судебной деятельности в рамках каждой из них. В частности, при конкретном контроле конституционности зачастую предполагается проверка конституционности законодательного или иного нормативного правового акта по запросу судов, что в большей степени выражает цели нормоконтроля, чем осуществление непосредственной защиты основных прав человека; всегда возможна выработка правовых позиций, определяющих соотношение национального и международного права.

Поэтому для целей рассмотрения вопросов участия органов конституционного правосудия в выполнении требований права Конвенции имеет значение в первую очередь различие полномочий, реализуемых в рамках абстрактного и конкретного контроля и выражающих предназначение каждой их форм конституционно-судебной деятельности - осуществление нормоконтроля (включая связанные с ним полномочия) или непосредственная защита основных прав человека. Соответственно, для участия в реализации решений Европейского суда являются важными прежде всего следующие возможности конституционно-судебных органов: контроль законодательных и иных нормативных актов (вне связи или в связи с конкретным делом); толкование конституции (основного закона), а также разрешение жалоб индивидов на нарушение их основных прав и свобод актами правоприменения.

Следует добавить, что также право Конвенции может применяться конституционными судами в рамках осуществления иных полномочий, в частности: при разрешении конфликтов в сфере

избирательного права; при разрешении споров о компетенции; в процессе проверки конституционности деятельности политических партий (общественных объединений).

На фактический потенциал участия конституционных судов в реализации решений Европейского суда оказывают влияние особенности организации конституционного контроля на уровне конкретных конституционно-правовых систем. Для характера соответствующей деятельности органа конституционного правосудия в рамках национальной правовой системы имеет определенное значение, в качестве кого фактически выступает данный орган в большей степени - субъекта, осуществляющего контроль иерархии законодательных актов, или субъекта, непосредственно обеспечивающего защиту основных прав, в том числе гарантированных Конвенцией.

Отсюда вытекает проблема соблюдения необходимого баланса в реализации полномочий как в порядке абстрактного, так и конкретного конституционного контроля, в первую очередь связанного с рассмотрением конституционной жалобы. Известно, что в странах с европейской моделью конституционного контроля количественно преобладают те полномочия, которые конституционные суды осуществляют в порядке абстрактного контроля. В то же время роль, которую в их деятельности играет конкретный контроль, в настоящее время также велика.

Отметим, что для целей участия конституционных судов в процессе выполнения конвенционных обязательств наиболее оптимальным является сочетание абстрактного и конкретного конституционного контроля, направленного на непосредственную защиту основных прав. В этом случае справедливы слова В.Д. Зорькина о том, что наиболее последовательной и, следовательно, наиболее предпочтительной по своей полноте представляется та система конституционного правосудия, которая, наряду с запросами органов государственной власти, предполагает также право гражданина на конституционную жалобу. Тем не менее каждая страна вправе выбирать для себя конструкцию; так, например, во Франции и в некоторых других странах граждане не могут обращаться в органы конституционного правосудия <1>.

<1> См.: Зорькин В.Д. Заключительная речь на закрытии IX Ереванской международной конференции "Принцип верховенства права в практике конституционного правосудия" // Альманах: Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2004. С. 214.

Итак, сохраняя правильные пропорции между защитой прав граждан и защитой непротиворечивости правовой системы, органы конституционного правосудия имеют широкий спектр возможностей эффективного участия в процессе реализации решений Европейского суда с использованием существующих форм и способов такой деятельности, что подчеркивает их особую ценность для выполнения международных обязательств по Конвенции.

§ 2. Реализация решений Европейского суда по правам человека в процессе осуществления контроля конституционности законов и иных нормативных правовых актов

Исторически основным направлением деятельности органов конституционного правосудия государств - участников Конвенции является нормоконтроль, то есть проверка соответствия нижестоящего нормативного акта вышестоящему акту (конституции), и осуществление связанных с ним полномочий для обеспечения стабильности иерархии конституционно-правовых актов.

В связи с этим ценность соответствующих органов для взаимодействия национального (конституционного) права и права Конвенции проявляется, прежде всего, при решении общих вопросов соотношения национального (конституционного) и международного права, определении ими юридической силы Конвенции и решений Европейского суда, согласовании национальных нормативных правовых актов и Конвенции в истолковании Европейского суда.

Среди полномочий, позволяющих органам конституционного правосудия решать обозначенные задачи, представляется оправданным выделить специальные полномочия, из которых прямо следует их значение для взаимодействия национального права и права Конвенции, и иные полномочия.

К специальным правовым возможностям относятся полномочия конституционных судов проверять в порядке предварительного и последующего контроля конституционность международных договоров, а также определять, являются ли те или иные принципы и нормы международного права непосредственно действующей частью национального права. Наделение органов судебного конституционного контроля соответствующими полномочиями предопределяет возможность их прямого участия в решении вопросов

реализации международных договорных обязательств в национальном правовом порядке. Например, используя процедуру предварительного контроля конституционности международных договоров, Конституционный Совет Франции решил, что Протокол N 6 к Конвенции, предусматривающий отмену смертной казни, не противоречит Конституции <1>.

<1> Решение Конституционного Совета Франции от 22 мая 1985 г. // http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959/1985Aes-decisions-de-1985.2559.html.

Кроме того, в законодательстве встречаются случаи, когда конституционные суды наделяются полномочиями оценки национальных правовых актов на предмет их соответствия международным нормам, например полномочиями по рассмотрению дел о нарушениях норм международного права (Австрия) или по предоставлению заключений о соответствии законов общепринятым нормам международного права и международным договорам (Венгрия, Болгария).

В рамках иных полномочий, из которых не следует значение конституционного правосудия для взаимодействия национального и международного права, конституционные суды имеют значительную свободу усмотрения при определении характера собственного участия в выполнении конвенционных обязательств.

Прежде всего, конституционные суды вырабатывают правовые позиции, определяющие подход к юридической силе Конвенции и решений Европейского суда, соотношению национального (конституционного) и международного права. Наиболее логичной такая практика выглядит при толковании конституционных положений, касающихся значения международного права для национального права; например, Конституционный Суд Португалии произвел толкование ст. 8 Конституции о международном праве, определив, что последнее обладает более высоким статусом, чем ординарный закон, но уступает Конституции <1>. В то же время соответствующие позиции могут формулироваться при осуществлении конституционным судом различных полномочий. В некоторых государствах такие позиции вырабатываются при контроле конституционности ненормативных актов органов публичной власти. Кроме того, непосредственно обеспечивая прямое действие решений Европейского суда во внутреннем праве, органы конституционного правосудия также содействуют разрешению обозначенных вопросов, используя выводы данного суда в качестве критерия проверки конституционности национального акта или промежуточного аргумента в деле.

<1> Цит. по: Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 124, 125.

В рамках полномочий по осуществлению нормоконтроля решается большинство задач, связанных с непосредственной реализацией конституционными судами решений Европейского суда. При этом обеспечение конституционными судами выполнения требований, вытекающих из решений Европейского суда, выражается в таких формах реализации судебных актов, как их исполнение, связанное с принятием мер в связи с решениями этого суда, вынесенными против соответствующего государства, а также использование и соблюдение его правовых позиций.

На особенности процесса участия конституционных судов в реализации решений Европейского суда в каждом конкретном государстве, как правило, влияют господствующий в национальном праве подход к соотношению международного и национального права, включая статус Конвенции, специфика организации и осуществления конституционного нормоконтроля, а также иные особенности конституционно-правовой системы, установленные национальным законодательством. Однако соответствующие факторы не оказывают решающего воздействия на характер деятельности данных органов, поскольку в конечном счете результат зависит от степени их собственной активности.

Представляется оправданным проиллюстрировать сказанное на примере деятельности конституционных судов отдельных государств Западной Европы, имеющих богатый опыт взаимодействия с судебным механизмом Конвенции.

В частности, в Австрии значительное влияние Конвенции и решений Европейского суда на правовую систему и на практику австрийского Конституционного Суда предопределяется особым подходом к месту Конвенции по отношению к другим международным актам в национальной правовой системе. Федеральной Конституцией <1> предусмотрено, что общепризнанные нормы международного права действуют в качестве составной части федерального права Австрии (ст. 9.1). В отношении Конвенции Австрия не только

приняла обязательства при ее ратификации (1958) <2>, но и инкорпорировала ее в австрийское конституционное право (1964) <3>, в связи с чем Конвенция имеет приоритет над противоречащими ей нормами национального права и обладает силой конституционного акта. Примечательно, что поправки к Конституции 1964 г., связанные с прояснением порядка выполнения международных договоров, были обусловлены решением Конституционного Суда, который отказался признать конституционный статус Конвенции, хотя именно такой статус предполагали для нее законодатели при ратификации этого договора. Конституционный Суд счел, что парламент не выполнил своей конституционной обязанности и не уточнил явным образом, что данный договор является "изменяющим Конституцию" - обязанности, действующей до сих пор при принятии конституционного законодательства (решение 1961 г. N 4049) <4>.

<1> См.: Конституция Австрии от 1 октября 1920 г. // Конституции государств Европы / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 1. С. 26 - 114.

<2> Австрия ратифицировала Конвенцию 3 сентября 1958 г.: <<http://www.evrosud.ru/ratifikaciya.htm>>.

<3> См.: Eberhard H., Lachmayer K. Constitutional Reform 2008 in Austria: Analysis and Perspectives // Vienna On-line Journal on International Constitutional Law. 2008. N 2. P. 114.

<4> Цит. по: Адамович Л. Выполнение международно-правовых обязательств. Дилеммы для национального конституционного права // <http://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/2.12-2001/Adamovich_rus.htm>.

Признание австрийским законодательством конституционного статуса Конвенции влечет необходимость применения этого акта и практики Европейского суда не только для того, чтобы участвовать в процессе выполнения международных договорных обязательств в целях обеспечения эффективной защиты прав, определенных Конвенцией, но в первую очередь для целей обеспечения принципа верховенства конституционных норм в национальной системе права.

Австрийским правом определены широкие возможности участия Конституционного Суда Австрии в обеспечении взаимодействия национального и международного права. В частности, Федеральной Конституцией закреплено полномочие Конституционного Суда по рассмотрению им дел о нарушениях норм международного права на основании положений специального федерального закона (ст. 145). Кроме того, Конституционный Суд вправе осуществлять контроль в отношении вступивших в силу для Австрии международных договоров (ст. 140а Федеральной Конституции).

При этом участие Конституционного Суда в реализации решений Европейского суда осуществляется преимущественно в процессе осуществления нормоконтроля (ст. 139 - 141 Федеральной Конституции), что является основным направлением его деятельности. В рамках этого важной задачей Конституционного Суда является обеспечение конституционности национальных норм путем контроля их соответствия не только Федеральной Конституции, но и Конвенции в истолковании Европейского суда, которая оценивается как легальный критерий конституционного контроля. Поэтому Конвенция нередко упоминается в резолютивной части решения Конституционного Суда. Например, Конституционный Суд объявил неконституционным положение Закона об исполнении наказаний, согласно которому работники тюрем могли осуществлять выборочный контроль переписки между заключенными и их адвокатами при отсутствии подозрений, обосновывающих такой контроль, поскольку это право не соответствует праву на уважение тайны корреспонденции, гарантированному ст. 8.1 Конвенции <1>.

<1> Решение Конституционного Суда Австрии от 2 декабря 1993 г. // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 52. Конституционный Суд РФ. М., 2006. С. 10.

Практика австрийского суда насчитывает немало примеров, направленных на обеспечение исполнения конкретных решений Европейского суда, вынесенных в отношении Австрии. Одним из наиболее ярких примеров является решение Конституционного Суда, принятое вследствие Постановления Европейского суда по делу "Гаигусуз против Австрии" <1>. В данном деле Европейский суд установил нарушение ст. 14 Конвенции в сочетании со ст. 1 Протокола N 1, которое состояло в дискриминации безработного турецкого гражданина, постоянно проживающего в Австрии, которому было отказано в выдаче срочного пособия по безработице, поскольку согласно закону пособие выплачивалось только австрийским гражданам. Австрийский парламент путем принятия нового закона устранил правовые основания дискриминации, но временно оставил в силе предыдущий закон еще на двухлетний период. При этом до истечения этого срока Конституционный Суд при рассмотрении подобного дела, руководствуясь

Постановлением Европейского суда, признал этот временно действующий акт дискриминационным и лишенным силы <2>.

<1> ЕСПЧ. "Гаигусуз против Австрии", 16 сентября 1996 г.

<2> См.: Резолюция Комитета министров Совета Европы ResDH(1998)372 от 12 ноября 1998 г. относительно решения Европейского суда от 16 сентября 1996 г. // <www.coe.int/T/CM/home>.

Интересно дело "Информационсферайн Лентиа и другие против Австрии" <1>, по которому Европейский суд констатировал нарушение ст. 10 Конвенции, касающейся свободы выражения мнения, отметив, что наибольшие ограничения на свободу слова налагает государственная монополия, сложившаяся в связи с деятельностью Австрийской радиовещательной корпорации (АРК), наделенной исключительными правами на осуществление вещания.

<1> ЕСПЧ. "Информационсферайн Лентиа и другие против Австрии", 24 ноября 1993 г.

При этом согласно решению Конституционного Суда Австрии от 16 декабря 1983 г., отклонившего аналогичную жалобу заявителей, конституционный закон о вещании установил систему, при которой деятельность по вещанию ставится в зависимость от выдачи разрешения федеральными органами законодательной власти, наделившими АРК данными правами, что предназначалось для обеспечения объективности и плюрализма мнений; система стала бы неэффективной, если бы каждый желающий мог получить необходимое разрешение. Тем не менее после решения Европейского суда в конституционный закон о вещании были внесены изменения в связи с новым постановлением Конституционного Суда, отменившим некоторые положения законодательства, ограничивающие возможности радиовещания в Австрии. В частности, им ограничено право АРК на национальное радиовещание и установлено, что выдача лицензий на частное вещание возлагается на новые региональные радиовещательные и радиотрансляционные органы <1>.

<1> См.: Обязательства государств - участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда. Серия "Международная защита прав человека". Вып. 5 / Под ред. Л.М. Чуркиной. Екатеринбург, 2005. С. 39.

В связи с рядом решений Европейского суда, связанных с вопросами применения ст. 8 и 14 Конвенции в отношении ответственности сексуальных меньшинств мужского пола, предусмотренной положением Уголовного кодекса Австрии, Конституционный Суд Австрии принял решение о признании указанной нормы неконституционной <1>.

<1> См., например: решение Конституционного Суда Австрии от 21 июня 2002 г. // <<http://www.vfgh.gv.at/cms/vfgh-site/entscheid.html?periode=old>>.

Под влиянием решений Европейского суда австрийское конституционное правосудие отступило от практики жесткого ограничения прав и свобод душевнобольных, страдающих умственными недостатками, в пользу более гибких решений, в том числе по вопросу о возможностях подачи ими жалобы в судебные органы <1>.

<1> Правовое положение лица, страдающего психическим расстройством, в процедуре помещения его в психиатрический стационар в современном международном и зарубежном праве и практике конституционного контроля // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 134. Конституционный Суд РФ. СПб., 2009. С. 17, 92.

Обращает на себя внимание то, что Конституционным Судом активно применяются автономные правовые понятия, выработанные практикой Европейского суда. Например, учитывая его решения, Конституционный Суд распространил гарантию собственности в том числе на определенные публично-правовые претензии и требования <1>.

<1> См.: Вагнер Б. Конституционная юрисдикция - основные права - защита права собственности в

В связи с этим австрийский Конституционный Суд придерживается правила следовать решениям Европейского суда и содержащимся в них правовым позициям, а также избегать коллизий национального права с правом Конвенции. Как отмечается многими исследователями, деятельность Конституционного Суда Австрии при проверке конституционности законов находится под значительным влиянием юриспруденции Европейского суда, что касается, прежде всего, сферы понимания пределов ограничений основных прав <1>.

<1> См.: Gamper A. Introduction to the Study of the Law of the Austrian Federal Constitution // International Constitutional Law Journal. Oxford. 2008. N 2(2). P. 108, 109; Lachmayer K., Fuchs C. The Right to a Fair Trial in the Case-Law of the Austrian Constitutional Court// International Constitutional Law Journal. Oxford. 2009. N 3(1). P. 2; Haller H. The Interplay between the Austrian Constitutional Court and the European Court of Human Rights // Material of Conference on the Interaction of National Courts with European Courts (Batumi, Georgia 6 - 7 November 2007): <<http://www.codices.coe.int>>; Адамович Л. Выполнение международно-правовых обязательств. Дилеммы для национального конституционного права // <<http://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/2.12-2001/Adamovichrus.htm>>.

Между тем изредка в практике взаимодействия соответствующих судов встречаются расхождения относительно толкования содержания основных прав и пределов их ограничений. Одним из наиболее сложных случаев в этом отношении является широкое толкование Европейским судом процессуальных гарантий справедливого судебного разбирательства, вытекающих из ст. 6 Конвенции (в частности, независимость и беспристрастность суда), которое не согласовывалось с австрийской практикой административного судопроизводства. Когда Австрия стала участником Конвенции, она толковала указанное положение ст. 6.1 Конвенции в том смысле, что им гарантируется решение судами всех вопросов гражданского и уголовного права, при этом сфера публичного (административного) права остается незатронутой.

Однако Европейский суд в своей практике стал придерживаться иного толкования. Так, согласно его позиции правоприменительные полномочия административных властей, например, в области административных взысканий или дисциплинарного производства должны быть переданы судам в смысле ст. 6 Конвенции. В своем решении Конституционный Суд отметил: "Приведение австрийского права в соответствие со ст. 6 Конвенции, как она сегодня толкуется и применяется страсбургскими органами, принудило бы Австрию пересмотреть свою правовую систему радикальным образом... Австрия, когда она стала участницей Конвенции, не могла бы согласиться на то, чтобы принять подобные последствия, и не могла предвидеть, что Европейский суд будет развивать такое широкое толкование "гражданских прав"... расширительное толкование указанного понятия Европейским судом должно рассматриваться как явное судебное правотворчество; правда, для этого могут быть разумные основания, но в настоящем случае подобное толкование возлагает на государства-участники обязательства, на принятие которых у них не было намерения или согласия" (решение от 14 августа 1987 г.) <1>.

<1> Цит. по: Гусейнов Л. Особенности толкования международных договоров о правах человека // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. N 2; <http://www.evolution.info/index.php?option=com_content&task=view&id=284&Itemid=50>.

Впоследствии в рамках конституционно-судебной деятельности постепенно предпринимались действия, чтобы следовать динамическому толкованию ст. 6 Конвенции. В частности, в результате решения Европейского суда, в котором он отказался учитывать сделанную Австрией оговорку о том, что положения ст. 6 Конвенции должны применяться постольку, поскольку данное применение не наносит ущерба принципам устного и гласного судебного разбирательства гражданских и уголовных дел, предусмотренных ст. 90 федеральной Конституции <1>, Конституционный Суд заявил, что признание недействительности сделанной Австрией оговорки предполагает необходимость соблюдения всех принципов публичного слушания также и в административном процессе <2>.

<1> ЕСПЧ. "Эйзенштекен против Австрии", 3 октября 2000 г.

<2> См.: Haller H. The Interplay between the Austrian Constitutional Court and the European Court of

Таким образом, участие Конституционного Суда Австрии в реализации решений Европейского суда при осуществлении конституционного контроля происходит, как правило, через обеспечение соответствия национального права Конвенции в истолковании Европейского суда, в том числе путем изменения толкования национальных правовых актов. При этом Конституционный Суд, как правило, воспринимает европейское правосудие в качестве наиболее эффективного инструмента защиты основных прав, признавая правовые позиции Европейского суда даже в тех случаях, когда последний корректирует его собственные выводы.

Между тем в национальной правовой практике все же сохраняется неопределенность значения Конвенции как конституционного акта в случае, когда идет речь о практике ее толкования Европейским судом. Поэтому является неясным, как Конституционным Судом должен быть обеспечен баланс интересов между разными уровнями защиты основных прав, например при явном несоответствии решений Европейского суда национальным конституционно-правовым традициям и ценностям, например, в случае решения Европейского суда по делу "Карнер против Австрии" <1>.

<1> ЕСПЧ. "Карнер против Австрии", 24 июля 2003; Lachmayer K. Focus: Same-sex partnership and marriages // <<http://www.internationalconstitutionallaw.net/index.php?id=146,658,0,0,1,0,0>>.

Интересен пример участия органа конституционного правосудия Испании в выполнении конвенционных обязательств, характер которого во многом предопределяется Конституцией Испании. Согласно Конституции заключенные в соответствии с законом и официально опубликованные в Испании международные договоры составляют часть ее внутреннего права (ст. 96.1); заключению международного договора, содержащего положения, противоречащие Конституции, должен предшествовать предварительный пересмотр Конституции (ст. 95). При этом в соответствии со ст. 10.2 Конституции нормы об основных правах и свободах, признаваемых Конституцией, должны рассматриваться в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, международными договорами и соглашениями, участником которых является Испания.

Соответственно, Конвенция (после ее ратификации <1>) в истолковании Европейского суда реализуется в национальной правовой системе в особо приоритетном порядке, что также подтверждается правовыми позициями Конституционного Суда Испании. Первоначально суд в своем решении (от 29 ноября 1984 г.) при толковании ст. 10.2 Конституции отметил, что он сам и все другие испанские суды должны следовать прецедентной практике Европейского суда, а любой гражданин может оспаривать конституционность закона в Конституционном Суде по причине его несоответствия данной практике <2>. В другом Постановлении (от 25 июля 1992 г.) испанский суд признал, что практика Европейского суда представляет критерии толкования конституционных норм, защищающих фундаментальные права, и непосредственно применяется в правовой системе Испании <3>.

<1> Конвенция ратифицирована Испанией 4 октября 1979 г. // <<http://www.evrosud.ru/ratifikaciya.htm>>.

<2> См.: Goldstein L., Ban C. The Rule of Law and the European Human Rights Regime / JSP, Center for the Study of Law and Society Jurisprudence and Social Policy Program UC Berkeley // <<http://escholarship.org/uc/item/2q59x006>>.

<3> См.: Обязательства государств - участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда. Сер. "Международная защита прав человека". Вып. 5 / Под ред. Л.М. Чуркиной. Екатеринбург, 2005. С. 45.

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал значение ратифицированных международных договоров в сфере прав человека и особенно Конвенции и Всеобщей декларации прав человека для соответствия содержания и пределов допустимого ограничения прав и свобод требованиям ст. 10.2 Конституции Испании, из которой вытекает необходимость оценки соблюдения законодательным органом требований, проистекающих из международных актов. При этом Конституционный Суд не считает право Конвенции самостоятельным и автономным критерием интерпретации и рассматривает его в необходимой связи с конституционными положениями; также оно не оценивается судом как право конституционного уровня, хотя во многом к нему приближается <1>.

<1> См., например: решение Конституционного Суда Испании от 7 ноября 2007 г.; решение Конституционного Суда Испании от 21 мая 2009 г. // http://www.tribunalconstitucional.es/en/jurisprudencia/restrad/Pages/ResolucionesTraducidasHome.asp".

В связи с этим в рамках своей деятельности Конституционный Суд активно использует Конвенцию и правовые позиции Европейского суда, в том числе для оценки конституционности нормативных правовых актов <1>, хотя ссылки на Конвенцию в резолютивной части решения суда Испании встречаются достаточно редко. В своем решении (от 15 июня 1981 г.) суд указал на приоритет Конвенции, утвердив право офицера, на которого наложено взыскание, заявить ходатайство об изменении армейского дисциплинарного режима, не признающего право на защиту, несмотря на наличие оговорки Правительства об исключении дисциплинарного режима из сферы применения Конвенции, сделанной при ее ратификации <2>.

<1> Принимая во внимание то, что важным направлением конституционно-судебной деятельности в Испании является проверка конституционности актов по жалобам граждан и их объединений (в процедуре ампаро), Конституционный Суд также применяет право Конвенции при осуществлении непосредственной защиты основных прав (при оценке судебных и административных актов).

<2> Цит. по: Кемби Ж.-П. Конституционные суды Европы и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995. С. 152, 153.

В другом решении, касающемся вопроса перехвата переписки заключенного, Конституционный Суд, оценивая адекватность положений закона, рассмотрел вопрос о том, соответствует ли они с точки зрения правовой защиты не только положениям Конституции, но и ст. 8.2 Конвенции, которая требует, чтобы ограничения подобного рода были предусмотрены законом <1>. При проверке конституционности положений Гражданского кодекса Конституционный Суд указал, что случаи лишения свободы лица, страдающего психическим расстройством, и решение о его госпитализации подпадают под действие ст. 5.1 Конвенции, согласно которой психическое расстройство является достаточным основанием для лишения свободы при условии соблюдения ряда требований, которые Европейский суд раскрыл в своих решениях <2>. Обращает на себя внимание то, что ссылки на решения Европейского суда и содержащиеся в них правовые позиции, как правило, приводятся для дополнительной аргументации Конституционным Судом своих выводов ("Суд придерживается (подтверждает) такого же мнения") <3>.

<1> См.: решение Конституционного Суда Испании от 20 июня 1994 г. // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 21. Конституционный Суд РФ. М., 1998. С. 48.

<2> См.: решение Конституционного Суда Испании от 1 июля 1999 г. // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 134. Конституционный Суд РФ. СПб., 2009. С. 82.

<3> См.: решение Конституционного Суда Испании от 21 декабря 2010 г.; решение Конституционного Суда Испании от 7 ноября 2007 г. // http://www.tribunalconstitucional.es/en/jurisprudencia/restrad/Pages/ResolucionesTraducidasHome.aspx.

Конституционный Суд влияет на принятие мер, направленных на исполнение решений Европейского суда. В связи с решением Европейского суда по делу "Барбера и другие против Испании" <1> суд постановил, что сохранение в силе приговора, вынесенного с нарушением Конвенции, противоречит конституционному правопорядку Испании, что стало правовым основанием нового судебного разбирательства в связи с нарушением Конвенции, хотя в Уголовно-процессуальном кодексе Испании такая процедура не была предусмотрена. Кроме того, через некоторое время Конституционный Суд указал на недостаточное законодательное обеспечение возможности пересмотра дел в испанских судах после констатации нарушения Европейским судом <2>.

<1> ЕСПЧ. "Барбера, Месседжу и Джабаро против Испании", 6 декабря 1988 г.

<2> См.: Обязательства государств - участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда. Сер. "Международная защита прав человека". Вып. 5 / Под ред. Л.М. Чуркиной. Екатеринбург, 2005. С. 15.

В правовую систему Франции Конвенция инкорпорирована <1> в качестве акта, имеющего приоритет над национальным законодательством, что обусловлено положениями Конституции <2>, согласно которой международные договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, имеют силу, превышающую силу законов, с момента опубликования (ст. 55).

<1> <<http://www.evrosud.ru/ratifikaciya.htm>>. Франция ратифицировала Конвенцию 3 мая 1974 г.

<2> См.: Конституция Франции от 4 октября 1958 г. // Конституции государств Европы / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 3. С. 411 - 430.

Участие органа конституционного контроля Франции (Конституционного Совета) в обеспечении прямого действия права Конвенции изначально во многом предопределялось значительной спецификой его организации, связанной с наделением совета небольшим кругом полномочий по предварительной проверке конституционности законов (ст. 61 Конституции) и по предварительному контролю конституционности международных соглашений (ст. 54 Конституции).

При этом длительное время Конституционный Совет ограничительно толковал возможности, касающиеся собственного участия в обеспечении взаимодействия национального права и права Конвенции. В частности, при рассмотрении вопроса о соответствии Закона об абортах ст. 2 Конвенции по запросу о проверке конституционности проектов законов, совет признал, что у него отсутствует компетенция проверять национальный закон на его соответствие международному договору. При этом он отметил, что положение ст. 55 Конституции не подразумевает, что соблюдение принципа приоритета международных договоров над национальными актами должно быть обеспечено в рамках контроля соответствия законов Конституции.

Также совет подчеркнул, что решение о конституционности закона определяет его действенность и имеет абсолютное значение; решение о конституционности международного договора определяет его применимость и обладает свойствами относительности и случайности, поскольку оно ограничено сферой применения международного договора и подчинено условию взаимности, выполнение которого может меняться в зависимости от поведения государства или государств - участников договора и от момента времени, когда оценивается соблюдение этого условия. При этом закон, противоречащий международному договору, тем не менее может не противоречить Конституции <1>.

<1> См.: решение Конституционного Совета Франции от 15 января 1975 г.; решение Конституционного Совета Франции от 23 июля 1975 г. // <<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959Aes-decisions-depuis-1958.4614.html>>.

Между тем со временем возможности Конституционного Совета перестали толковаться им ограничительно. Совет пересмотрел позицию о своем участии в обеспечении соответствия национального права Конвенции, в частности признав в качестве своей обязанности следить за соблюдением верховенства международного права и в особенности права Конвенции по отношению к обычному законодательству <1>.

<1> См.: решение Конституционного Совета Франции от 3 сентября 1986 г.; решение Конституционного Совета Франции от 21 октября 1988 г. // <<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959Aes-decisions-depuis-1958.4614.html>>.

Примечательно, что в результате конституционной реформы 2008 года <1> в Конституцию была введена ст. 61.1, согласно которой если суд при осуществлении своей юрисдикции применит законодательное положение, посягающее на гарантированные Конституцией права и свободы, то Конституционный Совет может быть запрошен по этому вопросу.

<1> См.: Конституционный закон Франции о реконструкции институтов Пятой республики от 23 июля 2008 г. N 2008-724 // Конституционный контроль в зарубежных странах / Под ред. В.В. Маклакова. 2-е изд. М., С. 217 - 219.

Конституционный Совет часто применяет право Конвенции, особенно решения Европейского суда, не давая на них прямых указаний и не цитируя их в своей практике, при этом соблюдая их. Например, обращает на себя внимание значительное сходство между содержанием решений Европейского суда и Конституционного Совета Франции в делах, касающихся права на защиту, ограничения в защите несовершеннолетних лиц, критериев эффективности защиты основных прав <1>.

<1> См.: ЕСПЧ, "Аурей против Ирландии", 9 октября 1989 г.; "Мэлоун против Соединенного Королевства", 2 августа 1984 г.; решение Конституционного Совета Франции от 17 января 1989 г. // <<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959/les-decisions-depuis-1958.4614.html>>; Кемби Ж.-П. Конституционные суды Европы и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995. СПб., 1996. С. 154.

При этом Конституционный Совет, как правило, ссылается на Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., которая признается составной частью Конституции (входящей в так называемый конституционный блок) и перечень прав которой совпадает с правами, гарантированными Конвенцией. Так, в своем решении Конституционный Совет со ссылкой на положения Декларации 1789 г. впервые указал на важную составляющую принципа правовой определенности, а именно на требование доступности и ясности закона в качестве конституционно значимой цели. Содержание конституционно значимой цели и критерии конституционности закона были сформулированы Конституционным Советом аналогично тому, как Европейский суд формулирует содержание принципа правовой определенности <1>.

<1> См.: решение Конституционного Совета Франции от 16 декабря 1999 г. // <[http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959Aes-decisions-depuis-1958.4614.html](http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959/Aes-decisions-depuis-1958.4614.html)>.

Известны случаи прямого обращения Конституционного Совета к праву Конвенции для целей определения содержания основных прав. В частности, в своем решении Конституционный Совет рассматривал нормы Закона о внутренней безопасности, позволяющие осмотр машин в случаях, когда имеется обоснованное подозрение в совершении водителем преступления или проступка, нарушавшие, по утверждению обратившихся лиц, права граждан. Конституционный Совет указал, что определенные ст. 5 Конвенции достаточные основания подозревать кого-либо в совершении уголовно наказуемого преступления допускаются как основания ограничения основных прав, в связи с чем он отклонил жалобы заявителей на неясность данного положения <1>. В другом решении Совет оценивал соответствие избирательного закона, в том числе ст. 3 Протокола N 1 к Конвенции, гарантирующей право на свободные выборы <2>.

<1> См.: решение Конституционного Совета Франции от 13 марта 2003 г. // <<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959Aes-decisions-depuis-1958.4614.html>>.

<2> См.: решение Конституционного Совета Франции от 29 января 1998 г. // <<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959Aes-decisions-depuis-1958.4614.html>>.

Примечательно, что во Франции существуют иные суды, осуществляющие контроль соответствия национальных актов праву Конвенции, в частности Кассационный Суд, Государственный Совет Франции <1>. Например, спустя год после вынесения Постановления Европейского суда по делу "Гаигусуз против Австрии" <2> Кассационный Суд рассматривал аналогичное дело, касающееся предполагаемого содержания в национальном законе нормы о том, что безработному иностранцу, проживающему на территории Франции, не положена выплата пособия по безработице. В итоге, ссылаясь на Конвенцию и правовую позицию Европейского суда, Кассационный Суд отменил дискриминационную национальную норму (решение от 14 января 1999 г.) <3>.

<1> См.: Peters A. Supremacy Lost: International Law Meets Domestic Constitutional Law // International Journal of Constitutional Law. Oxford. 2009. N 3(3). P. 172 - 174.

<2> ЕСПЧ. "Гаигусуз против Австрии", 16 сентября 1996 г.

<3> См.: Прямое действие постановлений Европейского суда по правам человека во внутреннем праве: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 92.

В Бельгии Конвенция инкорпорирована <1> в национальное право как акт, превосходящий по юридической силе обычное законодательство. Участие Конституционного (Арбитражного) Суда в выполнении обязательств по Конвенции возможно при обеспечении им соответствия закона, декрета или нормы определенным положениям Конституции (в частности, положениям раздела II "О бельгийцах и их правах") (ст. 142 Конституции <2>) <3>. При этом согласно положениям ст. 26 Специального закона Бельгии о Конституционном Суде, когда перед судебным органом возникает вопрос о том, что закон, декрет или нормы, установленные ст. 134 Конституции, нарушают фундаментальные права, гарантированные одинаковым образом положениями разд. II Конституции и положениями европейского и международного права, суд передает вопрос о совместимости соответствующих актов с положениями разд. II Конституции в Конституционный Суд; данное требование не распространяется на случаи, когда суд обнаруживает, что из решения международного суда следует явное нарушение указанными актами положений международного или европейского права <4>.

<1> Бельгия ратифицировала Конвенцию 14 июня 1955 г. // <<http://www.evrosud.ru/ratifikaciya.htm>>.

<2> См.: Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 г. // Конституции государств Европы / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 1. С. 341 - 380.

<3> Как и во Франции, в Бельгии важное место в процессе контроля конституционности национальных актов занимают Кассационный Суд и Государственный Совет, которые активно обращаются к праву Конвенции.

<4> См.: Специальный закон Королевства Бельгия о Конституционном Суде от 6 января 1989 г. // <<http://www.const-court.be/>>.

Конституционный Суд сформулировал позиции, касающиеся возможности применения международных актов при осуществлении конституционного контроля. Им отмечено, что в случаях, если стороны не приводят международные нормы в качестве независимого аргумента, эти нормы не могут служить основанием отмены оспариваемого положения закона, в связи с чем для отмены нормы достаточно ее противоречия международным актам, одобренным Бельгией. В этом же решении суд указал, что он контролирует конституционность заключенных международных договоров при проверке актов об их одобрении <1>.

<1> См.: решение Конституционного Суда Бельгии от 3 февраля 1994 г. // Решения зарубежных конституционных судов по вопросам, касающимся международных договоров, за 1993 - 1995 годы. Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 6. Конституционный Суд РФ. М., 1997. С. 11, 12.

В другом решении суд отметил, что определенные права и свободы, гарантированные Конституцией, включают в себя права и свободы, вытекающие из положений международных договоров, которые действуют непосредственно и вступают в силу в правовой системе страны при присоединении к этим договорам; это относится по крайней мере к правам и свободам, установленным, в частности, ст. 8, 11 и 14 Конвенции, ст. 1 Протокола N 1 к ней <1>. Впоследствии Конституционный Суд указал, что положения Конвенции должны толковаться с учетом стандартов, выработанных Европейским судом <2>.

<1> См.: решение Конституционного Суда Бельгии от 8 марта 1994 г. // <<http://www.const-court.be/>>.

<2> См.: решение Конституционного Суда Бельгии от 10 мая 1994 г. // Арбитражный Суд Королевства Бельгия и некоторые его решения. Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 1997. С. 80, 81.

Судебная практика Конституционного Суда фактически не расходится с практикой Европейского суда <1>. При этом бельгийский суд в большинстве рассматриваемых дел ссылается на Конвенцию в истолковании Европейского суда, оценивая ее как критерий толкования конституционных положений и проверки конституционности акта. Например, согласно решению суда положения Конституции, гарантирующие свободу выражения мнения и свободу объединения, не исключают возможности установления определенных ограничений этих свобод для государственных служащих, однако такие

ограничения должны соответствовать требованиям ст. 10.2 и 11.2 Конвенции <2>.

<1> См.: Лобов М. Прямое действие постановлений Европейского суда по правам человека во внутреннем праве: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 89; Sweet A.S. On the Constitutionalisation of the Convention: The European Court of Human Rights as a Constitutional Court. Yale Law School. 2009. // <http://works.bepress.com/alec_stone_sweet/33/>.

<2> См.: решение Конституционного Суда Бельгии от 15 июля 1993 г. // <<http://www.const-court.be/>>.

В другом решении суд отметил, что ограничение права иностранцев, получивших окончательное предписание покинуть территорию Бельгии, на социальную помощь не является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением в смысле ст. 3 Конвенции <1>. В своем решении, касающемся оценки права каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, суд сослался на положение ст. 4 Конвенции, которая исключает из понятия "принудительный или обязательный труд" любую военную службу независимо от того, идет ли речь о добровольном поступлении на военную службу или об обязательной военной службе <2>.

<1> См.: решение Конституционного Суда Бельгии от 29 июня 1994 г. // Арбитражный Суд Королевства Бельгия и некоторые его решения. Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 1997. С. 74.

<2> См.: решение Конституционного Суда Бельгии от 14 декабря 1995 г. // Решения зарубежных конституционных судов по военным вопросам за 1993 - 1995 годы. Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 10. Конституционный Суд РФ. М., 1997. С. 10.

Примеры деятельности органов конституционного правосудия некоторых государств особым образом свидетельствуют о том, что их непосредственная активность оказывает более определяющее значение на реализацию решений Европейского суда, нежели конституционные положения, регулирующие статус международных правовых актов в национальной правовой системе.

Показателен в данном отношении пример деятельности Федерального Конституционного Суда Германии (ФКС Германии).

Согласно Основному Закону ФРГ <1> государство может законом передавать свои суверенные права межгосударственным учреждениям (ст. 24); общепризнанные нормы международного права являются составной частью права ФРГ, при этом соответствующие нормы имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории (ст. 25). Основным Законом ФКС Германии наделяется правом разрешения коллизии между национальным и международным правом в случае, если в юридическом споре (при судебном процессе) возникает сомнение, является ли норма международного права составной частью федерального права и порождает ли она непосредственно права и обязанности индивида (ст. 100).

<1> См.: Основной Закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции государств Европы / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 1. С. 580 - 634.

Германия ратифицировала Конвенцию в 1952 году в форме федерального закона <1>, что обусловлено ст. 59.2 Основного Закона, согласно которой договоры, регулирующие политические отношения Федерации и касающиеся предметов федерального законодательства, требуют согласия соответствующих компетентных органов в форме федерального закона. С этого периода Конвенция в правовой системе Германии имеет статус обычного закона и формально применяется немецкими судами в качестве национального закона об одобрении.

<1> Конвенция ратифицирована ФРГ 7 августа 1952 г. // <<http://www.evrosud.ru/ratifikaciya.htm>>.

Однако на примере развития практики ФКС Германии можно наблюдать собственно процесс конституционализации права Конвенции в Германии, который происходил при непосредственном участии соответствующего суда.

В 1987 г. Федеральный Конституционный Суд отметил: "При толковании Основного Закона должны приниматься во внимание содержание Конвенции, ее развитие практикой Европейского суда при условии,

если это не приведет к ограничению или уменьшению защиты прав и свобод, предусмотренных Основным Законом. В связи с этим юрисдикция Европейского суда служит вспомогательным средством толкования содержания и объема основных прав и фундаментальных правовых принципов Основного Закона" <1>.

<1> Решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 26 марта 1987 г. // http://www.bverfg.de/entscheidungen.html.

В 2004 г. ФКС Германии разъяснил, что Основной Закон в ст. 1.2 признает особую защиту основным международным правам человека. Статья 1.2 в связи со ст. 59.2 Основного Закона составляет основу конституционного обязательства использовать Конвенцию в качестве помощи для толкования немецких основных прав. При этом связанность законом и правом, как она предписывается Конституцией ФРГ, всех представителей государственной власти Германии включает в себя также гарантии Конвенции и решения Европейского суда. В рамках этой связанности нарушение последних может тем самым посягать на основные права, определенные национальной Конституцией <1>.

<1> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 14 октября 2004 г. // http://www.bverfg.de/entscheidungen.html; Комментарии и разъяснение указанного решения: постановления Федерального конституционного Суда ФРГ за 1996 - 2006 гг. // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 110. Конституционный Суд РФ. М., 2006. С. 62 - 76; Пыриков Е.Г. Федеральный Конституционный Суд Федеративной Республики Германия о юридической силе и исполнении в Германии постановлений Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2007. N 2. С. 4 - 17; Люббе-Вольфф Г. Европейский суд по правам человека и национальные суды: дело Гергюлю // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 39 - 42; Hoffmeister F. Germany: Status of European Convention on Human Rights in Domestic Law // International Journal of Constitutional Law. Oxford. 2006. N 4(4). P. 731; The protection of mothers in British and German Constitutional Law: A comparative analysis and a contribution to the Implementation of the European Convention on Human Rights in the Domestic Legal Area // German Law Journal. 2008. N 1; http://www.germanlawjournal.com.

Тем самым Федеральный Конституционный Суд, обозначив конституционно значимый характер Конвенции, фактически приблизил ее положения по юридической силе к общепризнанным нормам международного права, которые имеют приоритет перед обычными законами.

Признание ФКС Германии конституционно значимого характера конвенционных обязательств активно проявляется в тенденции признавать за Конвенцией влияние на толкование основных прав и конституционных принципов Основного Закона. Так, с помощью Конвенции ФКС Германии интерпретировал принцип правового государства, закрепленный в ст. 20 Основного Закона, в том смысле, что презумпция невиновности, которая записана только в Конвенции, но не в Основном Законе, может считаться частичным элементом принципа правового государства по немецкому конституционному праву <1>. ФКС Германии часто обращается к праву Конвенции при определении содержания основных прав, например используя его для толкования понятия "принудительный труд" в контексте ст. 12 Основного Закона и права на защиту семейной жизни в свете ст. 6 Основного Закона <2>. Суд Германии использовал Конвенцию и практику Европейского суда при рассмотрении дела о соответствии Основному Закону Лиссабонского договора <3>.

<1> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 14 октября 2004 г.; Арнольд Р. Международное право в немецком правовом порядке // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 195.

<2> См.: Tomuschat C. The Effects of the Judgments of the European Court of Human Rights According to the German Constitutional Court // German Law Journal. 2010. N 5; http://www.germanlawjournal.com.

<3> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 30 июня 2009 г. // http://www.bverfg.de/entscheidungen.html.

В то же время, в отличие от Австрии, где Конвенция имеет значение конституционного акта наравне с собственной Федеральной Конституцией, ФКС Германии определил положение Основного Закона по юридической силе выше Конвенции: "Текст Конвенции и судебная практика Европейского суда служат, на

уровне конституционного права, ориентирами для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и конституционных принципов Основного Закона, при условии, что это не ведет к ограничению или умалению защиты основных прав личности по Основному Закону - как это предусматривает и сама Конвенция (статья 53 Конвенции); положения Конвенции могут и не учитываться, если нет другой возможности предотвратить нарушение базовых принципов Основного Закона... Основной Закон стремится приобщить Германию к правовому сообществу миролюбивых и свободомыслящих государств, не отказываясь, однако, от суверенитета, зафиксированного в немецкой Конституции, имеющей право последнего слова" <1>.

<1> Решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 14 октября 2004 г.
<<http://www.bverfg.de/entscheidvngen.html>>.

Кроме того, Федеральный Конституционный Суд значительно развил общие положения об обязывающем действии решений Европейского суда.

Во-первых, ФКС Германии указал на то, что решения Европейского суда являются обязательными для сторон спора, вследствие чего применение принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела (*res judicata*) ограничивается составом участников, существом вопроса и временными рамками конкретного дела. Обязательность решений Европейского суда отличается от юридического значения решений ФКС Германии, имеющих общеобязательный характер (*ergo omnes*).

Во-вторых, решения Европейского суда имеют декларативный характер в том смысле, что ими устанавливается, соответствует ли оспоренное действие государства Конвенции или противоречит ей, однако данный суд не принимает кассационных решений, которые могли бы непосредственно отменить акт государства-ответчика.

В-третьих, решения Европейского суда в принципе обязывают государство-ответчика восстановить положение, существовавшее до нарушения Конвенции, и создать ситуацию, совместимую с ее требованиями. При этом ФКС Германии обращает внимание на то, что в законодательстве ФРГ установлена возможность возобновления производства и пересмотра решения национального суда в связи с решением Европейского суда только в уголовной сфере; в других областях такого специального основания для возобновления дела не предусмотрено.

В-четвертых, связанность постановлением Европейского суда распространяется на все государственные органы; способ их связанности зависит от сферы ответственности государственных органов и от пределов усмотрения, предоставленных правом более высокого уровня. Суды во всех случаях обязаны принимать во внимание решение Европейского суда, которое относится к уже разрешенному ими делу, если они осуществляют новое рассмотрение дела процессуально приемлемым образом и способны принять во внимание это постановление, не нарушая Основного Закона. "Принятие во внимание решения Европейского суда" означает, что суд должен по крайней мере надлежащим образом рассмотреть постановление суда; в случае его неприменения - привести необходимую аргументацию. Заявитель вправе оспаривать игнорирование этой обязанности как нарушение основного права, которое затрагивается в сфере его защиты, в сочетании с принципом верховенства права.

В-пятых, не противоречит цели приверженности международному праву ситуация, при которой законодатель в порядке исключения не соблюдает права международных договоров при условии, что это является единственным возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов. Германские суды должны отдавать приоритет толкованию в соответствии с Конвенцией, если соответствующее применение не нарушает конституционного права <1>.

<1> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 14 октября 2004 г.
<<http://www.bverfg.de/entscheidimgen.html>>.

Обозначенные правовые позиции ФКС Германии относительно положения права Конвенции породили дискуссию об их значении для выполнения конвенционных обязательств в Германии. В частности, как отметил В.Д. Зорькин, ФКС Германии предпочел ограничительное толкование соотношения между международным правом и национальной конституцией и конституционными законами и поставил, таким образом, преграду для автоматического исполнения решений Европейского суда на территории ФРГ, делая обязательной их перепроверку высшими органами германской юстиции <1>.

<1> См.: Интернет-интервью В.Д. Зорькина. Предварительные итоги деятельности Конституционного Суда РФ на пороге 15-летия // <<http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin.html>>.

В свою очередь судья ФКС Германии Г. Люббе-Вольфф указала, что соответствующие правовые позиции подтверждают верховенство национального права, обозначают пределы полномочий национальных судов и не означают отрицания международных обязательств. С учетом того, что Конвенция не предусматривает внутренних механизмов обеспечения своей юридической силы, их должны создавать государства-участники. Основной Закон Германии не пошел по пути непосредственного включения международных норм в национальную правовую систему, то есть по пути открытия правового пространства страны для международных обязательств без каких-либо оговорок. Германия принимает международное право в свой правовой порядок не безусловно, поскольку международное право имеет статус ниже статуса национальной конституции <1>.

<1> См.: Люббе-Вольфф Г. Европейский суд по правам человека и национальные суды - дело Гергюлю // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 43, 44.

Как дополнил данную позицию Х.-Ю. Папир, в отношении Конвенции при указанной конституционно-правовой оговорке о суверенитете речь идет скорее о теоретической оговорке, так как такого толкования и применения Конвенции, которое было бы несовместимо с основополагающими принципами немецкой Конституции, до сих пор не было <1>.

<1> См.: Папир Х.-Ю. Соотношение между национальным конституционным правом и Европейской конвенцией о защите прав человека с точки зрения Федерального Конституционного Суда Германии // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2006. N 4. С. 31.

Отметим, что в любом случае своими правовыми позициями ФКС Германии содействует достижению правовой определенности в решении вопроса о положении права Конвенции в национальном правовом порядке. Выделяя особый конституционно значимый статус Конвенции по отношению к иным международным договорам ФРГ, Федеральный Конституционный Суд одновременно утверждает лишь вспомогательный характер европейского механизма защиты основных прав, оставляя итоговое решение в вопросах защиты основных прав и установления пределов их допустимых ограничений за национальными механизмами защиты прав.

При этом в целом ФКС Германии демонстрирует стремление согласовывать свои выводы с решениями Европейского суда при обеспечении их непосредственной реализации, в том числе при осуществлении полномочий по нормоконтролю <1>.

<1> Большинство дел ФКС Германии рассматривается в порядке конституционной жалобы, предметом которой является проверка конституционности правоприменительной практики.

Так, решением Европейского суда по делу "Карлхейнц Шмидт против Германии" <1> было установлено нарушение ст. 14 Конвенции (запрещение дискриминации) в связи с действием в Германии Акта о пожарной охране, обязывающего только мужчин проходить службу в пожарной охране или выплачивать налог вместо этого. В результате власти некоторых земель ФРГ приостановили взимание налогов за службу в пожарной охране. ФКС Германии своим постановлением указал на то, что соответствующие правила являются дискриминационными, и признал их недействительными <2>.

<1> ЕСПЧ. "Карлхейнц Шмидт против Германии", 18 июля 1994 г.

<2> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 24 января 1995 г. // <<http://www.bverfg.de/entscheidimgen.html>>; Обязательства государств - участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда. Сер. "Международная защита прав человека". Вып. 5 / Под ред. Л.М. Чуркиной. Екатеринбург, 2005. С. 40.

В свою очередь, спецификой конституционно-судебной деятельности является то, что ФКС ориентируется на решения Европейского суда совместно с Конвенцией, как правило, по умолчанию. При

дополнительном обосновании позиции на основе национального конституционного права в большинстве случаев им не упоминаются данные акты в тексте судебного решения. В связи с этим Р. Арнольд отмечает: "Федеральный Конституционный Суд подробно разрабатывал в своей правоприменительной практике основные права Основного Закона, так что ссылка не представляется необходимой для правоприменения в Страсбурге... Тем не менее можно предположить, что в случае с основными правами ФКС имеет перед глазами международный стандарт, в частности Европейскую конвенцию по правам человека, чтобы избежать дивергенции, которые могли бы привести к процессу в Страсбурге" <1>. При этом в случае обращения к праву Конвенции ФКС ФРГ указывает на его вспомогательный характер для формирования своих выводов.

<1> Арнольд Р. Международное право в немецком правопорядке // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 194; Он же. Значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и методические аспекты ее изучения в системе юридического образования // <<http://www.echr-base.ru/rainer.jsp>>.

Тенденция повышения значения решений Европейского суда в национальной правовой системе обозначается в других государствах-участниках, где Конвенция имеет юридическую силу обычного закона.

В Конституции Италии предусмотрено, что национальный правопорядок согласуется с общепризнанными нормами международного права (ст. 10.1); Италия соглашается на условия взаимности с другими государствами на ограничение суверенитета, необходимого для порядка, обеспечивающего народам мир и справедливость, она оказывает помощь и содействует международным организациям, стремящимся к этим целям (ст. 11). Конституционный Суд Италии выступил регулятором соотношения международного и национального права. В частности, в своих решениях Конституционный Суд установил, что общепризнанные нормы международного права содержат исключительно общие нормы и принципы международного обычного права и не охватывают норм, исходящих из международных договоров и конвенций, ратифицированных государством, которые не воспроизводят норм и принципов международного обычного права. При этом предусмотренный ст. 10 Конституции механизм автоматического приспособления к общепризнанным нормам этого рода не может никоим образом быть согласован с нарушением основных принципов конституционного строя Италии <1>.

<1> См.: решения Конституционного Суда Италии: 1979 г. N 48; 1989 г. N 364; 1994 г. N 168; 1996 г. N 15; 2001 г. N 73; 2007 г. N 349; 2007 г. N 348 // <http://www.cortecostituzionale.it/ActionPagina_325.do>.

После ратификации Италией Конвенции данный акт стал частью национального права и был приравнен по силе к обычному законодательству <1>, однако Конституционный Суд Италии во многом содействовал приданию Конвенции более высокой юридической силы <2>. В частности, Конституционный Суд в 1993 году в рамках своего решения отметил, что нормы Конвенции происходят из источника, сводимого к нетипичной компетенции, и как таковые не подлежат отмене или изменению со стороны обычных законов <3>. В то же время первоначально отношение к праву Конвенции в национальной правовой системе, включая конституционно-судебную практику <4>, было в целом пренебрежительным.

<1> См.: Закон о ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 августа 1955 г. N 848 // <www.ammimstrazioneincammino.luiss.it/wp.../2010/.../Rossi_Integration.pdf>.

<2> См.: Maruste R. The implementation of the European Convention on Human Rights and Basic Freedoms in Member States of the Council of Europe. Seminar on the role of the Constitutional Court in the implementation of International Law (Lviv, Ukraine, 7 - 8 October 1998) // <[www.venice.coe.int/docs/1998/CDL-JU\(1998\)034-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1998/CDL-JU(1998)034-e.asp)>.

<3> См.: решение Конституционного Суда Италии 1993 г. N 10 // <http://www.cortecostituzionale.it/ActionPagina_325.do>.

<4> Итальянские правоведы характеризуют отношения между европейским и конституционным правосудием на первых этапах как "спокойный хаос", то есть состояние мирного равнодушия к практике друг друга, хотя существовали ситуации реальных разногласий; Конституционный Суд стремился указать на значение Конвенции как обычного закона и превалирующую роль Конституции (см.: Rossi F. The Progress

Ситуация коренным образом изменилась при проведении конституционной реформы 2001 года <1>. В Конституцию были введены положения ст. 117, согласно которой законодательная власть принадлежит государству и областям при соблюдении Конституции и обязательств, вытекающих из права Европейского союза и международных обязательств; области и провинции обеспечивают имплементацию и исполнение международных обязательств и актов Европейского союза. Тем самым в свете новой поправки важным требованием для национальных органов, включая Конституционный Суд, ориентированным прежде всего на осуществление нормоконтроля (ст. 134 Конституции), становится необходимость избежания критики Европейским судом права Италии и соответствия его решениям.

<1> См.: Конституционный закон Италии от 18 октября 2001 г. N 3 // Конституции зарубежных государств / Под ред. В.В. Маклакова. 6-е изд. М., 2009. С. 276 - 279.

В связи с этим Конституционный Суд, во многом следуя примеру ФКС Германии, подробно определил значение права Конвенции и в особенности решений Европейского суда, для национального правопорядка, в двух своих решениях об оценке конституционности акта, позволяющего государству присваивать собственность без проведения обязательных процедур покупки <1>.

<1> См.: решения Конституционного Суда Италии 2007 г. N 348 и 349 // <http://www.cortecostituzionale.it/ActionPagina_325.do>; The decision N 348 and 349/2007 of the Italian Constitutional Court: The Efficacy of the European Convention in the Italian Legal System // German Law Journal 2008. N 7; Кемби Ж.-П. Конституционные суды Европы и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995. С. 150; Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. С. 92.

Во-первых, подтверждая особенность Конвенции в сравнении с другими источниками международного права, было отмечено, что даже при том, что и Европейский суд, и Конституционный Суд осуществляют защиту основных прав, последний должен обеспечивать гарантии Конвенции, по крайней мере на том же уровне, что и Конституция Италии. Международные нормы, касающиеся прав человека, особенно те, которые содержатся в Конвенции, по своему содержанию могут служить критерием оценки конституционности нормативного акта; любое несоответствие между внутренним законом и Конвенцией в истолковании Европейского суда должно рассматриваться как нарушение режима конституционной законности и ст. 117 Конституции.

Во-вторых, ст. 10 Конституции, предусматривающая автоматическую адаптацию в национальном праве общепризнанных норм международного права, относится исключительно к общим принципам и нормам международного обычного права и не распространяется на нормы международных договоров, которые не воспроизводят таких положений.

В-третьих, никакая норма международного права не может преобладать над основными принципами Конституции. Конвенция имеет "субконституционный" характер, таким образом, являясь подчиненной национальной Конституции, но вышестоящей по отношению к закону; основные права не могут считаться сферой, в рамках которой государство должно отказываться от суверенных прав в пользу предоставления их юрисдикции, ограниченной толкованием Европейского суда.

В-четвертых, при наличии в споре о конституционной законности вопроса о применении права Конвенции Конституционный Суд должен проверить совместимость норм Конвенции в истолковании Европейского суда с положениями Конституции; этот контроль должен быть основан на "разумном компромиссе" между связью государства международными обязательствами на основе ст. 117 Конституции и охраной национальных конституционных интересов.

Соответствующие решения Конституционного Суда были обусловлены Постановлением, принятым Европейским судом <1>, констатирующим нарушение ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции в связи с нарушением государством баланса частных и публичных интересов при неправомерном изъятии земельных участков у собственников. Вследствие этого Конституционный Суд признал неконституционность национальных законов, регулирующих выплату компенсаций за экспроприированное

государством имущество. При этом своим решением суд установил, что Италия обязана привести национальное законодательство в соответствие с Конвенцией согласно интерпретации, содержащейся в решениях Европейского суда, после чего итальянские суды стали все более часто ссылаться на практику наднационального органа <2>.

<1> ЕСПЧ. "Скордино против Италии", 29 марта 2006 г.

<2> См.: решения Конституционного Суда Италии 2007 г. N 348 и 349; Отчет о работе семинара по теме: "Реагирование на систематические нарушения прав человека: анализ пилотных решений Европейского суда по правам человека и их воздействие на национальные правовые системы", состоявшегося в Европейском суде (Страсбург, 14 июня 2010 г.) // <ehracmos.memo.ru/files/RU-Pilot_judgment_seminar_summary.pdf>.

Во многих других делах Конституционный Суд Италии <1> последовательно придерживается решений Европейского суда при аргументации своих выводов, стимулируя необходимые преобразования в национальном праве, что особенно важно с учетом того, что среди государств "традиционной" демократии Италия является источником самого большого числа жалоб в Европейский суд <2>.

<1> См., например: решения Конституционного Суда Италии: 2007 г. N 26; 2007 г. N 254; 2009 г. N 239 // <http://www.cortecostituzionale.it/ActionPagina_325.do>.

<2> Италия заняла пятое место по числу заявлений, поданных в Европейский суд, и имела наибольшее число неисполненных судебных решений (см.: Избранные главы доклада Международной хельсинкской федерации "Права человека в регионе ОБСЕ: Европа, Центральная Азия и Северная Америка". 2006 год // <<http://www.library.ru/help/docs/n29290/Italy.doc>>; Лич Ф. К вопросу о реформе Европейского суда по правам человека // <ehracmos.memo.ru/files/PLeach-EHRLR.pdf>).

В Португалии участие Конституционного Суда в выполнении обязательств в рамках Конвенции <1>, имеющей силу обычного закона, предопределяется конституционными положениями. Согласно ст. 8 Конституции нормы и принципы общего и обычного международного права являются составной частью португальского права (ч. 1); нормы международных договоров, ратифицированные и одобренные должным образом, вступают в силу после официального опубликования, и их выполнение становится обязательным (ч. 2). Нормы, исходящие от компетентных органов международных организаций, в которых состоит Португалия, действуют непосредственно во внутреннем праве, поскольку это установлено в соответствующих учредительных договорах (ч. 3). Кроме того, в соответствии со ст. 16.1 Конституции основные права, закрепленные Конституцией, не исключают осуществления каких-либо иных прав, предусмотренных законами и соответствующими нормами международного права.

<1> Конвенция была ратифицирована Португалией 9 ноября 1987 г. // <<http://www.evrosud.ru/ratifikaciya.htm>>.

При этом Конституционный Суд долгое время воздерживался от стремления продвигать национальное право в направлении соответствия его Конвенции в истолковании Европейского суда, что было обусловлено положениями ст. 16.2 Конституции. Согласно этой норме предписания, содержащиеся в Конституции и законах и касающиеся основных прав, должны толковаться и находиться в полном соответствии со Всеобщей декларацией прав человека. Предпринимаемые в 1982 году попытки принять поправки к данному положению, чтобы добавить в него Конвенцию, были безуспешны, поскольку считалось, что такие изменения могут привести к возникновению неопределенности содержания основных прав из-за "непредвиденных последствий" деятельности Европейского суда <1>.

<1> См.: Goldstein L., Ban C. The Rule of Law and the European Human Rights Regime / JSP, Center for the Study of Law and Society Jurisprudence and Social Policy Program UC Berkeley // <<http://escholarship.org/uc/item/2q59x006>>.

Однако за последнее десятилетие Конституционный Суд во многом изменил свою практику в этой области, активно содействуя обеспечению соответствия национальных актов Конвенции и практике Европейского суда <1> и приданию международному праву в сфере защиты прав человека более высокой

юридической силы, чем ординарный закон <2>. При этом суд полагает международно-правовые принципы Конвенции включенными в нормы Конституции Португалии, а практика Европейского суда рассматривается им как элемент, принимаемый во внимание при толковании Конституции <3>.

<1> Большинство обращений Конституционного Суда к праву Конвенции происходит в рамках рассмотрения дел об обжаловании судебных актов // <<http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/en/acordaos/>>.

<2> См.: Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. С. 175, 176; Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993 С. 124, 125; Ramos M. Portuguese Human Rights constitutional law // Конституционное правосудие. Вестник конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2009. С. 135, 136.

<3> См.: решение Конституционного Суда Португалии от 19 февраля 1997 г. // <<http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/en/acordaos/>>.

Конституционный Суд обращается к праву Конвенции как к критерию толкования основных прав и свобод и оценки конституционности актов. Так, суд Португалии защищает принцип равенства и уважения права обвиняемого на предоставление ему возможности полного ответа и защиты в соответствии с Конституцией Португалии и Конвенцией. Конституционный Суд последовал позиции Европейского суда в вопросах обеспечения права обвиняемого на доступ к справедливому правосудию и бесплатной помощи для осуществления перевода в судебном процессе. Кроме того, суд активно придерживается правовых позиций Европейского суда по вопросам ограничения основных прав, особенно права на частную и семейную жизнь, права на свободу объединения <1>.

<1> См.: решения Конституционного Суда Португалии: от 12 мая 2010 г.; от 6 октября 2004 г.; от 4 ноября 2004 г.; от 4 октября 2000 г. // <<http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/en/acordaos/>>; Ramos M. Portuguese Human Rights constitutional law // Конституционное правосудие. Вестник конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2009. С. 135, 136.

В практике конституционного правосудия встречаются случаи фактического обращения к практике Европейского суда без приведения ссылок на сами решения или содержащиеся в нем правовые позиции. Конституционно-судебная практика Португалии активно воспринимает правовые позиции Европейского суда, например, при решении вопросов о гарантиях защиты во время уголовного процесса или об ограничениях основных прав, особенно прав на частную и семейную жизнь. В частности, в Португалии задолго до того, как понятие "справедливое судебное разбирательство" было введено в Конституцию Португалии, Конституционный Суд включал его в содержание конституционного положения о "гарантии доступа к правосудию и судебной защите". На этом основании суд признал незаконными положения, которые разрешали участие прокурора в закрытых совещаниях некоторых судов. Такое участие Европейский суд в аналогичных случаях признал нарушением <1>.

<1> См.: Мельхиор М., Куртуа К. Отношения между конституционным судом и иными судами // Основные доклады XII Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.). Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 2002. С. 53.

Несмотря на неодинаковое значение конституционно-судебного нормоконтроля обозначенных государств - участников Конвенции для реализации решений Европейского суда, существуют общие для них тенденции.

Прежде всего, нередко участие конституционных судов в выполнении требований права Конвенции связано с решением ими вопросов определения или уточнения его значения для национального права, что снимает неопределенность в правовом положении решений Европейского суда в национальном правопорядке. При этом в рамках своей практической деятельности органы конституционного правосудия содействуют конституционализации права Конвенции, придавая Конвенции в истолковании Европейского суда значение акта по юридической силе выше обычного закона (Италия, Германия) или даже "квазиконституционный" характер (Испания, Франция). Движение конституционных судов государств

Западной Европы в сторону конституционализации права Конвенции стало повсеместно происходить со второй половины 80-х гг. XX в. <1>.

<1> См.: Goldstein L., Ban C. The Rule of Law and the European Human Rights Regime / JSP, Center for the Study of Law and Society Jurisprudence and Social Policy Program UC Berkeley // <<http://escholarship.org/uc/item/2q59x006>>.

Особенности национальной правовой системы, включая специфику конституционно-судебного устройства, господствующий подход к соотношению национального и международного права, значение Конвенции, влияют, однако не оказывают решающего воздействия на характер непосредственной активности органов конституционного правосудия в деле реализации решений Европейского суда, что выражается в следующем. Во-первых, характер участия конституционных судов в реализации решений Европейского суда и степень их активности различаются в государствах, где законодательно вопросы соотношения национального и международного права, а также юридического значения Конвенции решены одинаково (Испания и Франция). Во-вторых, ограничительные конституционные положения о силе международных норм не предупреждают от наделения права Конвенции конституционным значением посредством конституционно-судебного толкования (Германия, Италия). В-третьих, независимо от особенностей конституционно-правового регулирования все органы конституционного правосудия прямо определяют или стремятся определить приоритет права Конвенции над национальным законодательством, даже в тех государствах, где долгое время происходило сопротивление признанию значительного влияния решений Европейского суда на развитие национального права в силу существующих правовых традиций (Франция, Португалия).

Важной тенденцией является то, что, как правило, конституционные суды придерживаются правила следовать решениям Европейского суда, в частности по собственной инициативе увязывая свои правовые позиции с позициями, содержащимися в решениях суда, однако в ряде случаев между ними возникают конфликтные ситуации.

Также в практике конституционных судов наблюдается разнообразное сочетание форм и способов реализации решений Европейского суда. В первую очередь в рамках оценки конституционности национального правового акта конституционные суды используют решения Европейского суда в разном качестве. Иногда Конвенция и правовые позиции Европейского суда рассматриваются как критерий определения конституционности национальных норм, при этом на Конвенцию ссылаются не только в мотивировочной, но в ряде случаев и в резолютивной части решения. Наиболее логично такая практика выглядит в государствах, где Конвенция имеет конституционную силу (Австрия). Данная тенденция существует и в других государствах, право которых не наделяет нормы Конвенции статусом конституционных норм (Бельгия). Достаточно часто, осуществляя конституционное истолкование национального акта, конституционные суды используют практику Европейского суда для дополнительной аргументации своих выводов в целях уяснения нормативного содержания какого-либо института, его основных параметров, содержания основных прав, пределов допустимого ограничения конституционных прав (Италия, Испания). Также органы конституционного контроля все чаще обращаются к Конвенции и правовым позициям Европейского суда, ссылаясь на них при толковании положений конституции (Испания, Германия).

В свою очередь конституционные суды нередко сдержанны в прямом использовании решений Европейского суда, и в ряде случаев данные акты вообще не упоминаются даже как отдельное дополнительное основание вывода суда, однако выводы Европейского суда фактически входят в систему умозаключений, приведших к приемлемым решениям, согласующимся с правом Конвенции. Такое неявное применение права Конвенции имеет целью избежание расхождения собственных выводов с практикой толкования Конвенции и, соответственно, ее соблюдение (Германия, Франция).

Во многом участие конституционных судов в реализации решений Европейского суда выражено в принятии ими конкретных мер, направленных на исполнение решений, вынесенных в отношении государства-ответчика. В частности, конституционные суды влияют на принятие мер индивидуального характера, ориентируя национальную правовую практику на установление возможности пересмотра дел национальными судами в связи с решениями Европейского суда в целях прекращения нарушения Конвенции и устранения его последствий (Испания). В практике конституционных судов распространено принятие мер общего характера в целях предотвращения новых нарушений Конвенции в рамках осуществления конституционно-судебного нормоконтроля, поскольку суды применяют право Конвенции

вопреки действующему внутреннему законодательству (*contra legem*). Конституционные суды зачастую отклоняют нормы закона, из-за которых произошло констатированное Европейским судом нарушение или существует риск подобных нарушений, тем самым обеспечивая прямое действие права Конвенции (Австрия, Испания). Как отмечает М. Лобов, в теории международные обязательства, вытекающие из Конвенции, превалируют над противоречащими ей нормами закона почти во всех государствах-участниках; на практике же такие нормы закона порой становятся непреодолимым препятствием для прямого действия постановлений Европейского суда в национальном правовом порядке <1>. Способность конституционных судов принимать меры общего характера является особенно важной в условиях использования Европейским судом института пилотных решений, поскольку позволяет им достаточно оперативно реагировать на наднациональную судебную практику.

<1> См.: Лобов М. Прямое действие постановлений Европейского суда по правам человека: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 91.

С учетом значения конституционно-судебного нормоконтроля для выполнения обязательств в рамках Конвенции обращает на себя внимание то, что в некоторых государствах Западной Европы, где изначально отсутствовал абстрактный нормоконтроль, право Конвенции содействовало фактическому становлению соответствующей функции.

Проиллюстрировать изложенное можно на примере Нидерландов. После ратификации Нидерландами в 1953 году Конвенции в Конституцию была внесена поправка о приоритете международного права над национальным правом. При этом, несмотря на то что Конституция Нидерландов <1> не допускает установления судами неконституционности актов парламента, суд может достичь практически того же результата, признав данный акт противоречащим международному договору. Так, Верховный Суд опирается на Конвенцию, а не на Конституцию в случаях оспаривания совместимости законов и стандартов в области прав человека <2>. Профессор Х. Шермер в результате анализа судебной практики этой страны пришел к выводу, что голландские суды обрели право брать верх над парламентом не на том основании, что принятые парламентом законы могут нарушать Конституцию, а на том основании, что они могут нарушать положения договоров или резолюций международных организаций <3>.

<1> См.: Конституция Нидерландов от 17 февраля 1983 г. // Конституции государств Европы / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 2. С. 613 - 644.

<2> См.: Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 243; Schyff G. Constitutional review by the Judiciary in the Netherlands: a bridge too far? // German Law Journal 2010. N 2; <<http://www.germanlawjournal.com>>.

<3> См.: Schemers H. Some Recent Cases Delaying the Direct Effect of International Treaties in Dutch Law // Michigan Journal of International Law. 1989. N 1; <<http://students.law.umich.edu/mjil>>.

Во многом аналогичная ситуация сложилась в Швейцарии, Федеральный (Союзный) Суд которой не осуществляет функции оценки конституционности национальных актов (абстрактного нормоконтроля) <1>. Однако в одном из своих решений Суд указал, что федеральный закон, противоречащий положениям Конвенции, должен быть отменен. С учетом того, что каталог прав, определенных Конвенцией, во многом идентичен перечню национальных конституционных прав, суд фактически отменил закон на конституционных основаниях без ссылки на Конституцию <2>. Примечательно, что в докладе Швейцарии на XII Конгрессе Конференции европейских конституционных судов было отмечено, что суды, включая Федеральный Суд, обязаны безоговорочно применять федеральный закон, который они считают противоречащим Конституции, но вправе отказаться от применения этого же закона, если он противоречит Конвенции <3>.

<1> См.: Конституция Швейцарии от 18 апреля 1999 г. // Конституции государств Европы / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 3. С. 537 - 580.

<2> См.: Peters A. Supremacy Lost: International Law Meets Domestic Constitutional Law // International Journal of Constitutional Law. Oxford. 2009. N 3(3). P. 190 - 193.

<3> См.: Ален А., Рено Б., Меерсхо Ф. Отношения между конституционными судами и иными национальными судами, включая вмешательство в эту область со стороны европейских судов // Основные доклады XII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.).

Не менее значительно влияние Конвенции и решений Европейского суда в государствах Центральной и Восточной Европы.

В условиях, когда национальные компетентные органы (включая суды) достаточно медленно и с большими трудностями воспринимают концепцию прямого применения норм Конвенции с учетом их толкования Европейским судом <1>, органы конституционного контроля достаточно последовательно связывают свои выводы Конвенцией и правовыми позициями Европейского суда в решениях, касающихся гарантий основных прав человека. Многие из конституционных судов начали использовать право Конвенции в своей деятельности до принятия государствами соответствующих международных обязательств.

<1> Г. Арутюнян отметил, что для многих государств посткоммунистической демократии характерны следующие препятствия восприятия права Конвенции: они не прошли того пути развития либеральных отношений, который для Европы длился более двух столетий; в них сформировались отношения собственности совершенно иного характера, когда его владельцем был не народ или государство, а власть; в них утвердилось деформированное догматическое легистско-позитивистское правосмышление, а также в условиях однопартийности источником права стала исключительная воля политической власти (см.: Арутюнян Г. Принцип верховенства права как гарант конституционной демократии // Альманах: Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2004. С. 27, 28).

В свою очередь, восприятие права Конвенции и реализация решений Европейского суда в государствах "молодой" демократии и в связи с этим практика органов конституционного правосудия, с одной стороны, имеют особенности, схожие с практикой государств "традиционной" демократии, но, с другой стороны, отличаются значительным своеобразием. Такое своеобразие обусловлено тем, что указанные государства не проходили долгого пути взаимодействия с контрольным механизмом Конвенции и признания его авторитета в национальном правовом порядке, а во многом использовали "готовую" схему взаимоотношений с механизмом Конвенции.

Во-первых, национальными конституциями провозглашен и защищается в судебной практике конституционных судов во многом такой же круг прав, который содержится в Конвенции и обеспечивается работой Европейского суда, что обусловлено прежде всего тем, что при составлении конституций использовали в качестве образца Конвенцию.

Во-вторых, в подавляющем большинстве соответствующих государств Конвенция обладает приоритетной юридической силой перед национальным законодательством. Например, согласно Конституции Азербайджана <1> при возникновении противоречия между нормативными правовыми актами, входящими в систему законодательства Республики, исключая Конституцию и акты, принятые на референдуме, и межгосударственными договорами, стороной которых является Азербайджан, применяются международные договоры (ст. 151). Права и свободы человека и гражданина, перечисленные в Конституции, применяются в соответствии с международными договорами, стороной которых является Азербайджан (ст. 12). В Конституции Чехии <2> предусмотрено, что ратифицированные и обнародованные международные договоры о правах человека и основных свободах, принятые Чехией, являются непосредственно действующими и имеют преимущество перед внутренним законодательством (ст. 10). Согласно Конституции Словакии <3> международные договоры о правах и свободах человека, относительно которых дополнительное регулирование законом не является обязательным, а также международные договоры, прямо устанавливающие права или обязанности физических и юридических лиц, если они ратифицированы и обнародованы в порядке, установленном законом, имеют приоритет перед национальным правом (ст. 7.5).

<1> См.: Конституция Азербайджана от 12 ноября 1995 г. // <http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/>.

<2> См.: Конституция Чехии от 16 декабря 1992 г. // Конституции государств Европы / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 3. С. 500 - 519.

<3> См.: Конституция Словакии от 1 сентября 1992 г. // Там же. Т. 3. С. 144 - 150.

В-третьих, во многих государствах значительна роль конституционных судов на этапе вхождения

Конвенции в национальную правовую систему; в частности, перед принятием конвенционных обязательств указанные суды решают вопрос о том, насколько согласуется право Конвенции с национальным конституционным правом. Так, в Литве Конституционный Суд дал оценку конституционности Конвенции до ее ратификации, констатировав, что ни Конвенция в целом, ни отдельные ее положения не противоречат Конституции <1>. Им было отмечено, что ни в Конституции, ни в Конвенции нет исчерпывающего и окончательного списка прав и свобод человека и что разъяснение соотношения норм Конституции и Конвенции должно быть не только дословным, но и понятийным, логическим <2>. Конституционный Суд Армении определил конституционность Конвенции, указав при этом, что нельзя принимать положения Конвенции в качестве составной части национального законодательства, отвергая при этом функциональные полномочия международного института по официальному толкованию положений данного правового акта <3>.

<1> См.: Конституция Литвы от 25 октября 1992 г. // Там же. Т. 2. С. 332 - 362.

<2> См.: Абрамвичюс А. Практика Европейского суда по правам человека в решениях Конституционного Суда Литовской Республики // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 82, 83.

<3> См.: Арутюнян Г. Доктринальные подходы Конституционного Суда Республики Армения к решениям Европейского суда по правам человека // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 88 - 90.

В-четвертых, в рамках конституционно-судебной деятельности нередко определяется правовое положение решений Европейского суда, которые в ряде случаев прямо характеризуются как источники национального права. В частности, Конституционный Суд Литвы в своих решениях указывает на то, что практика Европейского суда является одним из источников толкования и применения права Литвы <1>. Позиция Конституционного Суда Армении заключается в том, что задача государства выражается в организационно-правовом обеспечении реализации решений Европейского суда. При этом эти решения должны неукоснительно выполняться в отношении обращений, представленных против Республики Армения, так как сама Республика взяла на себя такое международное обязательство, и правовые позиции Европейского суда по толкованию конвенционных положений должны восприниматься национальной правовой системой как источник конституционного права <2>. Конституционный Суд Латвии в 2000 г. в одном из своих решений предусмотрел: "В случаях, когда имеются сомнения о содержании входящих в Конституцию норм по правам человека, они толкуются по возможности в соответствии с интерпретацией, которая применяется в практике применения международных норм по правам человека. Практика Европейского суда... используется и при толковании соответствующих норм Конституции" <3>.

<1> См.: Абрамвичюс А. Указ. соч. С. 82, 83.

<2> См.: Арутюнян Г. Доктринальные подходы Конституционного Суда Республики Армения к решениям Европейского суда по правам человека // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. С. 88 - 90.

<3> Спале А. Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Латвийской Республики // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 76.

В-пятых, конституционные суды по собственной инициативе связывают свои правовые позиции с требованиями права Конвенции, последовательно учитывая позиции Европейского суда в своей деятельности и обеспечивая их прямое действие в национальной практике. В практике взаимодействия судов редко встречаются случаи, когда конституционные суды принимают решения, вступающие в принципиальное противоречие с решениями Европейского суда.

Так, Конституционный Суд Словакии вскоре после констатации Европейским судом нарушения Конвенции из-за законодательных ограничений права на обжалование мелких административных штрафов в судебном порядке объёмил соответствующие нормы закона противоречащими Конституции и Конвенции <1>. В другом деле Конституционный Суд Словакии разъяснил право на судебное разбирательство: "При толковании и применении частей 1 и 2 параграфа 43 Гражданско-процессуального кодекса следует учитывать неотъемлемое право сторон на судебную защиту, гарантированное в части 1 статьи 46 Конституции, и право на справедливое судебное разбирательство согласно части 1 статьи 6 Конвенции"

<2>. Кроме того, Конвенция в истолковании Европейского суда применяется при толковании национальных конституций. Например, в резолютивной части Постановления Конституционного Суда Азербайджана о толковании ст. 49 Конституции было указано, что право на свободу собрания может быть подвергнуто ограничениям, необходимым в демократическом обществе, как это предусмотрено ст. 11 Конвенции. При обосновании своего заключения суд привел решение Европейского суда, которым раскрываются условия ограничения права на свободу собрания <3>.

<1> См.: Лобов М. Прямое действие постановлений Европейского суда по правам человека во внутреннем праве: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 88.

<2> Цит. по: Мазак Я. Применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Словацкой Республики // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 218.

<3> См.: Абдуллаев Ф. Значение прецедента Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Азербайджанской Республики // Там же. С. 47 - 50.

В-шестых, законодательство ряда государств молодой демократии предусматривает широкие возможности участия конституционного суда в согласовании национального права и права Конвенции. Согласно ст. 144.1 Конституции Словакии судьи при осуществлении своих полномочий независимы и при вынесении решений связаны только Конституцией, конституционным правом, международными договорами. Также из ст. 144.2 и 125.1 Конституции следует, что, если суд полагает, что общеобязательный правовой акт, его часть или отдельные положения противоречат, в частности, международному договору о правах и свободах человека, он прерывает производство по делу и вносит предложение о возбуждении производства в Конституционном Суде Республики <1>.

<1> См.: Мазак Я. Применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Словацкой Республики // Там же. С. 218.

В данном отношении интересен опыт Чехии, где Конституционный Суд принимает решения об отмене законов или иных правовых актов, их отдельных положений, если они противоречат конституционному закону или международному договору о правах и свободах (ст. 87.1 Конституции). Если в связи с рассмотрением конкретного дела коллегия Конституционного Суда придет к выводу, что противоречие существует, судопроизводство прекращается и вносится предложение Пленуму об отмене данной правовой нормы (параграф 78.1 Закона о Конституционном Суде). Этим способом Конституционный Суд по собственной инициативе может участвовать в реализации решений Европейского суда, оперативно реагируя на установленные нарушения Конвенции. Так, под влиянием Европейского суда Пленум Конституционного Суда отменил положение Закона об уголовном судопроизводстве, согласно которому решение по жалобе относительно некоторых вопросов, касающихся наложения административного взыскания в рамках уголовного судопроизводства, принимает не суд, а прокурор. Кроме того, согласно ст. 87.1 Конституции Конституционный Суд принимает решение о мерах, необходимых для реализации решения международного суда, которое обязательно для Чешской Республики, если оно не может быть реализовано иным способом. Условия осуществления этого полномочия определены Законом о Конституционном Суде, который предусматривает, что, если международный суд установит нарушения основных прав законом или иным актом, Правительство направляет в Конституционный Суд обращение об отмене. В свою очередь Конституционный Суд Чехии формально не связан решением международного суда и может отклонить соответствующее обращение <1>.

<1> См.: Закон о Конституционном Суде Чехии от 1 июля 1993 г. // <http://www.concourt.cz/view/const_court_act>; Балик С. Опыт Конституционного Суда Чешской Республики по приведению в исполнение решений Европейского суда по правам человека // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. С. 235.

В-седьмых, сближению деятельности конституционных судов и Европейского суда во многом

содействует введенная последним практика принятия пилотных решений, которыми выявляется системный сбой в национальном праве, нередко связанный с прошлым политическим режимом страны. При этом нередко наблюдается одновременное стремление конституционного суда и Европейского суда упразднить соответствующую системную проблему. Например, Конституционным Трибуналом Польши и Европейским судом параллельно предпринимались попытки изменить польское законодательство по вопросу о механизме арендного контроля, ставящее в невыгодное положение собственников квартир и жилых домов <1>.

<1> См.: Garlicki L. Cooperation of courts: The Role of supranational jurisdictions in Europe // International Journal of Constitutional Law. Oxford. 2008. 6(3/4). P. 513.

§ 3. Участие органов конституционного правосудия
в реализации решений Европейского суда по правам человека
при осуществлении непосредственной защиты
основных прав и свобод человека

В большинстве государств - участников Конвенции конституционные суды непосредственно обеспечивают реализацию решений Европейского суда, прежде всего, при осуществлении конституционного нормоконтроля. Соответствующая деятельность обусловлена обеспечением конституционными судами защиты основных прав фактически в рамках всех своих полномочий, в связи с чем ее относят к важнейшей функции органов конституционного правосудия, несмотря на то, выполняют ли они роль законодателей в негативном или позитивном смысле. Как отмечает Ж. Робер, перед любым конституционным судом стоит проблема: как обеспечить права граждан перед лицом закона, не ослабляя его <1>.

<1> См.: Робер Ж. Развитие конституционной юстиции в Европе // Российская юстиция. 1999. N 11. С. 47.

При этом тенденцией является увеличение задач конституционных судов в связи со все более активным обеспечением ими приоритета прав и свобод человека и их эффективной защиты с учетом стандартов, провозглашенных мировым сообществом <1>. Однако осуществление защиты основных прав и свобод в рамках полномочий, связанных с нормоконтролем, имеет лишь косвенное значение для конституционно-судебной деятельности, рассматривающей в качестве основной цели обеспечение стабильности иерархии конституционно-правовых актов.

<1> См.: Куликов А.В., Герасимова Е.В. Развитие функции защиты прав и свобод человека в деятельности органов конституционной юстиции // Конституционное и муниципальное право 2007. N 10. С. 27, 28; Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 160.

Между тем концепция Конвенции как инструмента защиты основных прав человека предполагает обязанность ее государств - участников создать механизм, посредством которого соответствующее лицо может получить эффективное национальное средство защиты прав, гарантированных Конвенцией, от определенных действий государства (ст. 13 Конвенции). При этом указанное требование в большей степени распространяется на институциональную структуру государства, направленную на предоставление эффективных и доступных внутренних средств правовой защиты <1>.

<1> См.: Доклад "Группы мудрецов" Комитету Министров Совета Европы. Документ Комитета Министров СМ (2006)203 от 15 ноября 2006 г. // Документы Совета Европы о совершенствовании контрольной системы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1999 - 2006). Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 122. Конституционный Суд РФ. М., 2007. С. 122 - 143.

В этой связи нужно обратить внимание на то, что конституционное правосудие все более "энергично действует в направлении расширения основных прав человека" <1>, в том числе раздвигая границы гарантий их непосредственной защиты в своей деятельности <2>. Как отмечает Г. Арутюнян, такой процесс

является стержневым направлением развития системы конституционного контроля в европейских странах за последние 50 - 60 лет, при этом добавляя, что только так можно гарантированно обеспечить верховенство и прямое действие конституции <3>.

<1> Шайо А. Самоограничение власти. М., 2001. С. 243.

<2> См.: Шугуров М.В. Международное право прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации (ценностные и нормативные аспекты) // Журнал конституционного правосудия. 2008. N 6. С. 30; Zupancic B. Constitutional Law and European Court of Human Rights: An Attempt at a Synthesis // Constitutional Law Journal N 10 (15 June 2001). European & International Law // <www.germanlawjournal.com>.

<3> См.: Арутюнян Т.Т. Конституционное правосудие и развивающееся общество. Доклад на Первом Международном конгрессе органов конституционного контроля. Кейптаун. 23 - 24 января 2009 г. // <www.venice.coe.int/wccj/papers/ARM_Haratyunyan_Ru.pdf>.

Показателем эффективности механизма защиты основных прав в рамках конституционного правосудия является наличие у конституционных судов в ряде государств - участников Конвенции полномочий по осуществлению проверки конституционности акта правотворчества и правоприменения на основании прямого обращения граждан или их объединений, реализуемой в порядке конституционной жалобы, в целях непосредственной защиты основных прав. Тем самым частные лица наделяются правом требовать осуществления проверки конституционности законов, административных мер или судебных решений <1>. При этом наличие среди полномочий конституционного суда проверки конституционности решений административных (Австрия, Чехия) и судебных органов (ФРГ, Испания) во многом выражает суть конституционной жалобы <2> и является важнейшим показателем способности конституционных судов осуществлять непосредственную защиту основных прав. Как отмечает А. Шайо, с учетом того, что большинство дел в Италии, Германии и Испании вырастает из конкретных правовых споров и конституционное судопроизводство представляет собой своего рода кассационное судопроизводство в области конституционного права, оно в значительной части касается не законодательства, а обычного судопроизводства <3>.

<1> См.: Молотов А.В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 42; Ален А., Рено Б., Меерсхо Ф. Отношения между конституционными судами и иными национальными судами, включая вмешательство в этой области со стороны европейских судов // Материалы IV конференции конституционных судов. Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. 2002. С. 31; Zupancic B. Constitutional Law and European Court of Human Rights: An Attempt at a Synthesis // German Law Journal. 2001. N 10; <http://www.germanlawjournal.com>.

<2> Конституционные жалобы о проверке конституционности нормативных правовых актов характеризуются как смешанные жалобы, поскольку обладают признаками как абстрактного, так и конкретного обращения (см.: Николаева Т.А. Обращения граждан в органы конституционной юстиции Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10).

<3> См.: Шайо А. Самоограничение власти. М., 2001. С. 243.

Соответственно, под конституционной жалобой принято понимать специальное средство правовой защиты, посредством которого оспариваются, прежде всего, индивидуальные судебные или административные акты публичных органов и которое предоставляет отдельному лицу, считающему, что его права были нарушены, возможность обратиться в конституционный суд, правомочный подвергнуть оспариваемый акт конституционному контролю.

Такое обращение возможно в случае, если обычных средств правовой защиты в соответствующем государстве недостаточно (некоторые государства добавляют требование о том, что обжалуемая мера должна в значительной степени нарушать конституционные права и обжалуемый акт должен иметь серьезные и непоправимые последствия для заявителя соответствующей жалобы). Нередко оспаривание индивидуальных актов органов публичной власти преследует цель возмещения вреда, причиненного нарушением основных прав <1>.

<1> См.: Ален А., Рено Б., Меерсхо Ф. Отношения между конституционными судами и иными

национальными судами, включая вмешательство в эту область со стороны европейских судов // Основные доклады XII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.). Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 2002. С. 31; Николаева Т.А. Обращения граждан в органы конституционной юстиции Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10.

С учетом того, что перечни прав, гарантированных Конвенцией и национальными конституциями, нередко совпадают, органы конституционного правосудия, как правило, самостоятельно обеспечивают защиту в том числе международно признанных прав, определенных Конвенцией, с учетом практики Европейского суда посредством соблюдения или использования его решений в части содержащихся в них правовых позиций. Тем самым конституционные суды создают широкую практику толкования параметров содержания и ограничения основных прав, основанную на европейских стандартах и учитывающую национальные особенности социокультурного развития.

Соответственно, непосредственная защита основных прав в рамках процедуры конституционной жалобы является важным фактором, содействующим утверждению собственно субсидиарного (дополняющего) характера механизма европейского контроля в области прав человека. Благодаря этому Европейский суд вынужден ориентироваться на учет практики конституционных судов при разрешении спора о нарушении конвенционных прав, а также при толковании их содержания и пределов действия.

Утверждение значения конституционного правосудия как национального средства защиты основных прав, осуществляющего проверку соответствия конвенционным правам правоприменительной практики, также важно с учетом того, что в большинстве случаев нарушение прав допускают именно обычные суды, применявшие правовые нормы, не учитывая право Конвенции или учитывая его ненадлежащим образом. Как отмечает М.Б. Лобов, "самые многочисленные нарушения Конвенции связаны не с явным несоответствием законов ее положениям, а с проблемами... правоприменения. Изменения судебной практики могут, следовательно, стать необходимой мерой общего характера в целях предотвращения новых нарушений Конвенции" <1>.

<1> Лобов М.Б. Надзор за исполнением решений Европейского суда по правам человека // Вопросы применения Европейской конвенции по правам человека. Сборник докладов. М., 2000. С. 107.

В отсутствие процедуры конституционной жалобы конституционные суды мало что могут предпринять даже в отношении обозначенного Европейским судом систематического нарушения прав сложившейся практикой применения того или иного права. По замечанию Р. Уитца, в этих обстоятельствах возникает довольно абсурдный вариант действий, направленный на обеспечение предусмотренных Конвенцией прав, связанный с необходимостью использования страсбургского механизма для оказания влияния на национальную судебную власть <1>.

<1> См.: Уитц Р. Привлечение судов к суду: история соблюдения Венгрией стандартов Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 77.

Таким образом, использование института непосредственной защиты основных прав в порядке конституционной жалобы в деятельности органов конституционного правосудия способствует созданию эффективной системы внутригосударственной защиты основных прав, в том числе прав, гарантированных Конвенцией, тем самым позволяя отнести соответствующий институт к числу общих средств защиты прав для целей ст. 13 Конвенции.

В ряде случаев недостаточное признание за конституционными судами обстоятельства, связанного с возможностью осуществлять правозащитную функцию, в национальном законодательстве побудило данные органы самостоятельно пойти по пути расширения своих полномочий. При этом в определенных ситуациях практика Европейского суда оказала особое влияние на развитие процедуры конституционной жалобы. Так, в связи с рядом решений Европейского суда, рассмотревшего жалобы о чрезмерной продолжительности разбирательства в Федеральном Конституционном Суде Германии, конкретизированы требования к процедуре конституционной жалобы, в частности было предусмотрено, что суд ФРГ может отвергнуть обращение по мотивам явной необоснованности правовых претензий или ввиду нарушения должной юридической формы <1>.

<1> См.: Дела "Паамель против Германии" (1 июля 1997 г.) и "Пробстмайер против Германии" (1 июля 1997 г.) // Вопросы национального конституционного судопроизводства в решениях Европейского суда по правам человека: Обзор за 1968 - 1998 г. Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 39. Конституционный Суд РФ. М., 1999. С. 82 - 94.

Важно отметить, что характер влияния конституционного правосудия на реализацию решений Европейского суда в связи с непосредственной защитой основных прав во многом зависит от юридических характеристик процедуры конституционной жалобы, предусмотренных национальным правом. Определенная совокупность этих характеристик позволяет квалифицировать институт конституционной жалобы в соответствующем государстве как эффективное средство защиты основных прав для целей Конвенции.

К числу таких характеристик относятся, в частности, круг объектов конституционного контроля, возможные пределы их проверки на предмет конституционности, субъекты обращения, а также критерии оценки конституционности различных актов. Так, представляют интерес следующие вопросы: может ли конституционный суд оценивать конституционность правоприменительной практики? Является ли конституционная жалоба способом непосредственной защиты основных прав (без необходимого посредничества, например, судебных органов)? Можно ли рассматривать конституционную жалобу средством защиты всех основных прав, в том числе конвенционных прав?

В некоторых государствах конституционные суды обладают широким кругом возможностей в рассматриваемой сфере, что содействует их активному участию в выполнении конвенционных обязательств при осуществлении непосредственной защиты основных прав.

Показателен пример использования конституционной жалобы в практике Федерального Конституционного Суда ФРГ. В настоящее время в Германии более 95% рассматриваемых ФКС Германии дел составляют дела, принятые к производству на основе конституционной жалобы (Verfassungsbeschwerde) <1>.

<1> См.: Шольм Л. О сотрудничестве конституционных судов // Сотрудничество конституционных судов. Материалы X Конференции европейских конституционных судов. 1996. Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 3. Конституционный Суд РФ. М., 2000. С. 11; Люббе-Вольфф Г. Европейский суд по правам человека и национальные суды: дело Гергюлю // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 39 - 42.

Основным Законом ФРГ определены возможности использования конституционной жалобы в порядке прямого обращения, в том числе закреплен широкий круг субъектов обращения и объектов конституционного контроля. Так, согласно ст. 93.4 Основного Закона ФКС Германии разрешает дела по конституционным жалобам, которые могут быть поданы каждым, кто утверждает, что публичная власть нарушила одно или несколько из его основных прав, предусмотренных Основным Законом. При этом на основе конституционной жалобы могут быть оспорены фактически все акты органов публичной власти, в случае если до этого были исчерпаны все иные средства правовой защиты.

ФКС Германии идет по пути расширения возможностей граждан обращаться в суд, если они считают, что их основные права нарушены. Так, ФКС Германии, определив конституционно значимый характер Конвенции для правовой системы ФРГ, впоследствии расширил круг собственных полномочий за счет установления возможности на основании конституционной жалобы рассматривать дела о предполагаемом нарушении прав, предусмотренных Конвенцией. ФКС Германии признает за собой право оценивать конституционность судебных актов в случае, если при разрешении дела в национальном суде не принимались (недостаточно принимались) во внимание Конвенция и решения Европейского суда, на том основании, что указанные действия (бездействие) могут нарушать права, гарантированные Основным Законом, в сочетании с принципом верховенства права. Кроме того, так же, как нарушение основных прав, может расцениваться механическое исполнение решения Европейского суда, нарушающее пользующееся приоритетом право, в частности конституционное право <1>.

<1> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 14 октября 2004 г. // <<http://www.bverfg.de/entscheidimgen.html>>.

Тем самым, принимая меры для реализации решений Европейского суда в национальном

правопорядке, ФКС Германии определил собственную сферу ответственности в этом процессе, полагая в первую очередь себя эффективным средством защиты основных прав, в том числе гарантированных Конвенцией.

Институт конституционной жалобы позволяет Федеральному Конституционному Суду осуществлять действия, связанные с предупреждением обращения лиц в Европейский суд и, соответственно, направленные на избежание конфликтных ситуаций, благодаря чему ФКС Германии имеет больше возможностей влиять на выполнение международных обязательств в национальном правовом порядке, чем другие внутригосударственные органы.

Как справедливо отмечает Х.-Ю. Папир, благодаря институту конституционной жалобы внутригосударственное действие Конвенции в Германии оказывается сильнее, чем в некоторых других государствах, в которых за Конвенцией хотя и признается конституционный статус или приоритет перед простыми законами, но в которых граждане не имеют возможности подать индивидуальную жалобу в национальный конституционный суд <1>.

<1> См.: Папир Х.-Ю. Соотношение между национальным конституционным правом и Европейской конвенцией о защите прав человека с точки зрения Федерального Конституционного Суда Германии // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван: Центр конституционного права Армении, 2006. Вып. 4. С. 30.

В связи с этим с помощью процедуры конституционной жалобы (как правило, связанной с оценкой конституционности судебных актов) ФКС Германии обстоятельно анализирует и интегрирует практику Европейского суда в национальное право. В частности, в решении об экспроприации земель Федеральный Конституционный Суд непосредственно обратился к Конвенции в истолковании Европейского суда при определении гарантий собственности, предусмотренных ст. 14 Основного Закона. Отдельный раздел данного решения начинается с того, что соответствующее решение не вступает в противоречие с Конвенцией и прецедентным правом Европейского суда. Далее в рамках указанного раздела приводится анализ соотношения институтов национального права с правом Конвенции. В частности, как отмечает ФКС Германии, исходя из прецедентного права Европейского суда, ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции защищает не только собственность, уже существующую в рамках национального права (существующие владения), но и оправданные требования, на реализацию которых заявитель вправе надеяться (законные ожидания); соответствующее понимание собственности исключает зависимость от продолжения существования ранее приобретенных прав собственности, которые в течение длительного периода времени не могли эффективно осуществляться <1>.

<1> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 26 октября 2004 г. // http://www.bverfg.de/entscheidimgen.html.

В другом деле ФКС Германии при принятии решения по делу о возобновлении расследования по факту гибели сына заявителя рассматривал положения ст. 2 Основного Закона о праве на жизнь во взаимосвязи с гарантиями, установленными Конвенцией. В частности, Суд указал, что согласно практике Европейского суда выполнение обязательств по ст. 2 Конвенции, гарантирующей право на защиту жизни, в сочетании со ст. 1 Конвенции предполагает в случае гибели человека необходимость проведения эффективного официального расследования, которое должно повлечь выявление и наказание ответственного лица <1>.

<1> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 4 февраля 2010 г. // http://www.bverfg.de/entscheidimgen.html.

Вместе с тем в практике взаимодействия ФКС Германии и Европейского суда при пересечении их юрисдикции время от времени встречаются случаи расхождения позиций, о чем свидетельствует ряд примеров. В частности, в 1995 г. немецкий учитель, уволенный с публичной службы по причине его участия в Коммунистической партии в западной части Германии в 1970-х и 1980-х гг. (до ее воссоединения с восточной частью), обратился с жалобой в Европейский суд на нарушение его прав, гарантированных ст. 10 и 11 Конвенции. Европейский суд установил нарушение положений Конвенции, несмотря на то что ФКС Германии ранее отклонил аналогичную жалобу, признав конституционность такого решения <1>.

<1> См.: решение Федерального Конституционного Суда ФРГ от 7 августа 1990 г.; ЕСПЧ. "Фогт против Германии", 26 сентября 1995 г.; Tomuschat C. The Effects of the Judgments of the European Court of Human Rights According to the German Constitutional Court // German Law Journal. 2010. N 5. P. 515.

Другим известным случаем является уже приведенное решение Европейского суда по делу "Каролина фон Ганновер против Германии". По этому делу Европейский суд выразил позицию в пользу преимущественной защиты права на личную и семейную жизнь по сравнению с правом на свободу печати вопреки мнению германских гражданских судов, утвержденному Федеральным Конституционным Судом, высказавшимся в пользу преимущества права на свободу печати (если идет речь о значимых фигурах современной истории) <1>. Примечательно, что, несмотря на существующую позицию ФКС Германии, принятие данного решения Европейским судом повлекло серьезные изменения в германской судебной практике <2>.

<1> ЕСПЧ. "Каролина Фон Ганновер против Германии", 24 июня 2004 г.

<2> Верховный Суд Берлина последовал правилам толкования Европейского суда, который с учетом ст. 8.1 Конвенции оценил сферу личной жизни выше, чем ФКС Германии в решении по этому делу, в частности он наложил запрет на публикацию отпускных фотографий. В своем решении от 28 июля 2006 г. по этому вопросу Палата по гражданским делам Верховного Суда Берлина отметила: "Поскольку Европейский суд усматривает нарушение статьи 8 Конвенции именно в решениях высших германских судов, в частности в... решении ФКС от 15 декабря 1999 г., постольку специализированные суды, решая вопрос о пределах защиты известной личности во время ее появления в обществе как частного лица, находятся в весьма непростой ситуации. Несмотря на то что... решения Европейского суда не имеют обязательной силы, германские суды обязаны в первую очередь учитывать толкование Европейским судом того или иного положения Конвенции, которое может носить обобщающий и общепризнанный характер. Поэтому палата признает, что... приговор ФКС ФРГ от 15 декабря 1999 г., учитывая международно-правовые обязательства Германии, имеет относительно обязательную силу. В силу этого палата считает себя обязанной найти некое равновесие между расходящимися точками зрения" (Нере М. Европейский суд по правам человека и национальное правосудие (Германия) // На пути в Европу. Сборник материалов 5-й Международной конференции Судей (Стамбул, 2007). Стамбул, 2007. С. 85).

Нередко конвенционные обязательства, требующие наличия эффективного национального механизма защиты основных прав, определенных Конвенцией, значительно влияют на увеличение собственных возможностей конституционных судов осуществлять непосредственную защиту основных прав.

В данном отношении показательна практика Конституционного Суда Испании, среди полномочий которого важное место занимает судебная защита основных прав, инициированная ходатайством о конституционной защите (*recurso de amparo* - процедура *ампаро*).

В Испании любой гражданин вправе требовать защиты прав и свобод, определенных ст. 14 - 29 Конституции, в Конституционном Суде в рамках процедуры *ампаро*. Также посредством конституционного судопроизводства осуществляется защита при отказе от воинской службы по мотивам убеждений или вероисповедания (ст. 41.1 Закона Испании о Конституционном Суде). Между тем законодательно не определена возможность рассмотрения Конституционным Судом дел о нарушении экономических и социальных прав. При этом заявление в порядке *ампаро* может быть подано в случае, если исчерпан обычный судебный порядок разрешения конфликта.

Под влиянием практики Европейского суда национальный суд расширил объекты конституционной защиты, осуществив в некоторых случаях в отношении иных прав, не определенных законодательством в качестве возможных оснований конституционного правосудия, процедуру *ампаро*. Так, Европейский суд в 1993 году констатировал, что в Испании отсутствует прямой доступ физических лиц в Конституционный Суд для обжалования вмешательства в их право собственности, что впоследствии нашло отражение в расширении объектов конституционно-судебной защиты в Испании <1>.

<1> См.: Дело "Руис-Матеос против Испании" (извлечение) // Вопросы национального конституционного судопроизводства в решениях Европейского суда по правам человека: обзор за 1968 - 1998 годы. Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 39. Конституционный Суд РФ. М., 1999.

Критерии проверки конституционности не ограничиваются положениями Конституции, а также включают в себя Конвенцию и правовые позиции Европейского суда. Важно отметить, что в случаях, когда судебное решение нарушает Конвенцию, являются допустимыми жалобы об отмене ее толкования, противоречащего конституционным положениям <1>.

<1> См.: Мельхиор М., Куртуа К. Отношения между конституционным судом и иными судами // Основные доклады XII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.). Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 2002. С. 54.

В рамках конституционно-судебной проверки актов органов публичной власти правовые позиции Европейского суда часто используются для дополнительной аргументации итоговых выводов. В своем решении о нарушении права на судебное разбирательство Конституционный Суд использовал для аргументации своего вывода позицию Европейского суда, согласно которой Конвенция обязывает договаривающиеся государства организовать свою судебную систему так, чтобы их суды могли удовлетворять требованиям ст. 6 Конвенции, в том числе требованию получения окончательного решения в течение разумного срока <1>.

<1> Решение Конституционного Суда Испании от 21 декабря 2010 г. // <<http://www.tribunalconstitucional.es/en/jurisprudencia/restrad/Pages/ResolucionesTraducidasHome.aspx>>.

В то же время обращение Конституционного Суда к прецедентному праву Европейского суда не всегда гарантирует исключение возможности расхождения его позиции с выводом Европейского суда при обращении в него с аналогичной жалобой. Показательно дело "Гутьеррес Суарес против Испании", в котором Европейский суд установил нарушение ст. 10 Конвенции, отметив, что ограничения, установленные в этом случае для свободы выражения мнения, являются непропорциональными. В то же время Конституционный Суд, ранее рассматривая аналогичный вопрос, отклонил жалобу со ссылкой на прецедентное право Европейского суда на том основании, что не было достаточных доказательств материала опубликованной статьи, порочащей честь королевской семьи <1>.

<1> ЕСПЧ. "Гутьеррес Суарес против Испании", 1 июня 2010 г.

Достаточно возможностей использования процедуры конституционной жалобы, позволяющих квалифицировать конституционное правосудие как эффективное средство правовой защиты для целей Конвенции, также характерно для ряда других государств.

В Португалии допускается возможность обращения в Конституционный Суд с жалобой об отмене толкования Конвенции, противоречащего конституционным положениям. Согласно Закону о Конституционном Суде <1> обращение с жалобой в этот суд возможно для проверки судебного решения, которое препятствует применению норм закона на основании того, что такое решение предположительно противоречит Международной конвенции (ст. 70); обжалование судебных решений ограничивается актами, содержащими вопросы конституционно-правового и международно-правового характера (ст. 71).

<1> См.: Закон о Конституционном Суде Португалии от 15 ноября 1982 г. // <<http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/en/tclaw.html>>.

В Лихтенштейне возможно обращение с конституционной жалобой в Конституционный Суд и обжалование индивидуального решения административного или судебного органа, кроме конституционно-правовых актов Князя, выведенных из сферы судебного контроля. В Македонии также предусмотрен широкий круг возможностей использования процедуры обращения о защите основных прав и свобод, однако в рамках данной процедуры пределы проверки ограничены небольшим перечнем защищаемых конституционных прав <1>.

<1> См.: Николаева Т.А. Обращения граждан в органы конституционной юстиции Российской

Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 45, 56, 57; Мельхиор М., Куртуа К. Отношения между конституционным судом и иными судами // Основные доклады XII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.). Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. 2002. М., С. 53 - 57.

Учитывая возможности осуществления правозащитной функции конституционными судами путем процедуры конституционной жалобы, нередко конституционное правосудие рассматривается в качестве правового и процедурного инструмента, прохождение которого требуется для выполнения условия об исчерпании внутригосударственных правовых инструментов, необходимого при обращении с жалобой о нарушении прав, предусмотренных Конвенцией, в Европейский суд (ст. 35.1 Конвенции).

Включение или невключение обращения заявителя в национальный конституционный суд как обязательного условия исчерпания внутренних правовых средств зависит от дискреционного усмотрения Европейского суда, которое обуславливается, как правило, его установкой, согласно которой внутригосударственное правовое средство должно быть эффективным. При этом Европейский суд исходит из того, что внутренние средства правовой защиты, подлежащие исчерпанию до обращения в суд, должны быть доступными и достаточными для возмещения ущерба, причиненного предполагаемым нарушением.

Так, в отношении Германии сложилась практика отклонения жалоб заявителей в связи с неисчерпанием средств правовой защиты по той причине, что этим жалобам не предшествовало обращение в ФКС ФРГ. В частности, в одном из решений Европейский суд отметил: "Заявитель имел возможность и в соответствии с судебной практикой органов Конвенции обязанность направить конституционное обращение в Конституционный Суд согласно соответствующим положениям Основного Закона. В то же время обращение в Конституционный Суд может быть направлено, только если были исчерпаны обычные средства правовой защиты. Поскольку в настоящем деле заявитель не обжаловал решений участкового суда, устанавливавших срок его содержания под стражей, он пропустил срок для обращения в Конституционный Суд" <1>. В данном случае, по мнению В.А. Туманова, Европейский суд исходит в первую очередь из того обстоятельства, что Конституционному Суду ФРГ предоставлено право проверять соответствие Основному Закону окончательных судебных решений по конкретному делу <2>.

<1> ЕСПЧ. "Денкли против Германии", 21 октября 1999 г.

<2> См.: Туманов В.А. Конституционное правосудие в свете практики Европейского суда по правам человека (на примере России) // Европейское измерение национальных конституций. Значение Европейской конвенции о защите прав человека для законодательства, судебной практики и судебного конституционного контроля в Восточной и Западной Европе. Материалы международной конференции (Регенсбург, 20 - 22 июня 2002 г.) // <<http://www.concourt.am/armenian/armanakh/almanac2002/227.htm>>.

В то же время следует отметить, что указанные процедуры индивидуальных обращений характеризуются значительным разнообразием, что обуславливает различие возможностей конституционных судов участвовать в реализации решений Европейского суда. При этом далеко не во всех государствах - участниках Конвенции, в законодательствах которых предусмотрен институт конституционной жалобы, он служит эффективным способом защиты основных прав, гарантированных Конвенцией, в связи с чем конституционное правосудие в них не рассматривается в качестве меры, использование которой необходимо для принятия дела к рассмотрению в Европейском суде.

В частности, достаточно распространены ситуации, когда конституционные суды либо могут получать только запросы о решении вопроса конституционности применимого акта публичной власти от иных судов, либо по индивидуальным жалобам не проверяют конституционность судебных решений, вынесенных по конкретному делу. Такие конституционные юрисдикции не являются эффективными средствами правовой защиты в смысле ст. 35.1 Конвенции и часто не имеют возможности оперативно предотвратить нарушения Конвенции, аналогичные уже установленным Европейским судом.

Так, в Италии гражданин наделен правом конституционной жалобы, но обратиться с ней в Конституционный Суд он может только через общий суд, который рассматривал спорное дело. По этой причине конституционная жалоба в Италии, как указывает Европейский суд, не отвечает требованию доступности и эффективности и, соответственно, не может быть одним из средств правовой защиты, которые должны быть исчерпаны согласно ст. 35.1 Конвенции <1>.

<1> См.: Туманов В.А. Конституционное правосудие в свете практики Европейского суда по правам

человека (на примере России) // Европейское измерение национальных конституций. Значение Европейской конвенции о защите прав человека для законодательства, судебной практики и судебного конституционного контроля в Восточной и Западной Европе. Материалы международной конференции (Регенсбург, 20 - 22 июня 2002 г.); ЕСПЧ. "Брозжичек против Италии", 19 декабря 1989 г.; "Спадеа и Скалабрино против Италии", 28 сентября 1995 г.

Кроме того, показателен в данном отношении пример судебного конституционного контроля в Австрии, который также не отвечает требованиям эффективного средства непосредственной защиты основных прав для целей Конвенции. В частности, прямое обращение индивида в Конституционный Суд возможно лишь в случае необходимости обжалования решения последней административной инстанции, и только в связи с этим может ставиться вопрос относительно неконституционности такого акта. Так, стороны вправе подать жалобы в Конституционный Суд против формального решения высшей административной инстанции с указанием, что административный акт нарушает гарантируемое конституционным законом право (ст. 144 Конституции). При этом австрийские судебные акты не могут обжаловаться путем использования конституционной юрисдикции, и, соответственно, акты правосудия не подчиняются никаким специальным формам правового контроля соблюдения основных прав.

Австрийское законодательство не предоставляет также возможности для прямого обращения в Конституционный Суд для целей оценки конституционности закона, примененного в рамках обычного судебного разбирательства (стороны в процессе имеют лишь возможность ставить вопрос в ходе разбирательства о том, чтобы суд направил в Конституционный Суд ходатайство об отмене закона, нарушающего основные права) <1>.

<1> См.: Визер Б. Защита прав человека в Австрии // Государство и право. 1993. N 1. С. 104.

Отдельное внимание обращает на себя пример Федерального Суда Швейцарии, который осуществляет оценку индивидуальных актов публичной власти в данном государстве на основе жалобы заинтересованного лица на нарушение конституционных прав (ст. 189 "а" Конституции), являющейся единственной формой абстрактного контроля конституционности. Принимая во внимание то, что критериями проверки жалобы Федеральным Судом являются и Конституция, и федеральные законы, Федеральный Суд придает особое значение праву Конвенции для разрешения дел.

При оценке актов публичной власти Федеральный Суд, как правило, соотносит их с Конвенцией в истолковании Европейского суда практически во всех решениях. Например, в одном из решений суд подчеркнул, что тайна телефонных переговоров, гарантированная Федеральной Конституцией и Конвенцией, может подвергаться определенным ограничениям, однако в данном деле строгие условия, установленные Конституцией и Конвенцией, были соблюдены, поэтому записи переговоров могут быть использованы <1>. В другом своем решении суд отметил, что заповедь, соблюдаемая убежденными последователями ислама, которая запрещает разнополым детям плавать вместе, связана с защитой свободы религии, гарантированной ст. 49 Конституции и ст. 9 Конвенции <2>.

<1> См.: решение Федерального Суда Швейцарии от 2 мая 1996 г. // Решения зарубежных конституционных судов. Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 21. Конституционный Суд РФ. М., 1998. С. 94.

<2> См.: решение Федерального Суда Швейцарии от 18 июня 1993 г. // Там же. Вып. 19. С. 87.

В указанных государствах конституционный суд играет весьма ограниченную роль в обеспечении соблюдения стандартов страсбургской судебной практики в конкретных случаях, касающихся прав и свобод отдельных лиц и их объединений.

Очень немногие постсоциалистические государства восприняли институт конституционной жалобы в том виде, в котором он действует, в частности, в Германии, позволяющим его считать эффективным средством защиты от нарушения индивидуальных конституционных прав актами или действиями публичных властей.

Так, в Словакии важным фактором обеспечения эффективной реализации гарантий, содержащихся в Конвенции, является конституционный контроль соответствия решений судов общей юрисдикции нормам Конвенции в рамках института конституционной жалобы (ст. 127 Конституции). Если суд общей юрисдикции своим решением нарушит, например, положения ст. 6 Конвенции (наиболее часто встречающиеся дела),

Конституционный Суд обязан будет не только установить это, но и отменить такое решение; если посягательство на норму ст. 6 происходит путем бездействия, Конституционный Суд может вынести предписание суду общей юрисдикции предусмотреть соответствующие действия. Конституционный Суд также может направить дело на новое разбирательство, установив запрет на продолжение осуществления посягательства на соответствующую норму Конвенции. Данный суд вправе присудить заявителю соответствующую денежную компенсацию. В процессе определения характера нарушения Конвенции Конституционный Суд принимает во внимание решения Европейского суда <1>.

<1> См.: Мазак Я. Применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Словацкой Республики // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 220.

В качестве другого примера можно указать процедуру конституционной жалобы в Хорватии, которая используется в большей части рассматриваемых конституционным судом дел и в рамках которой преимущественно оспариваются индивидуальные правоприменительные акты компетентных органов, в том числе решения судов, акты центральных органов исполнительной власти, других субъектов публичного права <1>. Во многом аналогичная практика складывается также в Чехии и Словении.

<1> См.: Омеич Я. Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Республики Хорватия // Там же. С. 152.

Вместе с тем в большинстве государств постсоциалистической демократии наблюдается тенденция использования института конституционной жалобы, в первую очередь в целях проверки конституционным судом конституционности законов, примененных при рассмотрении дел обычными судами, что не характеризует соответствующую процедуру в качестве эффективного средства защиты прав для целей Конвенции <1>. В частности, в Венгрии граждане могут в настоящее время подавать конституционные жалобы лишь в случае применения в конкретном деле неконституционной нормы. При этом конституционность конкретного судебного толкования и применения правовых норм, которые сами по себе соответствуют Конституции, не может быть оспорена в Конституционном Суде. Аналогичные возможности конституционно-судебной деятельности характерны для Польши, Латвии, Армении <2> и других государств.

<1> См.: Solyom L. The role of Constitutional Courts in the transition to democracy // International sociology (Eotvos Lorand University). Budapest. 2003. N 18(1). P. 146.

<2> Г.Г. Арутюнян прямо указывает на ущербность института индивидуальной жалобы в Армении, причиной чему является то, что каждое лицо может представить в Конституционный Суд индивидуальную жалобу только по вопросу конституционности примененного в отношении его положения закона; при этом обращает на себя внимание вопрос, как поступить в том случае, когда, к примеру, конституционное право человека попрано не по причине неконституционности нормы закона, а по причине неправильного толкования и применения данной нормы судебной практикой. Справедливо отмечается то, что без внедрения института индивидуальной жалобы с широким кругом объектов конституционного контроля невозможно преодолеть конституционно-правовые пробелы, которые могут воспроизводиться в искаженной форме, когда они преодолеваются на уровне судебной практики судов общей юрисдикции, оценка конституционности которой выведена за рамки конституционного контроля (см.: Арутюнян Г.Г. Конституционное правосудие и развивающееся общество. Доклад на Первом Международном конгрессе органов конституционного контроля (Кейптаун. 23 - 24 января 2009 г.) // <www.venice.coe.int/wccj/papers/ARM_Harutyunyan_Ru.pdf>).

В современный период увеличению в практике значения непосредственной защиты основных прав с использованием процедуры конституционной жалобы, выражающей современный характер конституционного правосудия, содействует усиление активности Европейского суда. Показательно, что конституционную жалобу принято характеризовать как лучшее средство взаимодействия конституционных судов и Европейского суда по вопросам защиты прав частных лиц от их нарушения публичными актами и действиями <1>. Реализация правозащитной функции органами конституционного правосудия посредством процедуры конституционной жалобы во многом сравнима со способом защиты основных прав и свобод в

форме жалобы (индивидуального обращения) в рамках Конвенции благодаря наличию общих черт, характеризующих соответствующие уровни защиты основных прав.

<1> См.: Arnold R. The emergence of European Constitutional Law // Electronic Journal of Comparative Law. 2007. N 11(3); <<http://www.ejcl.org>>; Zupancic B. Constitutional Law and European Court of Human Rights: An Attempt at a Synthesis // German Law Journal. 2001. N 10; <www.germanlawjournal.com>; Уитц Р. Привлечение судов к суду: история соблюдения Венгрией стандартов Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 74.

Так, концепция "конституционной жалобы" обычно связана с национальной конституционной защитой основных прав, если исчерпаны все доступные индивиду средства правовой защиты, в целях возмещения вреда в случае нарушения права. В свою очередь, Конвенция предусматривает международное средство защиты основных прав, сравнимое с национальной конституционной жалобой, предоставляющее частным лицам право на индивидуальную жалобу в Европейский суд в связи с нарушением прав, гарантированных Конвенцией. При этом обращение в суд выполняет функцию индивидуальной жалобы, когда национальное право не гарантирует надлежащей защиты прав, а результатом нередко является назначение денежной компенсации. В связи с этим указанные средства правовой защиты решают одни задачи и отличаются субсидиарным (дополняющим) характером по отношению к иным национальным средствам защиты основных прав.

Этим обозначается взаимосвязь между правозащитной функцией конституционного суда и наднациональной защитой прав, гарантированных Конвенцией, что в определенной мере содействует сближению правовых систем и, соответственно, их лучшему взаимодействию, в том числе по вопросам повышения эффективности взаимного учета вырабатываемых национальной и наднациональной судебной практикой стандартов.

В тех государствах, где развит институт конституционной защиты, к которому существует прямой доступ граждан, и в качестве объектов конституционного контроля могут быть разные действия и решения органов публичной власти, конституционное правосудие играет первостепенную роль в проведении конвенционных стандартов защиты прав в национальный правовой порядок. При этом использование указанной процедуры во многом способно предупредить поступление обращения в Европейский суд, а также необходимость его рассмотрения данным судом. Такая практика в ряде случаев позволяет избежать возможных конфликтных ситуаций, вызванных необходимостью принятия мер в результате вынесения Европейским судом решений, не отвечающих национальным суверенным интересам.

В отношении государств, в правовых системах которых предусмотрено подобное средство защиты прав, общее число поступивших и рассмотренных жалоб в Европейском суде меньше по сравнению с другими государствами - участниками Конвенции <1>.

<1> Для сравнения: в 2009 году количество нарушений Конвенции в ФРГ, установленных Европейским судом, - 18, в то время как в Италии - 61; в период с 1959 по 2009 г. в ФРГ - 99, а в Италии - 1556. (См.: Tomuschat C. The Effects of the Judgments of the European Court of Human Rights According to the German Constitutional Court // German Law Journal. 2010. N 5; <www.germanlawjournal.com>.)

Представляется, что указанное обстоятельство является важным поводом, стимулирующим необходимость создания эффективного механизма защиты основных прав, в том числе при участии конституционного правосудия, в целях решения вопросов защиты прав на национальном уровне и использования международного судебного механизма в самых исключительных случаях.

При этом наличие института конституционной жалобы в национальной правовой системе, отвечающего требованиям эффективности указанной защиты для целей Конвенции, обеспечивает конституционным судам во многих государствах больше возможностей для их активного участия в проведении стандартов Конвенции и практики ее толкования в национальные правовые системы. Благодаря этому указанный институт непосредственной защиты основных прав в конституционно-судебной деятельности прямо содействует достижению конечной цели, преследуемой системой европейского контроля: обеспечение возможности для граждан государств - участников Конвенции в полной мере отстаивать свои конвенционные права в рамках их внутренних правовых систем.

ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовая система Российской Федерации, получившей статус государства - члена Совета Европы 28 февраля 1996 г. и принявшей обязательства в рамках Конвенции 30 марта 1998 г. <1>, стала испытывать влияние права Конвенции уже с начала 1990-х гг. при переходе страны к новому политико-правовому укладу, связанному с развитием демократического порядка. В частности, текст Конвенции учитывался участниками Конституционного совещания при подготовке проекта Конституции РФ наряду с другими международными актами в сфере прав человека. В 1994 году группой экспертов в области прав человека было отмечено, что каталог прав и свобод, предусмотренный Конституцией, отражает положения международных инструментов по правам человека, включая Конвенцию <2>.

<1> См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" (далее - Федеральный закон N 54-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. N 14. Ст. 1514; Конвенция и Протоколы к ней вступили в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г. (в день сдачи ратификационной грамоты Генеральному секретарю Совета Европы).

<2> См.: Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М., 2010. С. 57 - 59.

Конституционный Суд Российской Федерации (Конституционный Суд РФ, Суд РФ), как и органы конституционного правосудия многих государств - участников Конвенции, играет особую и в ряде случаев решающую роль среди других национальных органов в процессе реализации решений Европейского суда <1>. Им учитывается влияние права Конвенции на развитие международного права и национальных правовых систем, а также опыт реализации решений Европейского суда в конституционно-судебной деятельности, прежде всего, государств с устойчивыми демократическими традициями, основанных на ценностях и принципах правового государства, уважении достоинства личности и верховенстве неотъемлемых прав человека.

<1> Впервые положения об участии судебных органов в выполнении международных обязательств были предусмотрены ст. 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" (далее - Закон о судебной системе) (СЗ РФ. 1997. N 1. Ст. 1); Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" (СЗ РФ. 1995. N 29. Ст. 2757) в разд. IV, касающемся выполнения международных договоров РФ, не содержит положений об участии судебных органов в применении норм международных договоров.

Обеспечение Судом РФ выполнения требований права Конвенции в первую очередь основывается на конституционных нормах, которыми определены правовые начала интеграции России в международное (европейское) правовое пространство, а также имплементации международно-правовых актов в национальное право при участии внутригосударственных органов. Конституцией РФ предусмотрено, что Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации (ст. 79); каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46).

Кроме того, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. При этом на основании ч. 1 ст. 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. Также согласно ч. 1 ст. 55 Конституции РФ перечисление в Конституции основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Из указанных конституционных положений следуют выводы, имеющие теоретическое и практическое значение для определения места Конвенции в национальном праве. Во-первых, вопрос о признании

Конвенции в качестве части российской правовой системы решается на основе положений Конституции РФ. Во-вторых, Конвенция, являясь международным договором, занимает в российском праве положение выше обычного законодательства. В-третьих, системная оценка приведенных положений позволяет заключить, что Конвенция как акт, регулирующий сферу защиты прав и свобод человека, провозглашенных ст. 2 Конституции РФ в качестве высшей ценности, в сравнении с другими международными договорами, занимает более высокое положение, сильно приближаясь к конституционному уровню. Тем самым Россия по признаку соотношения юридической силы положений Конвенции и норм внутреннего права государства относится скорее к группе таких стран, как Франция, Бельгия, Испания.

Вместе с тем в связи с действующим конституционным регулированием возникают вопросы, не имеющие однозначного решения в отечественной науке. В частности, недостаточно ясно, что предполагает норма ч. 1 ст. 17, касающаяся признания и гарантирования прав и свобод только согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в контексте ч. 4 ст. 15, провозглашающей составной частью российского права также международные договоры, к которым относится Конвенция. Представляется также закономерным вопрос о соотношении прав, гарантированных Конвенцией как международным актом регионального характера, с общепризнанными правами и свободами, упомянутыми ч. 1 ст. 55 Конституции РФ.

Кроме того, конституционно-правовые нормы не вызывают единомыслия относительно соотношения Конвенции с Конституцией РФ: в данном случае существует три основных подхода. Первый подход основан на подчинении норм международного права, инкорпорированных в российское законодательство, приоритету Конституции РФ и предполагает возможность их применения только в случае отсутствия противоречия их конституционным требованиям <1>. Вторая точка зрения связана с утверждением превосходства международных договоров, закрепляющих права и свободы человека и гражданина, над нормами Конституции РФ, прежде всего содержащимися в гл. 2 "Права и свободы человека и гражданина" Конституции <2>.

<1> См.: Комментарий к Федеральному закону "О международных договорах Российской Федерации" / Под ред. Д.А. Шлянцева. М., 2006. С. 9.

<2> См.: Интервью с профессором Б.Н. Топорным // Законодательство. 2003. N 6. С. 7; Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право РФ: Курс лекций. Основы теории конституционного права. Ч. 1. М., 2004. С. 120.

Между тем взаимосвязанная оценка приведенных конституционных положений, а также отсутствие конституционно-правовых оснований признания более высокой юридической силы международных норм по отношению к национальным конституционным нормам скорее позволяют обратиться к третьему подходу (наиболее справедливому с нашей точки зрения), предполагающему уравнение конституционных и конвенционных норм по своему правовому значению. Такая позиция наиболее приемлема также потому, что общая ориентация конституционно-правового разрешения вопроса о месте Конвенции должна учитывать необходимость построения и обеспечения функционирования национального права таким образом, чтобы оно не только не расходилось с правом Конвенции, но и содействовало его реализации.

Так, В.Д. Зорькин отмечает: "На основании статьи 15 Конституции РФ Конвенция включена в российскую правовую систему в качестве международного договора, имеющего приоритет над внутренним законодательством. В то же время можно утверждать, что в России Конвенция - в силу статьи 17 Конституции РФ - действует в качестве конституционного инструмента признания и защиты прав и свобод человека и гражданина, то есть в качестве конституционного права" <1>. Как указывает Н.В. Витрук, Конвенция, закрепляя общепризнанные права и свободы человека и гражданина, в силу положений ст. 15, 17 и 55 Конституции РФ по юридической силе приравнивается к Конституции РФ <2>. М.В. Шугуров, придавая особое значение таким международным соглашениям, как Конвенция, по отношению к иным заключенным Российской Федерацией соглашениям, отмечает, что при всей их приоритетности перед национальными законами они не могут рассматриваться как находящиеся по своей юридической силе на одну ступеньку ниже по сравнению с Конституцией РФ. При этом по своей юридической силе международные договоры в области прав человека равны Конституции РФ и входят в Конституцию РФ в ее широком понимании, то есть имеют не только конституционное значение, но и конституционную силу. Они являются составной частью российской правовой системы именно в таком статусе - не "выше", но и не "ниже" Конституции РФ <3>.

<1> Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. N 12. С. 23.

<2> См.: Витрук Н.В. О некоторых особенностях использования решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 84.

<3> См.: Шугуров М.В. Международное право прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации (ценностные и нормативные аспекты) // Журнал конституционного правосудия. 2008. N 6. С. 4, 35.

Еще более неоднозначной является дискуссия, связанная с определением статуса решений Европейского суда и содержащихся в них правовых позиций, с учетом отсутствия конституционно-правового регулирования юридических характеристик и правовых последствий актов международных судебных органов. Так, Федеральный закон N 54-ФЗ ограничился признанием обязательной юрисдикции Европейского суда по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией их положений. В особенности проблемными остаются вопросы о статусе решений Европейского суда, вынесенных по жалобам против России, прежде всего в части толкования Конвенции, и их значении и правовых последствиях в национальном праве, о форме и пределах их обязательности по сравнению с правовыми позициями в решениях, вынесенных в отношении других государств - участников Конвенции.

Осложняет эту дискуссию отсутствие в научно-теоретической мысли единого подхода к вопросам значения судебной практики для национального права, направлениями которой является определение источника права исключительно как внешней формы установления правовой нормы, осуществляемой законодателем, и отрицание прецедентного значения любых судебных актов <1>.

<1> См.: Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. М., 1999. С. 19; Канашевский В.А. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. N 4. С. 123.

В этом свете для национального права характерно наличие различных оценок того, как национальные органы связаны решениями Европейского суда и какие есть пределы такой связанности. При этом мнения существуют прямо противоположные: начиная с признания обязательного значения всех решений (правовых позиций) Европейского суда и заканчивая позицией об их рекомендательном характере. При этом наиболее компромиссным представляется подход, в рамках которого статус решений Европейского суда в части толкования Конвенции по делам с участием России имеет принципиальные отличия от статуса решений, вынесенных по жалобам против других государств - участников Конвенции.

Так, Я.С. Кожеуров указал, что такие решения не просто должны учитываться национальными судами, но являются для них обязательными; остальные же постановления Европейского суда должны учитываться, но не имеют для России обязательного характера <1>. А.Л. Бурков отмечает, что дела в отношении России являются юридически обязательными для России в плане резолютивной части решений и правовых позиций; правовые позиции постановлений против других государств должны учитываться в силу нецелесообразности их игнорирования и желания избежать возможных в будущем отрицательных постановлений <2>.

<1> См.: Кожеуров Я.С. О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" // Журнал международного частного права. 2004. N 1. С. 4 - 6.

<2> См.: Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М., 2010. С. 71, 72.

В связи с этим поиск оптимального подхода к определению соотношения конституционного права и права Конвенции, правового статуса решений Европейского суда в национальном праве является важным направлением деятельности Конституционного Суда РФ, который с момента начала своего функционирования стал оказывать регулирующее влияние на взаимодействие национального и международного права.

Первое Постановление Конституционного Суда (РСФСР) в связи с этим было вынесено в 1992 году.

Согласно ему суды обязаны оценивать подлежащий применению закон с точки зрения его соответствия принципам и нормам международного права при обнаружении противоречия между Конституцией и другими законами <1>. Тем самым были заложены основы непосредственного применения норм международного права в национальной правовой системе.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1992 г. N 2-П "По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР" // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 13. Ст. 669.

После введения в действие Конституции РФ 1993 г. Конституционный Суд РФ принял несколько важных решений, осуществив широкое толкование ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, касающейся права обращения в межгосударственные органы после исчерпания внутренних средств правовой защиты. Так, в Постановлении от 2 февраля 1996 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова" <1> предусмотрено: "Решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации и, следовательно, открывают дорогу для полномочий последних по повторному рассмотрению дела в целях изменения ранее состоявшихся по нему решений, в том числе принятых высшей внутригосударственной судебной инстанцией. Было бы нелогично отрицать указанные полномочия в случаях, когда необходимость изменения судебных решений может быть выявлена без подключения межгосударственных органов".

<1> СЗ РФ. 1996. N 7. Ст. 701.

По мнению некоторых ученых, такие выводы Суда РФ демонстрируют шаг к признанию решений международного судебного органа, принятых в отношении России, в качестве источников национального права, а также предоставляют правовые основания для непосредственного применения норм международного права российскими судами <1>.

<1> См.: Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика Европейского суда по правам человека в российской правовой системе // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 4. С. 130.

После ратификации Конвенции в 1998 году Конституционный Суд РФ сформулировал ряд правовых позиций, определяющих статус права Конвенции в национальной правовой системе. В решениях 2001 года <1> Суд РФ сделал некоторые выводы в свете ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

<1> СЗ РФ. 1996. N 7. Ст. 701. См. также: Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. N 43-О "По жалобе гражданки Саломатовой Ольги Тимофеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ. 2001. N 15. Ст. 1531.

Во-первых, Российская Федерация обязалась привести в полное соответствие с обязательствами, вытекающими из Конвенции, являющейся частью правовой системы, не только законодательство, но и судебную и другую правоприменительную практику.

Во-вторых, все национальные акты должны рассматриваться и применяться в непротиворечивом нормативном единстве с требованиями Конвенции; иное расходилось бы с их действительным конституционно-правовым смыслом и привело бы вопреки требованиям ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и воле федерального законодателя, ратифицировавшего Конвенцию, к блокированию ее действия на территории Российской Федерации. Тем самым, по справедливому замечанию исследователей, Суд РФ признал толкование в соответствии с Конвенцией обязательным для законов, но не оговорил, должна ли гл. 2 Конституции РФ толковаться в соответствии с Конвенцией <1>.

<1> См.: Коротеев К. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в

постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (московский период) // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 4. С. 97.

Важным этапом в определении значения права Конвенции в части обязательной силы решений Европейского суда является принятие Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. N 2-П "По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан" <1>, где предусмотрено следующее: "Ратифицируя Конвенцию, Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского суда обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов... как и Конвенция, решения Европейского суда - в той части, в какой ими, **исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование** содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод... являются составной частью российской правовой системы, а потому **должны учитываться** федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права" (выделено мной. - С.Г.).

<1> СЗ РФ. 2007. N 7. Ст. 932.

Данное Постановление Суда РФ вызвало как отрицательную, так и положительную реакцию. Как отметил К. Коротеев, данное решение в корне изменяет положение не только Конвенции, но и любых других международных договоров в российском праве: если договор "является составной частью правовой системы", то российским органам власти его стоит лишь "учитывать" (а не соблюдать, как требовалось ранее), то есть он более не является для них обязательным; по мнению Суда РФ, следует учитывать не все страсбургские решения, а лишь толкующие права, гарантированные Конвенцией, на основе общепризнанных принципов и норм международного права. Однако последние решения являются достаточно редкими, при этом и такие решения подлежат только учету <1>. А.Л. Бурков видит в этом Постановлении положительные стороны: в отличие от законодателя, Суд РФ не ограничил юридическую силу постановлений Европейского суда только делами, в которых Россия является стороной. Используемое Судом РФ выражение говорит о том, что толкование Конвенции Европейским судом является обязательным для правоприменительных органов вне зависимости от того, в каком постановлении или решении находится толкование Конвенции. Суд РФ пришел к выводу, что в дополнение к тексту Конвенции решения Европейского суда являются частью правовой системы, другими словами, они были признаны источниками российского права и правоприменительной практики <2>.

<1> См.: Коротеев К. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (московский период) // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 4. С. 99.

<2> См.: Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика Европейского суда по правам человека в российской правовой системе // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 4. С. 131, 132.

Представляется, что рассматриваемое Постановление Суда РФ является серьезным вкладом в развитие правовой определенности вопроса о юридической силе решений Европейского суда в национальном праве, которое в то же время обозначило ключевые проблемы, препятствующие надлежащей реализации решений Европейского суда. Среди таких проблем: чему должны соответствовать акты международного судебного органа, чтобы быть адекватно воспринятыми на национальном уровне, и в какой степени ими могут быть связаны внутригосударственные органы.

Из приведенного решения Суда РФ можно заключить, что своими выводами он показывает отрицательное отношение к "механическому" следованию всем решениям Европейского суда. Этому свидетельствует фактически сделанная им оговорка к признанию решений Европейского суда в части содержащегося в них толкования Конвенции составной частью национальной правовой системы наряду с Конвенцией и, соответственно, к согласию с их обязательным значением в национальном праве; предъявление к национальным органам требования учета соответствующих решений Европейского суда в

части содержащихся в них правовых позиций.

Вследствие этого Постановления Суда РФ особенно острой стала дискуссия о том, что предполагает собой соответствие решений Европейского суда общепризнанным принципам и нормам международного права, и о соотношении последних с нормами Конвенции.

Конституционный Суд РФ в своей практике приближает положения Конвенции к статусу общепризнанных принципов и норм международного права. В 2005 году Конституционный Суд РФ отметил, что судебная практика, представляющая собой рассмотрение и разрешение дела в отношении прав и обязанностей лица, не привлеченного к участию в деле, противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, гарантирующим каждому право на справедливое правосудие (п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 2 ст. 4 Протокола N 7 к данной Конвенции) <1>. В своем Определении в 2006 году Суд РФ, обращаясь к раскрытию гарантированного Конституцией РФ права на судебную защиту и воспроизводя свои правовые позиции, подчеркивает, что они корреспондируют с относящимися к общепризнанным принципам и нормам международного права положениями международных договоров Российской Федерации, в числе которых положения ст. 6 Конвенции <2>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. N 11-П "По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры "Дом культуры им. Октябрьской революции", открытого акционерного общества "Центрнефтехимремстрой", гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области" // СЗ РФ. 2005. N 48. Ст. 5123.

<2> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. N 22-О "По жалобе закрытого акционерного общества "Промышленно-финансовая корпорация "Томич" на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 4 части 2 статьи 39 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ. 2006. N 15. Ст. 1643.

Вместе с тем представляется неоправданным приравнивать Конвенцию к обозначенным источникам международно-правового регулирования; в данном случае следует согласиться со следующими аргументами: Конвенция относится к договорному, а не к обычному международному праву и не является универсальным актом, поскольку распространяется на государства европейского континента (при этом Республика Беларусь не ратифицировала Конвенцию); способность Конституционного Суда РФ признавать то или иное положение международно-правового акта общепризнанным ("для себя и в данном деле") лишила бы его своего содержания (тем более Суд РФ соотносил с общепризнанными нормами только положения ст. 6 Конвенции) <1>.

<1> См.: Коротеев К. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (московский период) // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 4. С. 96; Зимненко Б.Л. Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие // Российская юстиция. 2003. N 9. С. 8.

В этом свете обратим внимание на определение того, что следует понимать под общепризнанными принципами и нормами международного права, четкий перечень которых не установлен ни одним правовым актом. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" <1> под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. К общепризнанным принципам международного права, в частности, относится принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений. Так, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, 1970 года <2> содержит ряд принципов, включая суверенное равенство государств, означающее, что каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету; каждое государство имеет

право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы; каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами.

<1> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 12.

<2> Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г., Резолюция 2625(XXV) 1883-го пленарного заседания Генеральной Ассамблеи ООН // <http://www.un.org/m/docmments/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml>.

Таким образом, в рамках подхода Суда РФ юридическая сила решений Европейского суда в определенном смысле зависит от их соответствия общепризнанным принципам и нормам международного права; при этом в случае их соответствия (отсутствия противоречия) они юридически обязательны, что выражено в необходимости их учета. Вместе с тем остается неопределенным механизм установления такого соответствия; полагаем, что предлагаемое Конституционным Судом РФ понимание юридической силы решений Европейского суда прежде всего открывает дорогу для самого Суда РФ определять "доброкачественность" таких актов на основе баланса между национальными суверенными интересами и выполнением международных обязательств.

Тем самым не все решения Европейского суда в части толкования Конвенции, включая те, которые приняты по жалобам против России, подлежат обязательному принятию во внимание национальными органами. Между тем собственно термин "учет" может означать различные варианты поведения (например, как простое упоминание (цитирование) права Конвенции, так инеукоснительное следование ему), что допускает широкую свободу усмотрения для действий по реализации решений Европейского суда. Кроме того, остался неразрешенным вопрос об их соотношении с национальными конституционными актами.

Во многом переломным этапом конституционно-судебной практики в определении статуса права Конвенции в национальном правовом порядке стал 2010 год. В этот период были сформулированы некоторые подходы Суда РФ по вопросам: правовых последствий решений Европейского суда, вынесенных против России; юридических характеристик решений Европейского суда в части содержащегося в них толкования Конвенции, связанного с их прецедентно обязывающим характером; правовой природы судебного механизма Конвенции.

В своем Постановлении от 26 февраля 2010 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой" (далее - Постановление N 4-П) <1> Суд РФ сосредоточился на статусе решений Европейского суда, вынесенных по жалобам против России, сформулировав следующие позиции на основе Постановления Европейского суда по делу "Бурдов против России" (N 2).

<1> СЗ РФ. 2010. N 11. Ст. 1255.

1. Обязательный для России характер решений Европейского суда вытекает в том числе из ст. 46 Конвенции, в силу которой ратифицировавшее ее государство обязуется исполнять окончательные постановления Европейского суда, в которых это государство является стороной.

2. Статья 46 Конвенции возлагает на государство-ответчика правовое обязательство не только произвести заинтересованным лицам выплаты за признанное постановлением Европейского суда нарушение, но и принять меры общего характера, а если необходимо - индивидуальные меры с тем, чтобы в национальной правовой практике положить конец этому нарушению и устранить, насколько возможно, его последствия, причем такие меры должны предприниматься и в отношении других лиц, оказавшихся в положении заявителя, право которого Европейский суд признал нарушенным.

3. Средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться правовое обязательство, вытекающее из ст. 46 Конвенции, избираются самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского суда.

4. Исходя из особенностей полномочий Европейского суда, осуществляющего свою деятельность на основе принципа субсидиарности, и специфики рассматриваемых им дел, не всякое его решение, обязывающее государство-ответчика выплатить соответствующую денежную компенсацию, обеспечивает

тем самым и полное восстановление нарушенного права - Европейский суд только констатирует нарушение положений Конвенции в отношении заявителя, но не вправе принять дальнейшие меры, с тем чтобы устранить его. Эффективное восстановление нарушенного права может блокироваться вступившим в законную силу национальным судебным актом, в связи с вынесением которого заявитель обратился в Европейский суд и который является обязательным на территории соответствующего государства и должен исполняться.

5. Поскольку национальный судебный акт не подлежит пересмотру в системе международной юрисдикции, принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления Европейского суда, в том числе констатирующие такие нарушения Конвенции, для устранения которых требуется отмена судебных актов, вынесенных в рамках национальной юрисдикции, обуславливает введение в национальном законодательстве механизма восстановления прав заинтересованных лиц.

Полагаем, что Постановлением N 4-П Суд РФ обозначил особую степень обязательности решений Европейского суда, которыми констатируется нарушение Россией Конвенции, в части содержащихся в них правовых позиций, в сравнении с другими решениями (правовыми позициями) Европейского суда, тем самым уточнив свою позицию, высказанную в Постановлении 2007 года N 2-П, Суд РФ утвердил то, что неотъемлемым элементом статуса таких решений являются их правовые последствия, выраженные в необходимости принятия мер общего и индивидуального характера. Эти выводы воспроизводят положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ, в отношении которого Конституционный Суд РФ отметил, что оно обязывает суды действовать в пределах своей компетенции таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств Российской Федерации как участника Конвенции <1>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. N 20-П "По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" в связи с жалобами граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова" // СЗ РФ. 2010. N 50. Ст. 6808.

Важно отметить, что Суд РФ подчеркнул общность в правовом статусе конституционной и европейской юрисдикции в связи с правовыми последствиями их решений: "Поскольку права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией, - это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции РФ, подтверждение их нарушения соответственно Европейским судом и Конституционным Судом РФ - в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения - предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального механизма исполнения принимаемых ими решений" <1>.

<1> Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой" // СЗ РФ. 2010. N 11. Ст. 1255.

Как отметил Н.С. Бондарь, этим заключением, пожалуй, впервые национальный орган конституционного правосудия Европы в лице Конституционного Суда РФ сделал столь определенный вывод на предмет юридической природы конвенционных прав и свобод; речь идет о признании принципиальной идентичности конвенционных и национальных конституционных прав и свобод. Указанным автором делается вывод о том, что, таким образом, наряду с едиными сущностными характеристиками конвенционных и конституционных прав признается общая природа ЕСПЧ и национального органа конституционного правосудия, а также возможность использования единого институционального механизма исполнения решений этих органов по защите прав и свобод человека и гражданина; это получило свое подтверждение, в частности, в признании тем же Постановлением Конституционного Суда РФ за решениями ЕСПЧ значения вновь открывшихся обстоятельств и на этой основе - возможности пересмотра по заявлению гражданина судебного постановления в случае, если ЕСПЧ будет установлено нарушение Конвенции <1>.

<1> См.: Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. N 10. 2011. С. 45.

Оказывая влияние на восприятие права Конвенции в национальной правоприменительной и

правотворческой практике, Конституционный Суд РФ определяет ориентиры его применения и, соответственно, реализации решений Европейского суда в рамках собственной деятельности.

Конституционный Суд РФ стал ссылаться на право Конвенции до принятия Россией конвенционных обязательств, ориентируя на него свои выводы, при этом первоначально такое обращение ограничивалось только цитированием положений Конвенции и Протоколов к ней <1>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. N 9-П "По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы" // СЗ РФ. 1996. N 16. Ст. 1909; Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. N 9-П "По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан" // СЗ РФ. 1998. N 12. Ст. 1459.

После ратификации Конвенции Конституционный Суд РФ все чаще стал обращаться к ней, а также к решениям Европейского суда <1>, рассматривая право Конвенции в качестве "эталона, сообразуясь с которым в государстве осуществляются закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина" <2>.

<1> Суд РФ впервые сослался на решение Европейского суда в своем Постановлении от 23 ноября 1999 г. N 16-П "По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года "О свободе совести и о религиозных объединениях" в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения "Христианская церковь Прославления" (СЗ РФ. 1999. N 51. Ст. 6363).

<2> Зорькин В.Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 174.

Известно, что Конституционный Суд РФ все более регулярно ссылается на решения Европейского суда в своей практике (особенно значительные изменения в этом процессе произошли после 2004 года) <1>. При этом основными объектами конституционно-судебной деятельности в рамках реализации решений Европейского суда наряду с правовыми позициями, сформулированными в решениях Европейского суда по делам, где ответчиком была Российская Федерация, также являются правовые позиции Европейского суда, содержащиеся в решениях по делам в отношении иных государств - участников Конвенции. Такие правовые позиции касались доступности и эффективности средств правовой защиты на национальном уровне ("Кудла против Польши"), права на свободные выборы ("Гитонас и другие против Греции"), права на свободу слова ("Боуман против Соединенного Королевства"), критериев беспристрастного суда ("Фэй против Австрии") и других вопросов <2>.

<1> В период с августа 2004 г. по декабрь 2007 г. Конституционный Суд РФ обратился к практике Европейского суда в 15 из 24 постановлений (62,5%). В 36,5% всех рассмотренных по существу дел содержится ссылка на практику Европейского суда. Для сравнения, в 1996 - 2004 гг. Конституционный Суд РФ обращался к практике Европейского суда только в 10,34% постановлений, и в 22,22% постановлений была ссылка на Конвенцию (см.: Бурков А.Л. Конституционный Суд Российской Федерации и прецедентная практика Европейского суда по правам человека // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2009. N 3. С. 20).

<2> ЕСПЧ. "Кудла против Польши", 26 октября 2000 г.; "Гитонас и другие против Греции", 1 июля 1997 г.; "Боуман против Великобритании", 19 февраля 1998; "Падовани против Италии", 26 февраля 1993 г.; "Санди Таймс против Великобритании", 26 апреля 1979 г.

Отдельно отметим, что Конституционный Суд РФ применяет автономные правовые понятия Европейского суда: например, использует понятие "имущество" в том смысле, который ему придает Европейский суд в своей практике, согласно которому им охватываются вещные права и права требования, в том числе принадлежащие кредиторам <1>. Также распространено использование Конституционным Судом РФ в своей практике принципов права, выработанных Европейским судом, в частности принципов

соразмерности, пропорциональности, правовой определенности и справедливости <2>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. N 8-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой компании "Timber Holdings International limited" // СЗ РФ. 2000. N 21. Ст. 2258; Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2001 г. N 16-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы "Об основах платного землепользования в городе Москве" в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской" // СЗ РФ. 2001. N 52 (ч. II). Ст. 5014.

<2> См.: Постановление от 5 февраля 2007 г. N 2-П "По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан".

В качестве легального основания применения права Конвенции в рамках конституционно-судебной деятельности, как правило, используются положения ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации" (далее - Закон о Конституционном Суде РФ) <1>, согласно которым Суд РФ, принимая решение по делу, оценивает не только буквальный смысл оспариваемого акта и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием и сложившейся правоприменительной практикой, но и смысл рассматриваемого акта, исходя из его места в системе правовых актов, в том числе международных договоров Российской Федерации, которые согласно ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

<1> СЗ РФ. 1994. N 13. Ст. 1447.

Конституционный Суд РФ участвует в реализации решений Европейского суда, применяя их при осуществлении контроля конституционности нормативных актов, как вне связи с конкретным делом (абстрактный нормоконтроль), так и в связи с конкретным делом (конкретный нормоконтроль), и иных полномочий, связанных с обеспечением верховенства конституции в системе источников национального права. При этом реализация решений Европейского суда, как правило, происходит в рамках конкретного нормоконтроля, при котором основным фактором инициирования конституционного судопроизводства и его развития является необходимость проверки конституционности положений нормативных правовых актов федерального и регионального уровней по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод человека, а также по запросам судов.

Характер применения права Конвенции в конституционно-судебной деятельности и, соответственно, реализации решений Европейского суда во многом зависит от осуществляемых Конституционным Судом РФ полномочий. В связи с этим представляется оправданным рассмотреть проявление конкретных форм реализации решений Европейского суда при осуществлении Судом РФ различных полномочий.

Первым случаем является оценка конституционности оспариваемых законов и иных нормативных правовых актов. Встречаются ситуации, когда используемые Конституционным Судом РФ положения Конвенции и решения Европейского суда в части содержащихся в них правовых позиций оказывают ведущее или решающее (окончательное) воздействие на разрешение конституционно-правового спора, выступая фактически в качестве критерия определения конституционности правового акта и содержания итоговой правовой позиции Суда РФ. Такое направление использования права Конвенции, прежде всего, обусловлено, ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ, провозглашающей приоритет Конвенции над обычным законодательством.

Вместе с тем, принимая во внимание положения ст. 125 Конституции РФ и Закона о Конституционном Суде РФ, Суд РФ проверяет оспариваемые законы и иные нормативные правовые акты на соответствие их именно Конституции РФ, а не общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации. По общему правилу право Конвенции не может использоваться Конституционным Судом РФ в качестве непосредственного критерия оценки конституционности оспариваемых положений нормативных правовых актов и может являться только вторичным или факультативным критерием по сравнению с Конституцией РФ. В этом свете справедливо высказывание Б.С. Эбзеева: "Хотя формально-юридически Конвенция не является масштабom конституционно-судебной проверки или критерием конституционности того или иного акта, фактически она

используется отечественным правосудием не только для установления круга находящихся под защитой Конституции прав и свобод или выявления их содержания и пределов действия, но и как акт, имеющий конституционно-правовое значение и в силу этого опосредованно являющийся одним из критериев проверки конституционности внутригосударственных правовых актов" <1>.

<1> Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2008. С. 29, 30.

Признавая положения того или иного закона, другого нормативного акта соответствующими или не соответствующими Конституции РФ и формируя итоговую правовую позицию на основании права Конвенции, Конституционный Суд РФ иногда приводит ссылки на Конвенцию и Протоколы к ней в резолютивной части своего решения.

В частности, в 2001 году Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность положения ст. 1070 Гражданского кодекса РФ, согласно которому вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившего в законную силу, проанализировал право Конвенции, касающееся данного вопроса, в мотивировочной части решения. При этом в резолютивной части он постановил, что данное положение не противоречит Конституции РФ, поскольку на его основании государство должно возместить вред, причиненный при осуществлении правосудия посредством гражданского судопроизводства в результате принятия незаконных судебных актов, разрешающих спор по существу. Данное положение в его конституционно-правовом смысле и во взаимосвязи со ст. 6 и 41 Конвенции не может служить основанием для отказа в возмещении государством вреда, который оно причинило при осуществлении гражданского судопроизводства в иных случаях в результате незаконных действий (или бездействия) суда (судьи), в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, - если вина судьи установлена не приговором суда, а иным соответствующим судебным решением <1>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ "По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова" // СЗ РФ. 2001. N 7. Ст. 700.

В 2002 году Конституционный Суд РФ указал на несоответствие Конституции РФ положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в части, допускающей пересмотр и отмену в порядке надзора по протесту прокурора вступившего в законную силу оправдательного приговора ввиду односторонности или неполноты расследования или судебного следствия, а также несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела в случаях, когда в предшествующем разбирательстве не были допущены нарушения, которые отвечали бы критериям, предусмотренным ст. 4 (п. 2) Протокола N 7 к Конвенции <1>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда от 17 июля 2002 г. N 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан" // СЗ РФ. 2002. N 31. Ст. 3160.

Достаточно часто определяющим фактором оценки конституционности правового акта являются правовые позиции Европейского суда, ссылки на которые приводятся только в мотивировочной части решения Конституционного Суда РФ.

Обращает на себя внимание Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. N 1-П "По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Производственное объединение "Берег", открытых акционерных обществ "Карболит", "Завод "Микропровод" и "Научно-производственное предприятие "Респиратор" <1>, в котором он подробно проанализировал подход Европейского суда по вопросу пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта, выраженный в различных его решениях, в том числе по жалобам против России: из решений Европейского суда следует, что отмена судебного

решения в связи с приданием толкованию, данному высшим судом, обратной силы не может рассматриваться как нарушение принципа правовой определенности, если это необходимо для обеспечения справедливого правосудия и восстановления нарушенного права. Признавая нарушение ст. 6 Конвенции в делах данной категории, Европейский суд не отрицает возможности рассматривать изменение толкования законодательства в качестве вновь открывшегося или нового обстоятельства, однако подчеркивает, что изменение правоприменительного толкования не оправдывает отмены судебного решения, вынесенного в пользу заявителя. Недопустимость отмены связывается им не с характером обстоятельств как не существовавших на момент рассмотрения дела, а с тем, что отмена судебного решения, которое еще со времен римского права является "законом для сторон", привела к ухудшению установленного этим решением положения лица. Отмена судебного решения в связи с изменением высшим судебным органом уже после вынесения данного решения толкования положенных в его основу норм права, если она приводит к ухудшению правового положения гражданина, установленного судебным решением, рассматривается Европейским судом (вне зависимости от примененной процедуры отмены) как несовместимая с положениями Конвенции, а критерием ее правомерности признается направленность на защиту приобретенного статуса гражданина или объединения граждан как заведомо более слабой стороны в отношениях с государством, что обеспечивает действие принципа правовой определенности в отношении правового статуса гражданина. Данный принцип не может рассматриваться как препятствующий отмене вступившего в законную силу судебного решения, если она необходима для восстановления прав гражданина или улучшения его правового положения (в частности, по основаниям, которые в иных случаях признавались бы неприемлемыми), что в целом соответствует и общим принципам действия норм права во времени, в том числе придания им обратной силы. Такой подход стал одним из оснований вывода о признании конституционности положений Арбитражного процессуального кодекса РФ в их истолковании Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ.

<1> СЗ РФ. 2010. N 6. Ст. 699.

Показательным примером обращения к правовым позициям Европейского суда для привлечения их в качестве критерия конституционности является Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. N 20-П "По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" в связи с жалобами граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова" <1>, касающееся вопроса ограничения на общение с адвокатом. Исходя из обращения заявителей, нормы Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", позволяя администрации места содержания под стражей подвергать цензуре переписку обвиняемого в совершении преступления со свободно избранным им адвокатом (защитником), ограничивают права, гарантированные ст. 46 и 48 Конституции РФ, и противоречат ст. 6 и 8 Конвенции в их понимании Европейским судом.

<1> СЗ РФ. 2010. N 50. Ст. 184.

В данном деле Конституционный Суд РФ привел несколько решений Европейского суда с изложенным истолкованием смысла и содержания норм Конвенции применительно к обстоятельствам, схожим с фактами рассматриваемого дела. В частности, сославшись на решение по делу "Моисеев против России", Суд РФ сформулировал: "Европейский суд указал, что переписка лица, находящегося под стражей, со своим адвокатом независимо от ее цели всегда является привилегированной; чтение писем заключенного, направляемых адвокату или получаемых от него, допустимо в исключительных случаях, когда у властей есть разумные основания предполагать злоупотребление этой привилегией в том смысле, что содержание письма угрожает безопасности пенитенциарного учреждения, безопасности других лиц или носит какой-либо иной преступный характер; практика же ознакомления администрации следственного изолятора со всеми документами, которыми обменивались заявитель и его защита без обоснования предшествующих злоупотреблений этой привилегией, является избыточным и произвольным посягательством на права защиты... Таким образом, в силу предписаний Конституции РФ, Конвенции как составной части правовой системы Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда РФ, а также исходя из международных обязательств Российской Федерации, вытекающих из ее участия в Конвенции, в том числе с учетом практики Европейского суда применительно к обеспечению права на помощь адвоката (защитника), цензура переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под

стражей, с избранными ими адвокатами (защитниками) может иметь место лишь в исключительных случаях, при наличии у администрации места содержания под стражей обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь". Между тем Суд РФ не привел ссылку на Конвенцию в резолютивной части своего решения.

В случаях, когда Конституционный Суд РФ при формулировании итогового вывода, касающегося конституционности национального правового акта, решающее значение придает правовой позиции Европейского суда, выраженной в его решении по жалобе против Российской Федерации, можно говорить о фактическом участии Суда РФ в принятии мер общего характера для исполнения решения Европейского суда. В этой ситуации значение участия Конституционного Суда РФ для выполнения конвенционных обязательств во многом связано с устранением и предупреждением в дальнейшем установленных нарушений Конвенции и, соответственно, избеганием возникновения и распространения "клоновых" дел <1>, обусловленных появлением из года в год новых решений Европейского суда по однотипным нарушениям.

<1> К "клоновым" делам относятся, в частности: неисполнение решений российских судов, нарушение принципа правовой определенности в связи с широким использованием надзорного порядка пересмотра дел, недостатки судебной практики по рассмотрению вопроса об аресте, которые приводят к чрезмерным срокам содержания под стражей и переполненности следственных изоляторов.

В связи с этим в 2005 году в рамках своего Постановления Конституционный Суд РФ решил вопрос о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса РФ на основании решения Европейского суда по делу "Никитин против России" <1>. Согласно этому решению требования правовой определенности и стабильности не являются абсолютными и не препятствуют возобновлению производства по делу в связи с появлением новых и вновь открывшихся обстоятельств или при обнаружении фундаментальных (существенных) нарушений, которые были допущены на предыдущих стадиях процесса и привели к неправильному исходу дела. Также Европейский суд указал, что возможность рассмотрения заявления о пересмотре оправдательного приговора только в течение одного года с момента вступления его в силу согласуется с требованиями Конвенции. В свою очередь Конституционный Суд РФ признал оспариваемую норму не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она в системе действующего регулирования пересмотра вступивших в законную силу решений суда, не допуская поворота к худшему при пересмотре судебного решения, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные нарушения, повлиявшие на исход дела. При этом Суд РФ использовал свое право на восполнение возникающего в результате этого пробела и указал, что впредь до внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство пересмотр в порядке надзора по жалобе потерпевшего, его представителя и по представлению прокурора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, а также оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела допускается лишь в течение года после вступления их в законную силу.

<1> Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. N 5-П "По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан" // СЗ РФ. 2005. N 22. Ст. 2194.

В другом Постановлении этого же года Суд РФ рассматривал дело о проверке положений Арбитражного процессуального кодекса РФ, не позволяющих восстановить пропущенный срок для обращения с заявлением о пересмотре в порядке надзора судебного акта лицу, направившему соответствующее ходатайство по истечении шести месяцев со дня вступления в законную силу оспариваемого судебного акта. Ведущее значение в этом решении для итогового вывода Суда РФ имеет приведенная им позиция Европейского суда ("Никитин против России"; "Рябых против России"): "что при определении национальным судом гражданских прав и обязанностей ни одна из сторон не может требовать

пересмотра окончательного и вступившего в силу судебного акта только в целях проведения повторного слушания и получения нового решения. Действие принципа правовой определенности, с которым в соответствии с принципами и нормами международного права связывается реализация права на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, предполагает, по мнению Европейского суда, стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, что, в свою очередь, обуславливает перенос основного бремени пересмотра решений судов на ординарные судебные инстанции - апелляционную и кассационную с соблюдением в качестве основополагающих положений принципов окончательности и стабильности решений, вступивших в законную силу. Отступления от указанных принципов возможны только по обстоятельствам существенного и неопровержимого характера в целях исправления судебной ошибки. Не рассматривается как безусловное основание для отказа при принятии жалобы пропуск по уважительным причинам срока, установленного для ее подачи, и в практике Европейского суда" <1>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. N 11-П "По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры "Дом культуры им. Октябрьской революции", открытого акционерного общества "Центрнефтехимремстрой", гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области" // СЗ РФ. 2005. N 48. Ст. 5123.

Интересным примером в данном случае является рассмотренное Конституционным Судом РФ в 2009 году дело <1>, касающееся регулирования процедуры лишения дееспособности, которое представляет собой едва ли не единственный случай разрешения Судом РФ конституционно-правового спора, по субъекту обращения и фактическим обстоятельствам аналогичным тому, которое уже было разрешено Европейским судом в 2008 г. ("Шукатуров против России" <2>). В Суде РФ оспаривалось законодательство в интерпретации его правоприменительной практикой, не предусматривающей возможности извещения граждан о времени и месте судебного заседания о признании их недееспособными, если по результатам назначенных для определения их психического состояния судебно-психиатрических экспертиз был сделан вывод, что характер заболевания не позволяет им понимать значение своих действий и руководить ими и что они не могут присутствовать в судебном заседании.

<1> Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Шукатурова и М.А. Яшиной" // СЗ РФ. 2009. Ст. 11. Ст. 1367.

<2> ЕСПЧ. "Шукатуров против России", 27 марта 2008 г.

Одним из критериев признания неконституционности такой системы правового регулирования по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, Суд РФ указал выводы решения Европейского суда "Шукатуров против России": "...в делах лиц, страдающих психическим расстройством, национальные суды обладают определенной свободой усмотрения, например, они могут принимать процессуальные меры для обеспечения надлежащего отправления правосудия, защиты здоровья соответствующего лица и т.д., которые, однако, не должны затрагивать само существо права лица на справедливое судебное разбирательство. В связи с этим Европейский суд посчитал неоправданным решение судьи рассмотреть дело на основе письменных доказательств, безличного присутствия гражданина и заслушивания его доводов и признал, что в данном разбирательстве имело место нарушение принципа состязательности и тем самым нарушение статьи 6 Конвенции..."

Примечательно, что в решении по этому делу Суд РФ также высказался о допустимости конституционной жалобы и возможности самостоятельной оценки обстоятельств дела при наличии решения Европейского суда по аналогичному делу: "...гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение своих конституционных прав законоположениями, на основании которых судом общей юрисдикции было вынесено решение о признании его недееспособным... Иное... не соответствовало бы... гарантиям защиты конституционных прав и свобод посредством конституционного судопроизводства, осуществление которого является исключительной прерогативой Конституционного Суда РФ. Поскольку такая проверка не может быть осуществлена... ни каким-либо межгосударственным

органом, включая Европейский суд..." <1>.

<1> Постановление Конституционного Суда от 27 февраля 2009 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" в связи с жалобами Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной" // СЗ РФ. 2009. N 11. Ст. 1367.

В Постановлении 2011 года N 1-П в качестве ведущего аргумента Суда РФ, положенного в основу одного из его итоговых выводов в резолютивной части решения, была правовая позиция Европейского суда по делу "Боржанов против России": "...поскольку арест имущества всегда несет риск наложения чрезмерных ограничений, отрицательные последствия которых с течением времени существенно усугубляются, для сохранения справедливого баланса между требованием соблюдения общих интересов и требованием защиты фундаментальных прав человека собственник должен располагать возможностью воспользоваться эффективными средствами правовой защиты, с тем чтобы понесенные им убытки не превышали действительно неизбежных, а сами ограничения не ставили под угрозу существование этих прав". В связи с этим Судом РФ постановлено несоответствие положений Уголовно-процессуального кодекса РФ Конституции РФ в той мере, в какой они не предусматривают эффективных средств защиты законных интересов собственника имущества, на которое наложен арест для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, в случаях приостановления предварительного следствия по уголовному делу в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия <1>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. N 1-П "По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Недвижимость-М", общества с ограниченной ответственностью "Соломатинское хлебоприемное предприятие" и гражданки Л.И. Костаревой" // СЗ РФ. 2011. N 6. Ст. 897.

Вторым и наиболее частым случаем, в рамках которого Конституционный Суд РФ обращается к актам Европейского суда, является конституционное истолкование норм законодательства, связанное с выявлением конституционно-правового смысла проверяемого закона или иного нормативного правового акта. В этой ситуации Конвенция и практика Европейского суда, как правило, имеют значение дополнительной аргументации правовых позиций Конституционного Суда РФ: не являясь непосредственной основой вывода Суда РФ, сформулированного в резолютивной части его решения, данные акты способствуют его достижению или являются только "подстраховкой", подкреплением своих выводов в процессе уяснения проверяемых положений.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. N 9-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа" <1> Конституционный Суд РФ через практику Европейского суда раскрыл юридическую природу института давности привлечения к налоговой ответственности. Им установлено, что давность привлечения к налоговой ответственности - институт, общий для правовых систем государств - участников Конвенции; Европейский суд рассматривает его как право, предоставляемое законом лицу, совершившему налоговое правонарушение, не быть преследуемым по истечении определенного срока с момента совершения деяния, с тем чтобы достигалась правовая защищенность и не подвергалось посягательствам право на защиту, которое было бы скомпрометировано, если бы суды выносили решения, основываясь на неполной в силу истекшего времени доказательственной базе.

<1> СЗ РФ. 2005. N 30 (ч. II). Ст. 3200.

В одном из Постановлений для целей разрешения коллизии между такими ценностями, как свобода выражения мнений и право на информацию в период избирательной кампании, Суд РФ использовал правовую позицию Европейского суда по делу "Боуман против Соединенного Королевства": "...право на свободу слова, гарантированное статьей 10 Конвенции, необходимо рассматривать в свете права на

свободные выборы. Европейский суд подчеркивает, что свободные выборы и свобода слова, в особенности свобода политической дискуссии, образуют основу любой демократической системы, оба права взаимосвязаны и укрепляют друг друга; по этой причине особенно важно, чтобы всякого рода информация и мнения могли циркулировать свободно в период, предшествующий выборам; тем не менее при некоторых обстоятельствах эти два права могут вступить в конфликт, и тогда может быть сочтено необходимым, чтобы до или во время проведения выборов были установлены определенные ограничения свободы слова, которые в обычных условиях были бы неприемлемы; их цель - обеспечить свободное выражение мнений народа при избрании законодательной власти" <1>.

<1> Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. N 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова" // СЗ РФ. 2003. N 44. Ст. 4358.

В Постановлении 2002 года N 1-П <1> подчеркнуто, что решение суда должно служить средством эффективной защиты нарушенного права и, соответственно, является обязательным, в том числе для избирательных комиссий, и служит достаточным основанием для регистрации, не требуя никакого подтверждения; такой подход, базирующийся на принципах самостоятельности судебной власти и обеспечения правосудием прав и свобод человека и гражданина, корреспондирует с толкованием, которое дается Европейским судом праву на доступ к суду и принципу справедливого правосудия, закрепленным ст. 6 Конвенции ("Хорнсби против Греции").

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. N 1-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и статьи 92 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова" // СЗ РФ. 2002. N 6. Ст. 626.

Кроме того, еще одним важным направлением деятельности в практике Суда РФ, в рамках которого применяются решения Европейского суда, является толкование Конституции РФ, связанное с разъяснением смысла и значения ее текста, посредством официальной процедуры толкования (официальное толкование) или при разрешении конкретных споров (казуальное толкование).

В частности, в Постановлении 1998 года N 19-П в рамках официального толкования отдельных положений Конституции РФ Конституционным Судом РФ была сформулирована следующая правовая позиция: "Поскольку указанные полномочия Конституционного Суда РФ (по осуществлению конституционного нормоконтроля) закреплены специально (Конституцией) и поскольку для их осуществления именно этим органом судебной власти предусмотрена особая форма правосудия - конституционное судопроизводство, то осуществление другими судами аналогичных полномочий без их конституционного закрепления и вне таких форм исключается. Это вытекает также из общего принципа правосудия, согласно которому надлежащим судом для рассмотрения дела признается суд, созданный и действующий на основании закона (статья 6 Конвенции), что подразумевает закрепление в Конституции и принятом в соответствии с ней законе правомочий различных судов" <1>.

<1> Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. N 19-П "По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации" // СЗ РФ. 1998. N 25. Ст. 3004.

В процессе разрешения конституционно-правового спора Суд РФ использует право Конвенции для целей выявления нормативного содержания конституционных прав и свобод, что обусловлено взаимосвязанным рассмотрением ч. 1 ст. 17 и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Например, в Постановлении 2000 года N 11-П <1> Конституционный Суд РФ использовал в качестве критерия толкования нормативного содержания конституционного права обвиняемого на пользование помощью адвоката (защитника) (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ) правовую позицию Европейского суда. Согласно этой позиции право обвиняемого на получение помощи адвоката распространяется на досудебные стадии производства; отказ задержанному в

доступе к адвокату в течение первых часов допросов полицией в ситуации, когда праву на защиту мог быть нанесен невосполнимый ущерб, каким бы ни было основание такого отказа, несовместим с правами обвиняемого, предусмотренными ст. 6 Конвенции.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. N 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова" // СЗ РФ. 2000. N 27. Ст. 2882.

Кроме того, встречаются случаи соотнесения Конституционным Судом РФ положений Конституции РФ и Конвенции для подтверждения соответствия их друг другу. В частности, в Постановлении 2005 года N 11-П <1> Конституционный Суд РФ отметил, что положения Конституции РФ, касающиеся принципов справедливого правосудия и правовой определенности как основополагающих аспектов судебной защиты, корреспондируют с положениями преамбулы и ст. 6.1 Конвенции. В Постановлении 2006 года N 4-П <2>, раскрывая содержание имеющего принципиальный характер правила, содержащегося в ст. 54 (ч. 2) Конституции РФ и устанавливающего гарантии защиты достоинства личности в сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, Суд РФ подчеркнул, что оно коррелирует в том числе со ст. 7.1 Конвенции, согласно которой никто не может быть осужден за какое-либо уголовное преступление на основе совершения действия или бездействия, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось преступлением, а также не может налагаться наказание более тяжкое, чем то, которое подлежало применению в момент преступления. При этом Суд РФ уточнил, что, в отличие от Конституции РФ, Конвенция прямо не формулирует правила, обязывающего применять закон, принятый после совершения правонарушения, если он устраняет или смягчает ответственность в любых проявлениях. В Постановлении 2010 года N 22-П <3> Суд РФ заключил, что передача в хозяйственное ведение находящихся в собственности субъектов Российской Федерации или являющихся муниципальной собственностью помещений без согласия собственников, без осуществления разумной компенсации выходит за рамки требований ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ и корреспондирующих с ней положений ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. N 11-П "По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры "Дом культуры им. Октябрьской революции", открытого акционерного общества "Центрнефтехимстрой", гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области".

<2> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации", Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других" // СЗ РФ. 2006. N 18. Ст. 2058.

<3> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2010 г. N 22-П "По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой администрации города Благовещенска" // СЗ РФ. 2010.

Вместе с тем при выявлении смысла и содержания норм Конвенции и Конституции РФ не исключено возникновение противоречия позиций судов. Полагаем справедливым мнение Н.С. Бондаря, согласно которому принципиальные подходы к разрешению вопроса о соотношении Конвенции и Конституции РФ сформулированы Конституционным Судом РФ в Постановлении от 30 ноября 2000 г. N 15-П <1>. Признав не соответствующими Конституции РФ ряд положений Устава Курской области, регламентирующих, в частности, вопросы государственного контроля за местным самоуправлением, Суд РФ указал, что на оценку конституционности оспариваемых норм не влияет то, что некоторые из них, по существу,

воспроизводят положения Европейской хартии о местном самоуправлении, устанавливающей минимальные гарантии самостоятельности местного самоуправления; Конституция РФ и федеральные законы закрепляют более высокий, чем это предусмотрено международными обязательствами России, уровень гарантий самостоятельности местного самоуправления, который субъекты Российской Федерации не вправе занижать или ограничивать. По мнению Н.С. Бондаря, данный вывод имеет универсальный характер и в полной мере применим к правовым позициям Европейского суда: согласно этому выводу, если Конституцией РФ предусмотрен более высокий стандарт гарантирования прав и свобод, чем в выявленном Европейским судом смысле конвенционных положений, применению подлежат нормы Конституции РФ; если более высокий уровень обеспечения прав и свобод вытекает из позиции Европейского суда, то она имеет приоритетное значение перед Конституцией РФ <2>.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. N 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области" // СЗ РФ. 2000. N 50. Ст. 4943.

<2> См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 196.

В деятельности Конституционного Суда РФ иногда можно заметить ситуации, когда решения Европейского суда обладают статусом неявного основания его правовых позиций, если, несмотря на отсутствие непосредственных обращений к Конвенции или решениям Европейского суда, наблюдается следование их требованиям и отсутствие расхождений с ними <1>. Тем самым Конституционным Судом РФ фактически соблюдается право Конвенции.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. N 16-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области "О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области" в связи с запросом Челябинского областного суда"; Шугуров М.В. Международное право прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации (ценностные и нормативные аспекты) // Журнал конституционного правосудия. 2008. N 6. С. 39.

Помимо обозначенной деятельности, связанной с участием Конституционного Суда РФ в непосредственном выполнении требований решений Европейского суда, Суд РФ продолжает целенаправленно содействовать укреплению национального механизма исполнения решений Европейского суда.

В Постановлении 2010 года N 4-П <1> Суд РФ указал, что лицо, по жалобе которого вынесено постановление Европейского суда, должно иметь возможность обратиться в компетентный суд с заявлением о пересмотре вынесенных по его делу судебных постановлений и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено; иное свидетельствовало бы об умалении и ограничении права каждого на судебную защиту, предполагающего конкретные гарантии, которые позволяют реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Им отмечено, что наличие в правовой системе государства процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, в связи с вынесением которых были констатированы нарушения Конвенции, выступает в качестве меры общего характера, обязательность осуществления которой в целях реализации предписаний данной Конвенции вытекает из ее ст. 46 во взаимосвязи со ст. 19, 46 и 118 Конституции РФ, а следовательно, требует законодательного закрепления механизма исполнения окончательных постановлений Европейского суда, который позволит обеспечить адекватное восстановление прав, нарушение которых выявлено Европейским судом. На этом основании Суд РФ признал не соответствующим Конституции РФ положение ч. 2 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ в том смысле, если оно может рассматриваться как позволяющее суду общей юрисдикции отказывать в пересмотре вынесенного им судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам в случае, если Европейским судом установлено нарушение положений Конвенции при рассмотрении дела, по которому было вынесено данное судебное постановление, послужившее поводом для обращения заявителя в суд.

<1> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. N 4-П "По делу о проверке

конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой".

Кроме того, Конституционный Суд РФ в рамках своей практики активно влияет на создание механизмов защиты основных прав в России для целей ст. 13 Конвенции. В частности, Суд РФ подчеркивал: "Недопустимо злоупотребление органами публичной власти таким порядком исполнения судебных решений, вынесенных по искам к публичным образованиям, который не предусматривает возможность принудительного взыскания бюджетных средств, в связи с чем обязанность надлежащей организации исполнения этих судебных решений должна обеспечиваться институтами ответственности, которые определяются национальным правом и международными обязательствами Российской Федерации, в том числе вытекающими из Конвенции, с которыми корреспондирует обязанность государства обеспечить правовые инструменты, гарантирующие эффективную защиту в случае нарушения конвенционных прав и свобод. По смыслу ст. 13 Конвенции установление таких механизмов в национальном праве должно предусматривать такой же уровень правовой защиты, как и при обращении в Европейский суд". При этом Конституционный Суд РФ указал на наличие пробела в национальном законодательстве в части возможности компенсации вреда, причиненного неисполнением судебных решений, вынесенных по искам против государства и иных публичных образований <1>. Во многом благодаря совместной активности органов конституционного и конвенционного контроля принят Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок" <2>.

<1> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2008 г. N 734-О-П "По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ. 2009. N 5. Ст. 678.

<2> СЗ РФ. 2010. N 18. Ст. 2144.

Однако, обращаясь к вопросу о возможностях собственно Конституционного Суда РФ для непосредственной защиты основных прав в целях ст. 13 Конвенции, важно отметить, что законодательно устанавливаются значительные ограничения в этой сфере. Так, Конституционный Суд РФ осуществляет защиту основных прав только в порядке конкретного нормоконтроля, связанного с оценкой конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, предусмотренном федеральным законом (ст. 125 (ч. 4) Конституции РФ). Следовательно, конституционное судопроизводство в России нельзя отнести к внутригосударственным правовым средствам, использование которых следует рассматривать в качестве обязательной предпосылки для обращения в Европейский суд, что также подчеркивается Судом РФ, который полагает, что достаточным основанием, свидетельствующим об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, служит решение суда кассационной инстанции <1>. По мнению некоторых исследователей, это одна из причин того, что тысячи российских граждан для защиты своих основных прав, большинство из которых гарантированы Конвенцией, обращаются в Европейский суд в случае необходимости оценки соответствия конвенционным правам актов национальных органов публичной власти <2>.

<1> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13 января 2000 г. N 6-О "По жалобе гражданки Дудник Маргариты Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" // СЗ РФ. 2000. N 11. Ст. 1244.

<2> См.: Ди Грэгорио А. Судьба российской конституционной юстиции: сравнительный анализ // Журнал конституционного правосудия. 2008. N 4. С. 5 - 8.

Обобщая изложенное, подчеркнем, что практика Конституционного Суда РФ, как и большинства органов конституционного правосудия стран - членов Совета Европы, демонстрирует путь конституционализации права Конвенции в рамках национального правопорядка и его превращения в по-настоящему составную часть российской правовой системы. Эта тенденция особенно выражается в конкретных направлениях.

Во-первых, Конституционный Суд РФ (как следует из его практики) приближает положения Конвенции к статусу общепризнанных принципов и норм международного права, согласно которым признаются и

гарантируются права и свободы человека и гражданина в России (ст. 17.1 Конституции РФ), тем самым придавая этому акту конституционное значение в сравнении с другими международными договорами. Вместе с тем Суд РФ, учитывая разную юридическую природу указанных источников международно-правового регулирования, не стремится к их окончательному уравниванию.

Во-вторых, при определении юридического характера права Конвенции Суд РФ содействует установлению обязательства для внутригосударственных органов обеспечивать непосредственное действие судебных актов Европейского суда в национальном праве. При этом понимание Конституционным Судом РФ правового значения решений Европейского суда идет дальше положения Федерального закона N 54-ФЗ, предусматривавшего признание обязательной юрисдикции Европейского суда по делам в отношении России. Прежде всего, Суд РФ полагает, что неотъемлемым элементом правового статуса решений Европейского суда по делам в отношении России, особенно тех, которыми констатирован факт нарушения Конвенции, является наличие правовых последствий, влекущих необходимость помимо выплаты денежной компенсации принятия на внутригосударственном уровне мер индивидуального и общего характера.

Кроме того, в отличие от законодателя, Конституционный Суд РФ не ограничивает юридическую силу решений Европейского суда только делами, в которых Россия является стороной, и считает, что решения Европейского суда в части толкования Конвенции подлежат обязательному учету национальными органами вне зависимости от того, в отношении какого государства принято такое решение. Вместе с тем Суд РФ сопровождает требование об обязательности решений Европейского суда оговоркой о необходимости соответствия содержащихся в них правовых позиций общепризнанным принципам и нормам международного права.

Эта оговорка выражает признание права высших национальных судов оценивать толкование Европейским судом Конвенции с учетом национальных суверенных интересов и не осуществлять в определенных случаях "механической" реализации решений Европейского суда <1>. Тем самым Конституционным Судом РФ фактически используется модель применения права Конвенции в национальном правовом порядке, принятая в практике Федерального Конституционного Суда Германии.

<1> В данном случае может идти речь о ситуациях реализации решений Европейского суда, имеющих серьезный конфликтный потенциал, обусловленный политическим контекстом принятого решения ("Илашку и другие против России и Молдовы") или явным противоречием национальным традициям социокультурного развития ("Алексеев против России") (см.: ЕСПЧ. "Илашку и другие против Молдавии и России", 8 июля 2004 г.; "Алексеев против России", 21 октября 2010 г.; Особое мнение судьи А. Ковлера по делу "Илашку и другие против Молдовы и России" // http://sutyajnik.ru/ras/echr/judgments/ilascu_rus_kovler.html).

В-третьих, Конституционный Суд РФ обращается к праву Конвенции как к критерию толкования конституционных положений, регулирующих правовой статус личности, выявления конституционно-правового смысла нормативного правового акта и оценки его конституционности для целей разрешения конституционно-правового спора, а также подтверждения собственных выводов, соответствия между Конституцией РФ и Конвенцией. В этом проявляется следование Суда РФ собственным правовым позициям, определяющим юридическую силу права Конвенции. При этом Суд РФ демонстрирует непризнание за Конвенцией значения акта конституционного уровня, поскольку не рассматривает ее как основной и необходимый критерий оценки актов наряду с Конституцией РФ, даже когда на нее ссылается заявитель в своем обращении; редко обращается к Конвенции в резолютивной части своего решения.

В конституционно-судебной практике получили разрешение некоторые вопросы, возникающие при пересечении европейской и конституционной юрисдикции. В частности, из нее следует, что Суд РФ не считает себя связанным решениями Европейского суда на этапе определения допустимости конституционной жалобы на нарушение прав и свобод человека нормативными актами, примененными при тех фактических обстоятельствах, которые уже получили конвенционную оценку Европейского суда. Кроме того, Суд РФ полагает важным в процессе разрешения конституционно-правового спора не беспрекословное следование таким решениям Европейского суда, а принятие их во внимание с учетом всего комплекса фактических обстоятельств по делу лица, в отношении которого Судом признано нарушение Конвенции.

Определение Конституционным Судом РФ правового статуса Конвенции и решений Европейского суда содействует их лучшему восприятию национальными органами. При этом характер участия Суда РФ в выполнении конвенционных обязательств доказывает то, что решения Европейского суда в настоящее

время становятся важнейшими компонентами правовой системы России.

Итак, изложенное позволяет отметить, что в рамках конституционно-судебной деятельности в достаточной мере выработаны подходы к оценке права Конвенции при обращении к нему национальных (в том числе конституционно-судебных) органов. Однако сохраняется ряд проблем, возникающих при применении права Конвенции и в первую очередь решений Европейского суда при конституционно-судебной деятельности.

Актуальным вопросом деятельности Конституционного Суда РФ становится корректное и эффективное применение правовых позиций Европейского суда с учетом всех юридически значимых для разрешения конкретного конституционно-правового спора обстоятельств в целях надлежащей реализации его решений в национальном правовом порядке. Такое корректное и эффективное применение предполагает комплексный учет Конституционным Судом РФ всех нормативных элементов права Конвенции применительно к конкретному делу и его разрешение на основе согласования собственных выводов с требованиями права Конвенции в целях достижения совместимости или по крайней мере разумного компромисса <1> с ними.

<1> Такой компромисс может быть выражен в расширении или детализации сферы применения права Конвенции, итог которого характеризуется по крайней мере отсутствием противоречия его требованиям или повышением уровня гарантирования защиты прав в сравнении с Конвенцией. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. N 9-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа" Суд РФ указал, что срок давности привлечения к ответственности за налоговые правонарушения по-разному применяется к разным налогоплательщикам: "...оспариваемые положения статьи 113 Налогового кодекса РФ не могут истолковываться как предполагающие, что установленный ими срок давности распространяется равным образом как на тех налогоплательщиков, которые соблюдают свои обязанности при осуществлении налогового контроля, так и на тех, которые такому контролю противодействуют. Применяя их при рассмотрении дел о налоговом правонарушении, суд... вправе, не ограничиваясь одной лишь констатацией пропуска срока давности привлечения налогоплательщика к ответственности, учесть иные обстоятельства, в частности по ходатайству налогового органа проверить, имели ли место неправомерные действия со стороны налогоплательщика, препятствующие нормальному ходу контрольных мероприятий и направленные на их затягивание по времени". При этом Суд РФ привел позицию Европейского суда, определяющую нормативное содержание срока давности привлечения к юридической ответственности - право, предоставляемое законом лицу, совершившему правонарушение, не быть преследуемым по истечении определенного срока с момента совершения деяния.

Как справедливо отмечает К. Коротеев, ссылки на право Конвенции в постановлениях Конституционного Суда РФ не всегда гарантируют соответствие им таких постановлений; они не предохраняют и от искаженного применения методов анализа дел, основанных полностью или в части на Конвенции <1>. При этом некорректное применение <2> и неприменение решений Европейского суда отличаются тем, что в первом случае создается видимость выполнения конвенционных обязательств, а во втором - соответствующие требования игнорируются.

<1> См.: Коротеев К. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (московский период) // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 4. С. 115.

<2> Некорректное применение права Конвенции может быть выражено в явном искажении его сути при наличии формальных ссылок на Конвенцию и решения (правовые позиции) Европейского суда. Такое искажение могло иметь место в Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. N 8-П "По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона "О погребении и похоронном деле" и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой", которым разрешен вопрос о конституционности положений Федерального закона "О погребении и похоронном деле", запрещающих выдавать родственникам тела и сообщать о месте захоронения лиц, погибших в ходе контртеррористической операции. Конституционный Суд РФ допустил ограничение права на уважение человеческого достоинства, гарантированное ст. 21 Конституции РФ и ст. 3 Конвенции, не

предусматривающей случаев ограничения данного права. При этом Суд РФ сослался в подтверждении своих выводов на положения ст. 9.2 Конвенции, которой допускается "ограничение права на свободу мысли, совести и религии и, следовательно, на свободу соблюдения религиозных и ритуальных обрядов".

Особенно остро стоит вопрос о корректном и тем более эффективном применении права Конвенции в рамках конституционно-судебной деятельности, если подлежащее применению решение Европейского суда имеет конфликтный потенциал. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение возможностей возникновения конфликта, связанного с негативной оценкой Европейским судом процессуального и материального аспектов деятельности Суда РФ.

Касаясь случаев возникновения конфликтных ситуаций между судами, обусловленных необходимо поочередно оценивать, было ли нарушено то или иное право, в целом такая ситуация маловероятна с точки зрения общих подходов к назначению каждого из органов конституционной или европейской юрисдикции, обуславливающих их процессуально-правовые возможности. Вместе с тем пересечение их юрисдикции по одному вопросу можно прогнозировать с учетом того, что Европейский суд нередко проверяет соответствие Конвенции практики толкования национального закона, который сам по себе в конечном счете несовместим с требованиями права Конвенции. Между тем в рамках конституционно-судебной деятельности все чаще появляются дела, когда Конституционный Суд РФ фактически оценивает не конституционность собственно положений национального закона, но его истолкование национальными правоприменительными органами <1>.

<1> Н.С. Бондарь выделяет в качестве одного из способов конституционно-судебного нормоконтроля в рамках установленных полномочий Конституционного Суда РФ "рихтовку" правоприменительной практики, искажающей закон, придающей ему неконституционный смысл. Этим выражена его преобразовательная функция, посредством которой правоприменительная практика подвергается конституционной корректировке и "доводится" до состояния конституционности (см.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 231).

В этом свете представляется важным обратить внимание на то, что длительное время конституционно-судебная практика основывалась на согласии с правом Конвенции или по крайней мере на отсутствии явных расхождений с ним, однако в связи с рядом решений Европейского суда, вынесенных в последнее время, ситуация могла бы значительно измениться.

Так, в деле "Маркин против России" 2010 года <1> возникли расхождения в позициях европейской и конституционной юрисдикции по вопросу предоставления военнослужащему мужского пола отпуска по уходу за ребенком. Конституционный Суд РФ в своем Определении N 187-О-О <2> фактически утвердил конституционность положений Федерального закона "О статусе военнослужащих", предусматривающих возможность получения отпуска по уходу за ребенком до достижения возраста трех лет только военнослужащими женского пола, и не посчитал такие нормы дискриминационными по отношению к военнослужащим мужского пола. Суд РФ сформулировал ряд важных позиций, оправдывающих конституционность действующего различия в правовом статусе военнослужащих женского и мужского полов.

<1> ЕСПЧ. "Маркин против России", 7 октября 2010 г.

<2> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. N 187-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей", статей 10 и 11 Федерального закона "О статусе военнослужащих", статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей" // СПС "КонсультантПлюс".

В частности, Суд РФ указал: "Право военнослужащего-мужчины на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет действующим законодательством не предусмотрено. Соответственно, не допускается совмещение военнослужащими мужского пола, проходящими военную службу по контракту, исполнения служебных обязанностей и отпуска по уходу за ребенком для воспитания малолетних детей, что, с одной стороны, обусловлено спецификой правового статуса военнослужащих, а с другой - согласуется с конституционно значимыми целями ограничения прав и свобод человека и гражданина в

связи с необходимостью создания условий для эффективной профессиональной деятельности военнослужащих, выполняющих долг по защите Отечества. Поскольку военная служба... исключает возможность массового неисполнения военнослужащими своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов, отсутствие у военнослужащих мужского пола, проходящих службу по контракту, права на отпуск по уходу за ребенком не может рассматриваться как нарушение их конституционных прав и свобод... Кроме того, данное ограничение согласуется с добровольным характером заключения контракта о прохождении военной службы. Предоставив право на отпуск по уходу за ребенком в порядке исключения только военнослужащим женского пола, законодатель исходил, во-первых, из весьма ограниченного участия женщин в осуществлении военной службы, а во-вторых, из особой связанной с материнством социальной роли женщины в обществе".

Вместе с тем Европейский суд оценивал по жалобе того же гражданина соответствие ст. 8 и 14 Конвенции правоприменительной практики, сложившейся на основе Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ "О статусе военнослужащих". Своим решением ("Маркин против России") Европейский суд установил нарушение положений Конвенции, при этом в основе его итогового заключения лежит признание неубедительными выводов Конституционного Суда РФ. Так, Европейский суд отклонил позицию Суда РФ о том, что разное отношение к военнослужащим-мужчинам и военнослужащим-женщинам в части предоставления отпуска по уходу за ребенком оправдано особой социальной ролью матерей в воспитании детей. Им отмечено, что, в отличие от отпуска по беременности, отпуск по уходу за ребенком связан с последующим периодом и предназначен дать возможность заботиться о ребенке дома; в отношении этой роли оба родителя находятся в сходном положении. Европейский суд охарактеризовал такой аргумент Суда РФ как свидетельство "восприятия женщин как главных воспитателей детей и мужчин как основных кормильцев" и назвал это "гендерным предрассудком".

Также Европейский суд признал "чистым допущением" аргумент Суда РФ о том, что военная служба требует непрерывного исполнения обязанностей и, следовательно, массовое получение военнослужащими-мужчинами отпусков по уходу за ребенком окажет негативное воздействие на боеготовность Вооруженных Сил и обеспечение национальной безопасности, поскольку не приведены экспертные оценки или статистические исследования числа военнослужащих-мужчин, которые могут претендовать на получение трехлетнего отпуска по уходу за ребенком и хотели бы его получить. Соответственно, отсутствует и доказательственная база для утверждений, что число военнослужащих, одновременно взявших отпуск по уходу за ребенком, было бы столь значительным, что это подорвало бы боеспособность армии.

Высокий конфликтный потенциал данного решения обусловлен тем, что впервые в своей практике Европейский суд выразил сомнение в соответствии решения Конституционного Суда РФ Конвенции, а также содержанием в нем резкой критики аргументов данного суда. При этом вероятно, что возникновение подобной ситуации можно было избежать, если проанализировать выводы Европейского суда, указывающие на то, что по данному делу, по всей видимости, имело место некорректное применение права Конвенции в рамках конституционно-судебной деятельности.

Так, Конституционный Суд РФ не учел и не проанализировал изменение оценки Европейского суда рассматриваемой проблемы. В частности, в 1998 году он выносил решение по аналогичному делу, в котором отец обжаловал невозможность получения отпуска по уходу за ребенком; тогда нарушения признано не было ("Петрович против Австрии"). Однако в 2009 году по другой подобной жалобе ("Веллер против Венгрии") Европейский суд признал нарушение. Такие изменения, по его мнению, обусловлены тем, что за 10 лет законодательство европейских стран существенно продвинулось вперед, и если в конце 1990-х гг. еще не было единства по вопросу предоставления отцам отпуска по уходу за ребенком, то сейчас это закреплено в законодательстве абсолютного большинства стран - членов Совета Европы; общество продвинулось в сторону более справедливого распределения между мужчинами и женщинами ответственности за воспитание своих детей.

Кроме того, в данном случае важно учитывать, что Европейский суд не исключает возможности установления различных правовых условий для мужчин и женщин, однако такое различие должно иметь очень серьезные основания. В свете ст. 8 Конвенции ограничение права на уважение частной и семейной жизни возможно в случае, когда это предусмотрено законом, необходимо в демократическом обществе в том числе в интересах национальной безопасности и общественного порядка и является соразмерным. Соответственно, понижение боеготовности российской армии может быть основанием такого ограничения, если возможность наступления этого результата будет доказана.

Существующее решение по делу "Маркин против России" могло бы иметь определенные последствия

с точки зрения установления четких национальных подходов к вопросам соотношения конституционного и конвенционного права, а также взаимодействия конституционной и европейской юрисдикции. В действительности конфликтный потенциал этого решения был замечен только по негативной оценке решения представителями Конституционного Суда РФ <1>. Вместе с тем официальное развитие в конституционно-судебной практике получил подход относительно уравнивания в социально-трудовых правах мужчин и женщин, что в целом согласуется с правовыми позициями Европейского суда <2>.

<1> См.: Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.; Тарибо Е. Конституционный Суд Российской Федерации и Европейский суд по правам человека: перекрестное взаимодействие // ЭЖ-Юрист. 2010. N 45.

<2> В Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2011 г. N 28-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева" Конституционный Суд РФ признал неконституционными положения Трудового кодекса в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они, запрещая увольнение по инициативе работодателя женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и других лиц, воспитывающих детей указанного возраста без матери, исключают возможность пользоваться этой гарантией отцу, являющемуся единственным кормильцем в многодетной семье, воспитывающей малолетних детей, в том числе ребенка в возрасте до трех лет, где мать в трудовых отношениях не состоит и занимается уходом за детьми.

Представляется важным все же проанализировать возникшие вследствие указанного решения Европейского суда версии того, как следует реагировать на подобную практику Европейского суда. Так, в рамках одной из версий было предложено следовать прецеденту, сформулированному ФКС Германии: "Основной Закон имеет целью интеграцию Германии в правовое сообщество мирных свободных государств, но он не предусматривает отказа от суверенитета, закрепленного, прежде всего, в германской Конституции. Не противоречит цели приверженности международному праву, если законодатель, в порядке исключения, не соблюдает право международных договоров при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов". При этом было отмечено, что "пределом нашей уступчивости является защита нашего суверенитета, наших национальных институтов и наших национальных интересов... когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции о правах человека и тем более прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений" <1>.

<1> Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.

В свете сказанного представляется оправданным обратить внимание на некоторые факторы, сопровождающие подход ФКС Германии к соотношению национального права и права Конвенции, а также оценить возможность его применения для разрешения ситуаций, подобных той, которая возникла в результате рассматриваемого решения Европейского суда.

Как отмечалось выше, Конвенция в ФРГ изначально имеет статус обычного закона, при этом своими решениями ФКС Германии активно содействовал приданию праву Конвенции конституционного значения в национальном праве, в то же время придерживаясь подхода, согласно которому выполнение конвенционных обязательств не должно приводить к нарушению Основного Закона. Необходимость уточнения значения права Конвенции с учетом его соотношения с Основным Законом непосредственно была вызвана сложившейся конфликтной ситуацией между судами ФРГ и Европейским судом по вопросу предоставления биологическому отцу постоянных встреч с ребенком, находящимся в приемной семье. На этом примере можно наблюдать участие ФКС в изменении германской судебной практики, сложившейся по определенной проблеме, в целях выполнения конвенционных обязательств.

К тому же применительно к содержанию соответствующей конфликтной ситуации проблема заключалась в достижении баланса между конкурирующими правами биологического отца и приемной семьи, где реализация одних прав неизбежно ведет к нарушению прав других лиц, в связи с чем разногласия судов сводились к обеспечению лучшей защите прав каждого из лиц.

Между тем, возвращаясь к исполнению решения по делу "Маркин против России", следует обратить внимание на противоречие Конвенции в конечном счете положений федерального закона, а Конвенция в

силу ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ имеет как минимум более высокую юридическую силу, чем ординарный закон. При этом причина расхождения позиций судов в этом случае обусловлена возникшим конфликтом между частными и публичными интересами и негибкостью существующей правовой практики, не допускающей предоставления отпуска военнослужащим мужского пола даже в исключительных случаях. В связи с Постановлением Конституционного Суда РФ 2010 года в рамках Гражданско-процессуального кодекса РФ судебная практика по вопросу предоставления отпуска по уходу за ребенком военнослужащим мужского пола может быть пересмотрена по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с установленным противоречием Конвенции сложившейся практики применения закона.

Вместе с тем принятие мер общего характера, которое в данном случае для исполнения решения Европейского суда более чем оправданно (поскольку проблема сводится к противоречащей Конвенции норме федерального закона), вряд ли возможно без участия Конституционного Суда РФ, являющегося главным субъектом конституционного нормоконтроля. Маловероятно возникновение ситуации, в которой Суд РФ смог бы еще раз оценить указанную норму закона, однако, возможно, представится случай, при котором Суд РФ определит методологию применения права Конвенции при его противоречии положениям Конституции РФ и конституционно-правовому смыслу национального правового акта, выявленному Судом РФ при его истолковании.

Во многом еще более конфликтный потенциал содержится в принятом Европейским судом в 2011 году решении по делу "Республиканская партия России против России". При констатации нарушения положений ст. 11 Конвенции Европейский суд подверг критике позицию Конституционного Суда РФ, содержащую обоснование законодательно определенных параметров организации политических партий, существенно затрудняющих их создание и функционирование в России: "Суд принимает во внимание ссылку Конституционного Суда на особую историко-политическую ситуацию в России, характеризующуюся нестабильностью новой установленной политической системы, перед которой стоят серьезные вызовы от сепаратистских, националистических и террористических сил. Суд подчеркивает особое положение России, которая относительно недавно начала процесс перехода к демократии. Суд соглашается с тем, что, скорее, был определен интерес в обеспечении того, чтобы после развала Советского Союза и в начале демократической реформы в 1991 году предпринимались меры по сохранению стабильности и предоставлению возможности создавать и укреплять неустойчивые демократические институты. Следовательно, Суд не исключает, что непосредственно после развала Советского Союза запрет на создание региональных политических партий мог быть обоснованным. Однако Суд считает важным то, что запрет был введен не в 1991 году, а только в 2001 году, почти через 10 лет после того, как Россия начала процесс перехода к демократии. При данных обстоятельствах Суд считает, что довод о том, что мера была необходимой для защиты неустойчивых демократических институтов России, ее целостности и национальной безопасности, является еще менее убедительным. Для того чтобы недавнее введение общих ограничений в отношении политических партий было обоснованным, должны быть представлены особенно убедительные доводы. Однако власти не представили объяснения, какие проблемы возникли в последнее время относительно региональных партий и почему такие проблемы не существовали в ходе первых этапов перехода в начале 1990-х гг. Суд считает, что по прошествии времени общие ограничения в отношении политических партий становится все сложнее оправдать" <1>.

<1> ЕСПЧ. "Республиканская партия России против России", 12 апреля 2011 г.

Обозначенные проблемы в отношениях между судами фактически сводятся к правомерности норм федерального законодательства в свете требований Конституции РФ и Конвенции. При этом можно допустить возникновение ситуации, когда такие расхождения будут вызваны непосредственно положениями Конституции РФ. Например, согласно ст. 32 (ч. 3) Конституции РФ не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Между тем в деле "Херст против Великобритании" <1> Европейский суд указал, что автоматический и безоговорочный запрет не служит какой-либо законной цели по Конвенции, и в любом случае несоразмерен какой бы то ни было преследуемой цели, и нарушает ст. 3 Протокола N 1 к Конвенции.

<1> ЕСПЧ. "Херст против Великобритании", 30 июня 2004 г.

Тем самым очевидна необходимость в судебной практике, разрешающей вопрос иерархии конституционных и конвенционных норм. При этом существующий подход Суда РФ, исходя из которого

единственной возможностью отклонения от конституционных норм может быть признание наибольшего уровня гарантирования Европейским судом прав и свобод, со всей очевидностью нуждается в дальнейшем развитии и конкретизации.

Кроме того, случаи конфликта не исключены, если Европейский суд будет оценивать процессуальную сторону деятельности Конституционного Суда РФ, хотя в практике до сих пор подобных ситуаций не происходило. В Европейский суд поступали соответствующие жалобы на конституционное судопроизводство, которые, однако, признавались неприемлемыми. Так, Европейский суд принял 6 ноября 2003 г. решение по вопросу приемлемости жалобы против России, поданной Н.Д. Рожкой, одного из многих занимающихся частной практикой нотариусов, оспаривавших в Конституционном Суде нормы закона, обязывающие нотариусов вносить страховые взносы в пенсионный фонд по повышенным тарифам. Постановлением от 23 декабря 1999 г. N 18-П Конституционный Суд РФ признал неконституционными данные законоположения, предусмотрев, что излишне уплаченные страховые взносы подлежат зачету в счет будущих платежей после введения нового правового регулирования. В жалобе в Европейский суд заявитель утверждал, что ему было отказано в праве на доступ к правосудию, так как Конституционный Суд не предупредил его о дате заседания и рассмотрел дело в его отсутствие, нарушив тем самым положение ст. 6 Конвенции о праве на справедливое и публичное разбирательство дела. Европейский суд не признал данную жалобу приемлемой и, приведя ряд аргументов, заключил, что присутствие заявителя на слушании дела не было необходимым для формирования мнения Конституционного Суда.

При этом Европейский суд отметил, что к конституционному судопроизводству возможно применение ст. 6.1 Конвенции, сославшись на дело "Зюссманн против Германии". Если разбирательство дела в конституционном суде является частью разбирательства в судах общей юрисдикции, например когда национальные суды направляют запрос в конституционный суд о конституционности соответствующих положений закона, разбирательство в конституционном суде может подлежать в большей или меньшей степени оценке его соответствия ст. 6 Конвенции. Это неприменимо к жалобам, поданным в Европейский суд, которые касаются индивидуальных жалоб, поданных непосредственно в конституционный суд и направленных на отмену закона ввиду его неконституционности.

В связи с этим актуально анализировать вопрос о возможности пересмотра Конституционным Судом собственного решения. В Определении от 13 января 2000 г. N 6-О <1> Суд РФ, интерпретируя ст. 46 Конституции РФ, сделал следующие важные выводы.

<1> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13 января 2000 г. N 6-О "По жалобе гражданки Дудник Маргариты Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" // СЗ РФ. 2000. N 11. Ст. 1244.

Во-первых, из права на судебную защиту не следует возможность для гражданина по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебного оспаривания, - применительно к отдельным видам судопроизводства они определяются ст. 46 - 53, 118, 120, 123, 125 - 128 Конституции РФ, а также федеральными конституционными и федеральными законами. Это относится и к пересмотру судебных решений, в том числе окончательных.

Во-вторых, ст. 46 (ч. 3) Конституции РФ признает наличие судебных инстанций, решения которых в правовой системе Российской Федерации не подлежат обжалованию, что не противоречит конституционной обязанности государства обеспечивать каждому доступ к правосудию, в том числе для исправления судебной ошибки. Из этого исходил Конституционный Суд РФ, признав необходимость пересмотра вынесенных высшими инстанциями окончательных судебных решений при обнаружении новых, в том числе правовых, обстоятельств.

В-третьих, регулируя процедуры обжалования судебных решений, законодатель вправе, исходя из Конституции Российской Федерации и международных договоров Российской Федерации, принимать во внимание особенности того или иного вида судопроизводства, а также место соответствующего суда в судебной системе.

В-четвертых, именно занимаемое Конституционным Судом РФ место в судебной системе и системе государственной власти вообще, особенности конституционного судопроизводства и обуславливают тот факт, что его решения окончательны и не подлежат обжалованию, как это установлено ст. 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации".

Как отмечает Л.В. Лазарев, действующее законоположение значительно отличается от нормы ст. 53

Закона РСФСР "О Конституционном Суде РСФСР" 1991 г., которая предусматривала возможность пересмотра Конституционным Судом своего решения по собственной инициативе в случаях, если:

1) он признает, что решение было постановлено с существенным нарушением установленного порядка производства;

2) открылись новые существенные обстоятельства, не известные Конституционному Суду в момент постановления решения;

3) изменилась конституционная норма, на основании которой было принято решение. При этом автор подчеркивает, что соответствующие положения были вполне правомерными в тот период, когда Суд был правомочен рассматривать дела о конституционности правоприменительной практики, давать заключения о конституционности действий и решений высших должностных лиц <1>.

<1> См.: Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2006. С. 90, 91.

Представляется, что, поскольку проблема изменения правовой позиции Конституционного Суда имеет уже не только внутрисударственный аспект, существующее правовое положение нуждается в переосмыслении. Складывающаяся правовая практика в отношениях между органами конституционного и европейского правосудия все более провоцирует необходимость создания специальных правовых механизмов реагирования на решения Европейского суда в рамках конституционно-правового регулирования, чем раньше, когда можно было лишь гипотетически прогнозировать появление позиции Европейского суда, из которой будет следовать несовместимость с Конвенцией решения Конституционного Суда.

В связи с этим все более целесообразным и обоснованным выглядит введение соответствующей процедуры пересмотра судебных решений в рамках конституционного судопроизводства в целях исполнения решения Европейского суда как вновь открывшегося обстоятельства, являющегося основанием для такого пересмотра, путем внесения необходимых изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации". В то же время даже осуществление пересмотра Судом РФ собственного решения не предполагает однозначного изменения своей позиции относительно той или иной ситуации; в большей степени речь идет о дополнительном учете новых обстоятельств и аргументов, оценка которых могла бы повлиять на исход дела. Как справедливо отмечает Н.В. Витрук, решение Европейского суда о признании нарушения Конвенции, являясь основанием восстановления нарушенного конвенционального права, должно исполняться в системе правил внутрисударственной (национальной) правовой системы с учетом всего комплекса фактических и юридических обстоятельств дела лица, в отношении которого Европейским судом признано нарушение Конвенции <1>.

<1> См.: Витрук Н.В. Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. N 11. С. 48.

Не менее важно рассмотреть проблему урегулирования в упомянутом Федеральном конституционном законе вопроса участия Конституционного Суда РФ в принятии мер общего характера, требующих корректировки законодательства или сложившейся судебной практики, и вытекающих из соответствующего решения Европейского суда о признании нарушения Россией Конвенции. Такие законоположения предоставят Суду РФ возможность осуществлять разрешение сложных конфликтных конституционно-правовых ситуаций, вызванных необходимостью согласования национальных конституционных ценностей и интересов с требованиями, вытекающими из решений Европейского суда, констатирующих нарушение Россией Конвенции, когда такие решения не реализуются иным образом.

В любом случае, использование соответствующих правовых возможностей следует предполагать лишь в исключительных ситуациях, чтобы избежать излишнего вторжения Суда РФ в компетенцию других органов власти. Так, в случае если установленное Европейским судом нарушение положения Конвенции при рассмотрении судом в России конкретного дела связано с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции, но признанного ранее Конституционным Судом РФ не противоречащим Конституции РФ, а государство сочтет необходимым изменить или отменить этот закон, исходя из решения Европейского суда РФ, то это не влечет необходимости участия Конституционного Суда РФ в процессе реализации данного решения, поскольку в случае отмены закона указанное решение становится беспредметным.

В свете внесенных 3 ноября 2010 г. изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" обозначенная проблематика еще более обострилась. В частности, новеллой стало положение ч. 5 ст. 79 Федерального конституционного закона о том, что правовые позиции Конституционного Суда РФ подлежат учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего постановления Конституционного Суда РФ. Следует согласиться с мнением С.А. Авакьяна о неоднозначности приведенного законоположения. Прежде всего, речь идет о том, что Конституционный Суд РФ отражает свою позицию относительно того, соответствует ли Конституции РФ смысл нормативного акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой. На деле Конституционный Суд РФ нередко формулирует свою позицию и относительно необходимости правильного толкования смысла и содержания самой правовой нормы, дополнения нормы, появления новой нормы, поскольку все это влияет на место правила в нормативном механизме, а не только на формирование соответствующей правоприменительной практики. Кроме того, следовало бы также указать, что такого рода правовые позиции Конституционного Суда РФ подлежат учету не только правоприменительными, но и нормотворческими органами <1>.

<1> См.: Авакьян С.А. Конституционный Суд Российской Федерации: неоднозначные законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 1.

Весьма дискуссионным является положение ст. 47.1 новой редакции Федерального конституционного закона, которой было узаконено право Конституционного Суда РФ проверять по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод граждан или по запросу суда конституционность закона, если он придет к выводу о том, что оспариваемая заявителем норма, ранее признанная неконституционной постановлением Конституционного Суда, сохраняющим силу, применена судом в конкретном деле, а подтверждение Судом РФ неконституционности нормы необходимо для устранения фактов нарушений конституционных прав и свобод в правоприменительной практике.

Конституционный Суд РФ на первый взгляд наделяется правом оценивать конституционность правоприменительной практики, однако речь идет о "вторичной" практике, основанной на законе, который уже подлежал конституционной оценке и в отношении которой Суд РФ лишь получает функции контроля исполнения (подтверждения) собственного решения. При этом способ закрепления этого положения (статья "Разрешение дел без проведения слушания") вряд ли свидетельствует об уточнении компетенции Конституционного Суда. Новой редакцией ст. 3 данного Закона, наоборот, ограничен потенциал института конституционной жалобы за счет исключения права граждан обращаться в Конституционный Суд для проверки конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, что к тому же не вполне согласуется со ст. 125 Конституции РФ.

Изменение законом организационно-процессуальных основ деятельности Конституционного Суда с высокой долей вероятности может повлиять на способность конституционного судопроизводства отвечать требованиям ст. 6 Конвенции. В частности, введение однопалатной системы организации рассмотрения дел Конституционным Судом и в этой связи прогнозируемое снижение его пропускной способности могут негативно отразиться на "разумных" сроках разрешения им дел, доступности конституционного правосудия.

Важным аспектом участия Конституционного Суда РФ в процессе взаимодействия национального права и права Конвенции является наличие обратной связи со стороны Европейского суда, обусловленной обращением данного органа в процессе своей деятельности к решениям (правовым позициям) Конституционного Суда РФ.

В ряде постановлений Европейского суда, вынесенных по жалобам против России, приводились ссылки на позиции Конституционного Суда РФ как на источник национального права. Например, из 275 постановлений Европейского суда, вынесенных в отношении России до апреля 2007 г., соответствующие ссылки на российское конституционное правосудие как на источник права приводятся в 21 деле <1>. При этом чаще всего Европейский суд обращается к правовым позициям Конституционного Суда РФ в отношении уголовно-процессуального законодательства <2>. В свою очередь, по большинству других вопросов правовые позиции Конституционного Суда РФ представлены в единичных решениях <3>.

<1> См.: Российское конституционное судопроизводство как предмет европейской жалобы (2003 - 2007 гг.) // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 2007. С. 4 - 8.

<2> См., например: ЕСПЧ. "Кляхин против России", 30 ноября 2004 г.; "Ваньян против России", 15

декабря 2005 г.; "Булгакова против России", 18 января 2007 г.

<3> См., например: ЕСПЧ. "Шатунов против России", 1 июня 2006 г.; "Татишвили против России", 22 февраля 2007 г.

В редких случаях Европейский суд сопровождает изложение позиции Конституционного Суда РФ собственными замечаниями, как правило, связанными с оценкой влияния практики Конституционного Суда РФ на национальное право. Например, в Постановлении по делу "Корчуганова против России" <1> Европейский суд отметил: "Несоблюдение действовавшего в то время законодательства еще более необъяснимо в свете общеобязательных решений Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. и 25 декабря 1998 г., в соответствии с которыми повторное продление срока содержания под стражей на основании необходимости завершения ознакомления обвиняемого с материалами дела не допускалось законодательством и не соответствовало гарантиям защиты от необоснованного содержания под стражей".

<1> ЕСПЧ. "Корчуганова против России", 8 июня 2006 г.

Также Европейский суд может применять правовые позиции Конституционного Суда РФ в качестве аргументов собственной позиции. Так, в деле "Худоеров против России" <1> Европейский суд указал: "Власти Российской Федерации не указали каких-либо правовых норм, допускавших вынесение решения о продлении срока содержания под стражей задним числом. Напротив, общие положения требовали от начальника пенитенциарного учреждения освободить заключенного, как только истек установленный в соответствии с законом срок содержания его под стражей, если нет постановления о продлении этого срока (ст. 11 УПК РСФСР). Такого же мнения придерживался и Конституционный Суд РФ, признавший, что российское законодательство не содержало положений, позволявших суду принимать решение о продлении срока содержания подсудимого под стражей после истечения установленного срока, так как в этом случае подсудимый некоторое время содержится под стражей без соответствующего судебного решения".

<1> ЕСПЧ. "Худоеров против России", 8 ноября 2005 г.

Приведенная практика учета Европейским судом решений Конституционного Суда РФ показывает, что конституционное правосудие РФ можно характеризовать не только как инструмент проведения стандартов права Конвенции, выработанных Европейским судом, в национальный правопорядок, но и как важный национальный механизм, способный определенным образом влиять на практику Европейского суда.

Подчеркнем, что обозначенное разнонаправленное участие Конституционного Суда РФ в процессе взаимодействия права Конвенции и национального права является свидетельством того, что международно-правовой аспект присутствует при разрешении Судом РФ большинства дел, в той или иной степени затрагивающих сферу защиты основных прав. Однако согласно действующему законодательству единственным полномочием, прямо указывающим значение Конституционного Суда РФ для данной деятельности, является полномочие по проверке конституционности не вступивших в силу для России международных договоров (п. "г" ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Тем самым правовое регулирование допускает возможность участия Конституционного Суда РФ только в процессе согласования национального права и права Конвенции на этапе вхождения международных норм в национальную правовую систему.

При этом данное положение фактически не реализуется в практической деятельности Конституционного Суда РФ <1>. Потенциал данного полномочия не использовался даже при решении вопроса о подписании и ратификации весьма значимых для России международных договоров, в частности Протокола N 6 или Протокола N 14 к Конвенции.

<1> См.: Витрук Н.В. О некоторых особенностях использования решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 84.

Обращает на себя внимание то, что системные преобразования в ноябре 2010 г. Федерального конституционного закона совсем не коснулись сферы участия Суда РФ в процессе взаимодействия национального и международного права. Так, не были устранены препятствия, значительно затрудняющие

осуществление Судом РФ права проверки конституционности не вступивших в силу международных договоров РФ; по-прежнему отсутствует легальная процедура оценки Конституционным Судом РФ конституционности норм международного права и определения того, являются ли они непосредственно действующей частью российского права.

В связи с этим Конституционный Суд РФ, ориентируясь на опыт многих государств, которыми осознается важнейшая роль конституционного правосудия в процессе взаимодействия национального и международного права, реагирует в своей фактической деятельности на вызовы времени, в том числе связанные с необходимостью участия в процессе реализации решений Европейского суда. Соответственно, Судом РФ раздвигаются приведенные формальные ограничения в области собственной юрисдикции, благодаря чему Суд РФ получил статус "наиболее решительного и последовательного института государственной власти в деле интегрирования России в мировое правовое пространство на основе норм международного права" <1>.

<1> Невинский В.В. Общепризнанные принципы и нормы международного права в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации по защите прав человека: проблемы применения // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 221.

Проведенный анализ предусмотренных законодательством возможностей Конституционного Суда РФ позволяет обозначить необходимость совершенствования действующего правового регулирования в соответствии с новыми задачами и современным характером деятельности Суда РФ, обусловленных его активным участием в интегрировании национального права в европейское правовое пространство. По аналогии с регулированием в других государствах - участниках Конвенции представляется обоснованным закрепить за Конституционным Судом РФ полномочия по осуществлению обязательной предварительной проверки конституционности особо значимых международных договоров Российской Федерации (Испания, Франция); по определению того, являются ли те или иные принципы и нормы международного права непосредственно действующей частью российского права и способны ли они порождать права и обязанности у субъектов национального права (Германия, Венгрия); по оценке соответствия законов и иных нормативных правовых актов общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека (Словакия); по разрешению вопроса о принятии мер общего характера, необходимых для реализации решений международного суда, юрисдикция которого обязательна для России, если оно не может быть реализовано иным образом (Чехия).

При этом оправданным стало бы создание законодательных механизмов возобновления конституционного судопроизводства в связи с решением Конституционного Суда, из-за которого международный суд констатировал нарушение действиями внутринациональных государственных органов международных соглашений и прав и свобод человека.

Представляется, что развитие действующего правового регулирования в обозначенных направлениях и усиление международно-правового аспекта деятельности Конституционного Суда РФ в части обеспечения выполнения требований права Конвенции будет содействовать укреплению национального конституционно-судебного механизма защиты основных прав человека, способного обеспечивать соблюдение международных обязательств Российской Федерации, в том числе посредством предупреждения нарушений Конвенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить несколько принципиальных моментов, важных для понимания состояния и перспектив участия органов судебного конституционного контроля государств - членов Совета Европы в процессе выполнения международных обязательств, вытекающих из Конвенции, а также места института конституционного правосудия в развитии общего европейского правового пространства.

Наличие во многом схожих институциональных и функциональных характеристик в работе Европейского суда, все чаще обозначаемого в качестве наднационального конституционного органа в сфере защиты прав и свобод человека, и органов конституционного правосудия как хранителей

национальных конституционных положений предопределяет их взаимосвязь и характер взаимовлияния. В частности, представляется, что наиболее адекватному пониманию конституционно-судебными органами требований, вытекающих из решений Европейского суда, способствует тот факт, что институты конституционного и конвенционного контроля, оба созданные в период серьезных социально-политических преобразований на Европейском континенте, в одинаковой степени выражают собой стандарты демократии, признанные таковыми мировым сообществом и воспринятые государствами. Данные органы в одинаковой мере призваны ограничивать, сдерживать государственную власть и обеспечивать защиту основных прав в государствах - участниках Конвенции.

Соответствующие обстоятельства предопределяют природу и формы участия конституционных судов в реализации решений Европейского суда, содействуя высокой степени их активности в этом процессе. Со времени своего появления конституционные суды проявляли особую заинтересованность в проникновении права Конвенции, выраженного, прежде всего, в решениях Европейского суда, в национальные правовые системы. В процессе взаимодействия с Европейским судом указанные национальные органы, определяя свою меру ответственности за реализацию конвенционных обязательств, по собственной инициативе связывали свои правовые позиции с требованиями права Конвенции, последовательно учитывая решения Европейского суда в своей деятельности и обеспечивая их прямое действие в национальной практике. В связи с этим в числе национальных органов государств - участников Конвенции конституционные суды приобрели значение главных катализаторов проведения Конвенции в истолковании Европейского суда в национальные правовые порядки.

В настоящее время участие конституционных судов в выполнении обязательств в рамках Конвенции имеет значение для эффективности контрольной деятельности европейского механизма защиты основных прав, поскольку ими обеспечивается выполнение обязательств, вытекающих из Конвенции, прежде всего путем оценки и соизмерения своих решений с решениями Европейского суда. В частности, органы конституционного правосудия обращаются как к правовым позициям, сформулированным в решениях по делам, где ответчиком было соответствующее государство, так и к правовым позициям, выраженным в решениях по делам, принятых в отношении иных государств - участников Конвенции. Тем самым конституционные суды имплементируют решения Европейского суда в национальное право и ориентируют иные национальные органы на их непосредственное применение.

Кроме того, в рамках выполнения конвенционных обязательств органы конституционного правосудия влияют на соотношение права Конвенции и национального права. Во многих государствах, где имеются органы конституционного правосудия, именно они оказали значительное воздействие на решение вопросов о месте Конвенции в иерархической системе источников национального права и правовом положении решений (правовых позиций) Европейского суда.

Примечательно, что в рамках конституционно-судебной деятельности обозначается тенденция конституционализации права Конвенции в рамках национального правового порядка и его превращения в важнейшую составную часть национальной правовой системы. Достаточно часто органы конституционного контроля применяют Конвенцию и правовые позиции Европейского суда для толкования конституционных норм и принципов, регулирующих гарантии защиты основных прав, а также применяют указанные акты в качестве критерия проверки конституционности национальных актов, ссылаясь на них в мотивировочной, а иногда и в резолютивной части решения.

В ряде государств (Германия, Испания) благодаря институту конституционной жалобы деятельность органов конституционного правосудия способствует созданию эффективной системы внутригосударственной защиты основных прав, в том числе прав, гарантированных Конвенцией, на национальном уровне. Прохождение процедуры конституционного судопроизводства становится важным этапом непосредственной защиты основных прав, если другие национальные средства исчерпаны, что позволяет обозначить институт защиты основных прав в порядке конституционной жалобы как общее средство правовой защиты для целей ст. 13 Конвенции. Тем самым в этих случаях осуществление непосредственной защиты основных прав в конституционно-судебной деятельности прямо содействует достижению конечной цели, преследуемой системой европейского контроля: обеспечение возможности для граждан стран - участниц Конвенции в полной мере отстаивать свои конвенционные права в рамках их внутренних правовых систем.

Обозначенная деятельность конституционно-судебных органов, связанная с их участием в реализации решений Европейского суда, осуществляется исходя из полномочий соответствующих судебных органов, определенных национальным правом. При этом для характера соответствующей деятельности в рамках конкретной национальной правовой системы имеет принципиальное значение, в

качестве кого фактически выступает данный орган в большей степени - субъекта, осуществляющего контроль иерархии законодательных актов, или субъекта, осуществляющего защиту и обеспечение основных прав, в том числе гарантированных Конвенцией. Так или иначе, наиболее оптимальным для эффективного участия конституционных судов в процессе выполнения конвенционных обязательств является сочетание и сохранение правильных пропорций между защитой прав граждан и защитой непротиворечивости правовой системы в конституционно-судебной деятельности, что предполагает наличие баланса осуществления нормоконтроля и непосредственной защиты основных прав человека в процедуре конституционной жалобы.

В связи с этим особое значение для процесса участия органа конституционного правосудия в выполнении конвенционных обязательств имеет его собственная активность, которая нередко оказывает более определяющее значение на реализацию права Конвенции, чем конституционные положения о статусе права Конвенции в национальной правовой системе.

Нередко, участвуя в реализации права Конвенции и, прежде всего, решений Европейского суда, конституционные суды значительно расширяют свои легальные полномочия, связанные с обеспечением ими взаимодействия национального права и права Конвенции. Так, следует указать, что в некоторых государствах, где изначально отсутствовал контроль конституционности нормативных актов, право Конвенции активно содействовало фактическому становлению функции конституционного нормоконтроля (Швейцария, Нидерланды).

Поскольку конституционные суды стремятся, обеспечивая конституционность порядка, наиболее полно содействовать достижению баланса национальных суверенных интересов, определенных национальной конституцией, и выполнению международных обязательств в области прав человека, их задачи в рамках происходящих процессов интеграции государств в европейское правовое пространство будут усложняться. Такая ситуация требует пересмотра некоторых параметров конституционно-судебного устройства во многих государствах - участниках Конвенции.

В свою очередь Конституционный Суд РФ принимает участие в реализации решений Европейского суда, учитывая практику конституционно-судебной деятельности в зарубежных государствах (в первую очередь Западной Европы), для эффективного решения задач взаимодействия права Конвенции и национального права.

Так, в российской конституционно-судебной практике наблюдаются процессы, соответствующие общим тенденциям участия органов судебного конституционного контроля государств - членов Совета Европы в выполнении конвенционных обязательств. Конституционный Суд РФ осуществляет разнонаправленную деятельность по обеспечению реализации решений Европейского суда, прежде всего непосредственно применяя их вместе с Конвенцией в качестве критерия разрешения конституционно-правового спора или обращаясь к ним для подтверждения собственных выводов. Оценивая конституционные положения о правах и свободах во взаимосвязи с нормами Конвенции в истолковании Европейского суда, Конституционный Суд РФ демонстрирует признание их конституционного значения.

Вырабатывая специальные правовые позиции, Конституционный Суд РФ содействует достижению правовой определенности в вопросе о юридической силе решений Европейского суда посредством: признания в качестве неотъемлемого элемента правового статуса решений Европейского суда, вынесенных против России, наличия правовых последствий; в первую очередь направленных на прекращение нарушений Конвенции и устранение их последствий; оценки правовых позиций Европейского суда, в том числе содержащихся в решениях, вынесенных в отношении других государств - участников Конвенции, в качестве составной части национальной правовой системы; установления требования об обязательном учете правовых позиций Европейского суда во внутригосударственной деятельности.

Однако такая конституционно-судебная деятельность осуществляется в рамках законодательно определенных форм и возможностей, которые к настоящему времени в целом недостаточно соответствуют задачам конституционного правосудия в сфере интегрирования национальной конституционно-правовой системы в международное правовое пространство в сфере защиты основных прав и свобод человека и его фактическому участию в этом процессе.

В связи с этим актуальной дискуссией является совершенствование действующих правовых режимов для того, чтобы деятельность органов конституционного правосудия могла отвечать обозначенным вызовам времени, что важно как для Российской Федерации, так и для большинства государств - участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

1. Абдрашитова В.З. Прецедентный характер решений Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 125 - 131.
 2. Абдрашитова В.З. Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского суда по правам человека: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
 3. Абдуллаев Ф. Значение прецедента Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Азербайджанской Республики // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 47 - 51.
 4. Абрамвичюс А. Практика Европейского суда по правам человека в решениях Конституционного Суда Литовской Республики // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. Институт права и публичной политики, 2006. С. 82 - 87.
 5. Адамович Л. Судебная практика Конституционной судебной палаты Австрийской Республики по вопросам прав человека // Конституционное правосудие на рубеже веков. Материалы Международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Москва, 1 - 2 ноября 2001 г.). М., 2002. С. 16 - 20.
 6. Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
 7. Алкема Е.А. Юридические последствия ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека // Российский ежегодник международного права. 1995. С. 110 - 131.
 8. Арнольд Р. Международное право в немецком правовом порядке // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 194, 195.
 9. Арнольд Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. Сборник докладов. М., 2001. С. 61 - 64.
 10. Арнольд Р. Европейское конституционное право: некоторые размышления о концепции, возникшей во второй половине двадцатого века // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 4. С. 107 - 114.
 11. Арутюнян Е. Доктринальные подходы Конституционного Суда Республики Армения к решениям Европейского суда по правам человека // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 88 - 92.
 12. Арутюнян Е. Роль конституционных судов в формировании единого правового пространства Европы // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. Сборник докладов. М., 2007. С. 120 - 125.
 13. Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
 14. Балик С. Опыт Конституционного Суда Чешской Республики по приведению в исполнение решений Европейского суда по правам человека // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 232 - 237.
 15. Барциц И.Н. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 62, 63.
 16. Беше-Головко К. Обращение в Европейский суд по правам человека: вопрос о распределении суверенитета между государством и народом // Народовластие и права человека. Материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 19 - 22 октября 2011 г.). М., 2012. С. 556 - 561.
 17. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.
 18. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека и осуществление конституционного контроля (в свете практики Конституционного Суда РФ) // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 198 - 216.
 19. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с
-

- компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. N 6. С. 113 - 117.
20. Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М., 2010.
21. Бурков А.Л. Конституционный Суд Российской Федерации и прецедентная практика Европейского суда по правам человека // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2009. N 3. С. 18 - 22.
22. Вагнер Б. Конституционная юрисдикция - основные права - защита права собственности в Австрии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. N 4. С. 135, 136.
23. Варламова Н. Верховенство права - базовый принцип европейской системы защиты прав человека // Вопросы применения норм международного права и стандартов Совета Европы в области судебной защиты прав и свобод человека. Сборник материалов и нормативных актов. Барнаул, 2004. С. 247, 248.
24. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998.
25. Визер Б. Защита прав человека в Австрии // Государство и право. 1993. N 1. С. 100 - 109.
26. Вильдхабер Л. Отношения между Европейским судом по правам человека и национальными судебными органами. Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия // Сборник докладов. М., 2007. С. 9 - 13.
27. Вильдхабер Л. Роль и значение прецедента в деятельности Европейского суда по правам человека // Право и политика. 2001. N 8. С. 102 - 109.
28. Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском суде по правам человека // Государство и право. 2001. N 12. С. 5 - 17.
29. Вильдхабер Л. Место Европейского суда по правам человека в европейском конституционном ландшафте // Основные доклады XII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.). Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 12. Конституционный Суд РФ. М., 2002. С. 64 - 69.
30. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. 2-е изд. М., 2005.
31. Витрук Н.В. О некоторых особенностях использования решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 84, 85.
32. Витрук Н.В. Необходимо принятие нового Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" // Журнал конституционного правосудия. 2011. N 6. С. 5, 6.
33. Витрук Н.В. О юридической силе решений Европейского суда по правам человека // Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 237 - 24.
34. Витрук Н.В. Практика Конституционного Суда Российской Федерации в контексте действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2006. N 3. С. 14, 15.
35. Витрук Н.В. Обязательства России как государства - участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. N 1. С. 149 - 152.
36. Витрук Н.В. Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. N 11. С. 39 - 48.
37. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980.
38. Гаджиев Е.А. Влияние юриспруденции Европейского суда по правам человека на практику Конституционного Суда РФ // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры Германии и России. Материалы 5-й встречи (Баден-Баден, 14 - 17 января 2003 г.). М., 2003. С. 26 - 29.
39. Гаджиев Е.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000 - 2002 гг.) // Журнал российского права. 2003. N 1. С. 9 - 17.
40. Гаджиев Е.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации. Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам "Журнала конституционного правосудия") / Под ред. С.Д. Князева, М.А. Митюкова, С.Н. Станских. М., 2011. С. 36 - 65.
41. Гаджиев Г.А. Закон "О Конституционном Суде Российской Федерации": новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. N 10. С. 17 - 26.
42. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как новый
-

источник российского гражданского права // Закон. 2006. N 11. С. 22, 23.

43. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. N 3. С. 81 - 85.
 44. Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 43 - 52.
 45. Гарлицкий Л. "Конституционные ценности" и Страсбургский суд // Конституционные ценности в теории и судебной практике. Сборник докладов. М., 2009. С. 221 - 233.
 46. Гладышева С.С. Правовой диалог между Федеральным Конституционным Судом ФРГ и Европейским судом по правам человека // Российский юридический журнал. 2005. N 4. С. 40 - 50.
 47. Гладышева С.С. Европейский суд по правам человека и Конституционный Суд Российской Федерации: сотрудничество по горизонтали или вертикальный контроль? // Московский журнал международного права. 2004. N 4. С. 59 - 72.
 48. Глотов С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1999.
 49. Голубок С.А. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года N 4-П: есть ли суд после Суда? // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. N 3. С. 160 - 162.
 50. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998.
 51. Грачева (Перчаткина) С.А. Реализация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов: современные тенденции и перспективы // Журнал российского права. 2011. N 10. С. 97 - 109.
 52. Грачева (Перчаткина) С.А. Значение защиты основных прав конституционными судами для выполнения государствами обязательств по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2010. N 2. С. 65 - 70.
 53. Грачева (Перчаткина) С.А. Роль органов конституционного правосудия в выполнении международных обязательств // Законность. 2009 г. N 12. С. 25 - 29.
 54. Грачева (Перчаткина) С.А. Некоторые аспекты влияния конституционного правосудия на соотношение международного и конституционного права (на примере Австрии и Германии) // Конституционное и муниципальное право. 2009. N 20. С. 36 - 39.
 55. Грачева (Перчаткина) С.А. Влияние практики Европейского суда по правам человека на общие подходы к толкованию национального права Конституционным Судом Российской Федерации // Материалы Международной межвузовской научно-практической конференции "Проблемы современного российского права" (4 - 5 мая 2007 г.). Челябинск, 2007. С. 159 - 160.
 56. Грачева С.А. Комментарий к Постановлению Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу "Константин Маркин против России" // Закон. 2012. N 5. С. 34, 35.
 57. Ди Грэгорио А. Судьба российской конституционной юстиции: сравнительный анализ // Журнал конституционного правосудия. 2008. N 4. С. 5 - 8.
 58. Даниленко Д.В. Конституционный контроль международных обязательств и пересмотр Конституции во Франции // Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 297 - 304.
 59. Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. 1995. N 11. С. 115 - 125.
 60. Алмейда Л.Н. де. Развитие идеи демократического правового государства и применение вытекающих из нее принципов Конституционным судом Португалии // Сравнительное конституционное обозрение 2004. N 3. С. 88 - 91.
 61. Сальвиа М. де. Европейская Конвенция по правам человека. СПб., 2004.
 62. Сальвиа М. де. Европейская защита прав человека и соблюдение принципа субсидиарности // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2007. N 11. С. 21 - 26.
 63. Деменева А.В. О некоторых проблемах нормативного регулирования вопросов исполнения в России постановлений Европейского суда по правам человека // Юридический мир. 2007. N 9. С. 53 - 56.
 64. Деменева А.В. Юридические последствия постановлений Европейского суда по правам человека для Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
 65. Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской
-

Федерации / Под ред. Ю.Ю. Берестнева. М., 2003.

66. Европейский суд по правам человека: Избранные решения. Т. 1 / Под ред. В.А. Туманова. М., 2000.
 67. Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека / Под ред. Л.М. Энтина. М., 2005.
 68. Ершов В.В., Ершова Е.А. Современные проблемы международного права // Российское правосудие. 2006. N 2. С. 17 - 28.
 69. Ершов В.В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2007. N 1. С. 22 - 32.
 70. Ершов В.В. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации. М., 2006. С. 149 - 170.
 71. Занина М.А. Коллизии норм международного права и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2005. N 11. С. 58, 59.
 72. Зимненко Б.Л. Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие // Российская юстиция. 2003. N 9. С. 6 - 10.
 73. Зимненко Б.Л. Решения Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации // Государство и право. 2008. N 7. С. 32 - 38.
 74. Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. N 12. С. 14 - 23.
 75. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008.
 76. Зорькин В.Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 173 - 182.
 77. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. N 12. С. 3 - 9.
 78. Игнатенко Е.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. N 1. С. 73 - 84.
 79. Исполинов А.С., Ковалев А.А. Европейский суд по правам человека и Конституционный Суд Российской Федерации: диалог или конфронтация? // Российское правосудие. 2011. N 5. С. 4 - 14.
 80. Исполинов А.С., Ковалев А.А. Субсидиарность и защита прав человека: Европейский суд по правам человека и Конституционный Суд России после дела Маркина // Российское правосудие. 2012. N 1. С. 5 - 17.
 81. Капустин А.Я. Конституция России и международное право // Конституция как основа правовой системы государства в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 30 - 31 октября 2008 г.). М., 2009. С. 449 - 463.
 82. Капустин А.Я. Особенности и структура обязательства государств-ответчиков обеспечить выполнение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2006. N 4. С. 13 - 17.
 83. Капустин А.Я. Решения международных судов и российское право // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и др. М., 2004. С. 305, 306.
 84. Кемби Ж.-П. Конституционные суды Европы и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995. С. 147 - 150.
 85. Кельзен Е. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция, часть 1) // Право и политика. 2006. N 8. С. 5 - 14.
 86. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция, часть 2, окончание) // Право и политика. 2006. N 9. С. 5 - 18.
 87. Ковлер А.И. Новые тенденции в практике Европейского суда по правам человека: пилотные постановления о "структурных проблемах" // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2006. N 5. С. 6 - 13.
 88. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации / Под ред. О.И. Тиунова. М., 2005.
 89. Колосова Н.М. Право каждого на международную судебную защиту и государственный суверенитет // Народовластие и права человека. Материалы IV Международной научно-практической
-

конференции (Москва, 19 - 22 октября 2011 г.). М., 2012. С. 562 - 568.

90. Калугин В.Ю. Механизм имплементации международного гуманитарного права. Минск, 2003.

91. Куликов А.В., Герасимова Е.В. Развитие функции защиты прав и свобод человека в деятельности органов конституционной юстиции (Сравнительно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. N 10. С. 27, 28.

92. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995.

93. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. М., 2007.

94. Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

95. Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.

96. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. М., 2002.

97. Кряжков В.А. Конституционное правосудие на защите прав человека // Российская юстиция. 2002. N 3. С. 35, 36.

98. Лазарев В.В., Мурашова Е.Н. Место решений Европейского суда по правам человека в национальной правовой системе // Журнал российского права. 2007. N 9. С. 110 - 124.

99. Лаптев П.А. Прецеденты Европейского суда по правам человека и российская судебная практика // Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Избранные права. М., 2002. С. 43, 44.

100. Лобов М.Б. Решения Европейского суда по правам человека: правовые последствия для государств - членов Совета Европы // Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Избранные права. М., 2002. С. 19 - 25.

101. Лобов М.Б. Прямое действие постановлений Европейского суда по правам человека во внутреннем праве: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 88 - 90.

102. Лобов М.Б. Контроль за исполнением решений Европейского суда // Европейский суд по правам человека: правила обращения и судопроизводства. Сборник статей и документов. Серия "Международная защита прав человека". Вып. 5 / Под ред. Л.М. Чуркиной. Екатеринбург, 2001. С. 60 - 80.

103. Лобов М.Б. Надзор за исполнением решений Европейского суда по правам человека // Вопросы применения Европейской конвенции по правам человека. Сборник докладов. М., 2000. С. 93 - 111.

104. Люббе-Вольфф Е. Европейский суд по правам человека и национальные суды - дело Гергюлю // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 39 - 43.

105. Липкина Н.Н. Правовые позиции Европейского суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

106. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. N 3. С. 115 - 128.

107. Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993.

108. Лукашук И.И., Лукашук О.И. Толкование норм международного права. М., 2002.

109. Лукашевич В.А. Европейский консенсус в практике Европейского суда по правам человека: институциональные и интерпретативные аспекты // Сравнительное конституционное обозрение. 2009 г. N 4. С. 59 - 61.

110. Международное право / Под ред. Е.В. Игнатенко и О.И. Тиунова. М., 3-е изд. 2006.

111. Марченко М.Н. Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. 2006. N 2. С. 11 - 19.

112. Морщакова Т.Г. Применение международно-правовых норм о правах человека в конституционном правосудии // Конституционное правосудие на рубеже веков. Материалы Международной конференции, посвященной 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Москва, 1 - 2 ноября 2001 г.). М., 2002. С. 182 - 190.

113. Морщакова Т.Г. Конституционная защита прав и свобод граждан судами Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2004 г. N 4. С. 124 - 128.

114. Медушевский А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Сборник докладов. М., 1999. С. 3 - 41.

115. Мельхиор М., Куртуа К. Отношения между конституционным судом и иными судами // Основные доклады XII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 14 - 16 мая 2002 г.). Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 12. М.: Конституционный Суд РФ, 2002. С. 39 - 60.
116. Метлова И.С. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
117. Молотов А.В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тюмень, 2003.
118. Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. М., 2011.
119. Нере М. Европейский суд по правам человека и национальное правосудие (Германия) // На пути в Европу. Сборник материалов 5-й Международной конференции судей (Стамбул, 2007 г.). С. 80 - 88.
120. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007.
121. Нешатаева Т.Н. Права человека и судебный прецедент // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 47 - 62.
-
- КонсультантПлюс: примечание.
Статья Т.Н. Нешатаевой "Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права" включена в информационный банк согласно публикации - "Вестник ВАС РФ", 2004, N 3.
-
122. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия: Сборник статей. 2008. С. 626 - 647.
123. Николаев А.М. Проблемы реформирования Европейского суда по правам человека на современном этапе // Конституционное и муниципальное право. 2008. N 15. С. 14 - 18.
124. Николаев А.М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
125. Николаева Т.А. Обращения граждан в органы конституционной юстиции Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
126. Нуссбергер А. Восстановление Вавилонской башни // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. N 2. С. 71 - 73.
127. Нуссбергер А. Революционная философия Европейской конвенции о защите прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 86 - 92.
128. Обязательства государств - участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда / Под ред. Л.М. Чуркиной. Сер. "Международная защита прав человека". Вып. 5. Екатеринбург, 2005.
129. Омеич Я. Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Республики Хорватия // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: Сборник докладов. М., 2006. С. 150 - 172.
130. Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006.
131. Осминин Б.И. Способы реализации международных договорных обязательств в национальных правовых системах // Юрист-международник. 2008. N 2.
132. Осминин Б.И. "Самоисполнимость" - условие непосредственного применения международных договоров Российской Федерации // Юрист-международник. 2005. N 2. С. 3 - 11.
133. Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / Под ред. А.Л. Буркова. Сер. "Международная защита прав человека". Вып. 6. Екатеринбург, 2006.
134. Папир Х.-Ю. Соотношение между национальным конституционным правом и Европейской конвенцией о защите прав человека с точки зрения Федерального Конституционного Суда Германии // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2006. N 4. С. 28 - 35.
135. Пацация М.Ш. Европейский суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам // Законодательство и экономика. 2006. N 3. С. 60 - 70.
136. Пферсманн О. Селективное правовое государство и конституционная жалоба // Сравнительное конституционное обозрение. 2003. N 3. С. 175 - 180.
137. Пыриков Е.Г. Федеральный конституционный суд Федеративной Республики Германия о юридической силе и исполнении в Германии постановлений Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2007. N 2. С. 4 - 17.

138. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в постановлениях Европейского суда по правам человека (2004 - 2007 годы) / Подготовил Е.Г. Пыриков // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 121. М.: Конституционный Суд РФ, 2007.
139. Российское конституционное судопроизводство как предмет европейской жалобы (2003 - 2007 гг.) / Подготовил Е.Г. Пыриков // Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 120. М.: Конституционный Суд РФ, 2007.
140. Робер Ж. Развитие конституционной юстиции в Европе // Российская юстиция. 1999. N 11. С. 47, 48.
141. Садурский В. Расширение Совета Европы в восточном направлении и конституционализация Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 94 - 103.
142. Садчикова О.В. Решения Европейского суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
143. Саква Р. Совет Европы и Россия: конститутивный подход // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. Сборник докладов. М., 2001. С. 15 - 36.
144. Спале А. Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Латвийской Республики // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006. С. 71 - 81.
145. Султанов А.Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. N 12. С. 85 - 93.
146. Султанов А.Р. Европейский суд по правам человека нашел еще одну системную ошибку в правоприменительной практике РФ // Международное публичное и частное право. М., 2007. N 5. С. 33 - 35.
147. Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012.
148. Стандарты Совета Европы по правам человека и российская правоприменительная практика. Сборник аналитических статей / Под ред. М.Р. Воскобитовой. М., 2005.
149. Танчев Е. Современный конституционный плюрализм и применение правил, выработанных Европейским судом по правам человека, в практике Конституционного Суда Болгарии // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 53 - 62.
150. Танчев Е. Возникающий наднациональный конституционализм и современные системы конституционного контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. N 4. С. 78 - 93.
151. Тиунов О.И., Каширкина А.А. Рецензия на книгу Вибке Рюкерт "Международное право в практике российского конституционного суда" // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. Вып. 2. С. 126 - 129.
152. Тиунов О.И. Интерпретация норм европейского гуманитарного права в российской правовой системе // Российская и европейская правозащитные правовые системы: соотношение и проблемы гармонизации. Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003. С. 172 - 175.
153. Тиунов О.И. О роли Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. N 3. С. 92 - 98.
154. Тиунов О.И. Решения Конституционного Суда Российской Федерации и международное право // Российская юстиция. 2001. N 10. С. 14 - 16.
155. Тиунов О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995. С. 179 - 191.
156. Тихомиров Ю.А. Реализация международно-правовых актов в российской правовой системе // Журнал российского права. 1999. N 3-4. С. 87 - 94.
157. Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. N 11. С. 3 - 12.
158. Тихомиров Ю.А. Национальные законодательства и международное право: параллели и сближения // Московский журнал международного права. 1993. N 3. С. 80 - 88.
159. Тузмухамедов Б.Р. Международное право в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2000. N 10. С. 98 - 104.
160. Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции. Хрестоматия. М., 2006.
161. Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. N 3. С. 78 - 82.
162. Туманов В.А. Конституционное правосудие в свете практики Европейского суда по правам
-

человека (на примере России) // Альманах "Конституционное правосудие в новом тысячелетии". Ереван, 2002.

163. Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001.

164. Уитц Р. Привлечение судов к суду: история соблюдения Венгрией стандартов Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 1. С. 77 - 79.

165. Филатова М.А. Исполнение постановлений Европейского суда по правам человека в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2010. N 4. С. 11 - 17.

166. Филатова М., Лаптев А. К вопросу о статусе правовых позиций Европейского суда по правам человека и о роли Конституционного Суда Российской Федерации в его определении // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 124 - 153.

167. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005.

168. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции РФ: теория и практика. М., 1998.

169. Хабриева Т.Я. Доктринальное обоснование и конституционное закрепление идей правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. N 2. С. 4 - 9.

170. Хартвиг М. Защита прав человека в Федеральной Республике Германии // Защита прав человека в современном мире / Под ред. И.А. Ледях. М., 1993. С. 68 - 83.

171. Хартвиг М. Влияние международного права на внутрисударственное право на примере Европейской конвенции по правам человека // Имплементация норм международного права в национальное законодательство: теория и практика. Материалы 3-й Международной научно-практической конференции органов конституционного контроля (Минск, 31 мая - 1 июня 2001 г.). Минск, 2001. С. 19 - 22.

172. Хасянов Р.М. Европейский публичный порядок, европейское правовое пространство и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: их соотношение и взаимодействие: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

173. Чернышев И.А. Правовые позиции Конституционного Суда России и Европейского суда по правам человека: генезис и взаимовлияние: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.

174. Чернышев И.А. Взаимодействие Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека: сравнительный анализ // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 6. С. 83 - 102.

175. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998.

176. Шайо А. Конституционализм и конституционный контроль в посткоммунистической Европе // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. N 3. С. 78 - 80.

177. Шольом Л. О сотрудничестве конституционных судов // Сотрудничество конституционных судов. Материалы X Конференции европейских конституционных судов 1996 г. Зарубежные системы конституционного контроля. Вып. 3. Конституционный Суд РФ. М., 2000. С. 8 - 12.

178. Шугуров М.В. Международное право прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации (ценностные и нормативные аспекты) // Журнал конституционного правосудия. 2008. N 6. С. 29 - 39.

179. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2008.

180. Эбзеев Б.С. Глобализация, общепризнанные принципы и нормы международного права и правовое опосредование Конституцией России тенденций гуманитарного сотрудничества // Российское правосудие. 2007. N 4. С. 4 - 18.

181. Эбзеев Б.С. Решение Европейского суда по правам человека по делу "Республиканская партия России против России", или Утраченные иллюзии // Журнал российского права. 2011. N 12. С. 71 - 85.

182. Эндзиньш А. Использование выводов, выраженных в практике конституционных судов европейских государств и Европейского суда по правам человека, в деятельности Конституционного суда Латвийской Республики // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. Сборник докладов. М., 2007. С. 208 - 215.

183. Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы. М., 1997.

184. Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004 - 2005 годах: Монография. СПб., 2006.

185. Arnold R. The emergence of European Constitutional Law // Electronic Journal of Comparative Law. 2007. N 11(3); <<http://www.ejcl.org>>.

186. Cameron L. National Security and the European Convention on Human Rights. Kluwer Law

International. The Hague-London-Boston. 2000.

187. Cornelia V.F. The European model of constitutional review of legislation: toward decentralization? // *International Journal of Constitutional Law*. Oxford. 2004. N 2. P. 461 - 491.
 188. Economides C. Projet d'etude comparative des solutions nationales sur la question des rapports entre le droit international et le droit interne et recommandations y relatives // *Les rapports entre le droit international et le droit interne*; <[http://www.venice.coe.int/docs/1993/CDL-STD\(1993\)006-f.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1993/CDL-STD(1993)006-f.asp)>.
 189. Fontanelli F., Dal Monte F.B. The decision N 348 and 349/2007 of the Italian Constitutional Court: The Efficacy of the European Convention in the Italian Legal System // *German Law Journal*. 2008. N 7; <<http://www.germanlawjournal.com>>.
 190. Gamper A. Introduction to the Study of the Law of the Austrian Federal Constitution// *International Constitutional Law Journal*. Oxford. 2008. N 2. P. 92 - 111.
 191. Garlicki L. Cooperation of courts: The Role of supranational jurisdictions in Europe // *International Constitutional Law Journal*. 2008. N 6(3-4). P. 509 - 530.
 192. Goldstein L., Ban C. The Rule of Law and the European Human Rights Regime. JSP, Center for the Study of Law and Society Jurisprudence and Social Policy Program UC Berkeley // <<http://escho-larship.org/uc/item/2q59x006>>.
 193. Haller H. The Interplay between the Austrian Constitutional Court and the European Court of Human Rights // *Material of Conference on the Interaction of National Courts with European Courts (Batumi, Georgia 6 - 7 November 2007)* // <<http://www.codices.coe.int>>.
 194. Hartwig M. Much ado about human rights: the Federal Constitutional Court confronts the European Court of Human Rights. *German Law Journal* 2005. N 5; <<http://www.germanlawjournal.com>>.
 195. Heifer L., Slaughter A.-M. Towards a Theory of Effective International Adjudication // *Yale Law Journal* 107(2). 1997. P. 273 - 391.
 196. Hoffmeister F. Germany: Status of European Convention on Human Rights in Domestic Law // *International Journal of Constitutional Law*. 2006. N 4(4). Oxford. P. 722 - 731.
 197. Klucka J. Suitable rights for constitutional complaint // <[www.venice.coe.int/docs/1997/CDL-JU\(1997\)019-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1997/CDL-JU(1997)019-e.asp)>.
 198. Lachmayer K., Eberhard H. Constitutional Reform 2008 in Austria: Analysis and Perspectives // *International Constitutional Law Journal*. N 2(2). 2008. P. 112 - 123.
 199. Lachmayer K., Fuchs C. The Right to a Fair Trial in the Case-Law of the Austrian Constitutional Court // *International Constitutional Law Journal*. Oxford. 2009. N 3(1). P. 2 - 4.
 200. Laurence R. Heifer. Redesigning the European Court of Human Rights: Embeddedness as a Deep Structural Principle of the European Human Rights Regime // *The European Journal of International Law*. N 1. 2008. P. 125 - 159.
 201. Maruste R. The implementation of the European Convention on Human Rights and Basic Freedoms in Member States of the Council of Europe // *Seminar on the role of the Constitutional Court in the implementation of International Law, Lviv, Ukraine, 7 - 8 October 1998*; <[www.venice.coe.int/docs/1998/CDL-JU\(1998\)034-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1998/CDL-JU(1998)034-e.asp)>.
 202. Nussberger A. The Reseption Process in Russia and Ukraine // *A Europe of Rights: The Impact of the European Convention on Human Rights on National Legal System*. Edited by Helen Keller and Alec Stone Sweet. Oxford. 2008. P. 619 - 622.
 203. Peters A. Supremacy Lost: International Law meets Domestic Constitutional Law // *International Journal of Constitutional Law*. Oxford. 2009. N 3(3). P. 170 - 198.
 204. Rossi F. The Progress of Integration between the European Convention on Human Rights and the Italian Constitutional Order in the Protection of Fundamental Rights in the EU // <www.amministratio-neincammio.luiss.it/wp.../2010/.../Rossi_Integration.pdf>.
 205. Rudolf B. Council of Europe: Von Hannover v. Germany // *International Journal of Constitutional Law*. Oxford. 2006. N 4(3). P. 533 - 539.
 206. Sweet A.S. On the Constitutionalisation of the Convention: The European Court of Human Rights as a Constitutional Court. *Yale Law School*. 2009 // <http://works.bepress.com/alec_stone_sweet/33/>.
 207. Schermers H. Some Recent Cases Delaying the Direct Effect of International Treaties in Dutch Law // *Michigan Journal of International Law*. 1989. N 1; <<http://students.law.umich.edu/mjil>>.
 208. Solyom L. The role of the constitutional courts in the transition to democracy (with special reference to Hungary) // *International sociology (Eotvos Lorand University)*. Budapest. 2003. N 18(1). P. 133 - 161.
 209. The European system for the protection of Human Rights / Edited by R.St.J. Macdonald, F. Matscher, H. Petzold. Dordrecht; Boston: M. Nijhoff; Kluwer Academic Publishers, 1993. 940 p.
-

210. Tomuschat C. The Effects of the Judgments of the European Court of Human Rights According to the German Constitutional Court // German Law Journal. 2010. N 5; <<http://www.germanlawjournal.com>>.

211. Zacharias D. The protection of mothers in British and German Constitutional Law: a comparative analysis and a contribution to the Implementation of the European Convention on Human Rights in the Domestic Legal Area // German Law Journal. 2008. N 1; <<http://www.germanlawjournal.com>>.

212. Zupancic B. Constitutional Law and the Jurisprudence of the European Court of Human Rights: An attempt at a Synthesis // German Law Journal. 2001. N 10; <<http://www.germanlawjournal.com>>.
